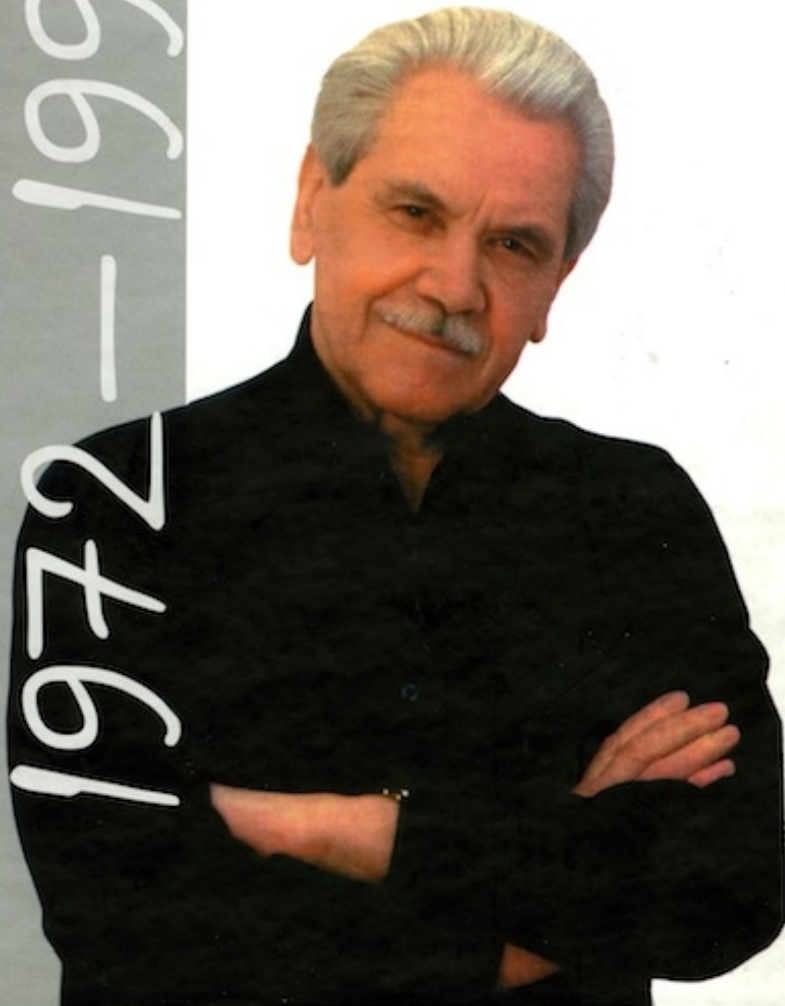

34(62+5)к1
4-45

Д н е в н и к — д в у х э п о х

1972—1991 2024

А. Черняев
**Совместный
Исход**

ОБРЫВ

Трое суток в Форосе.

О том, что увидел и услышал, оказавшись вместе с М.С. Горбачевым в Форосе¹ 18–19 августа 1991 года, я рассказал вскоре по возвращении в Москву в интервью журналистке Саше Безыменской для журнала «Шпигель», А. Любимову для телепрограммы «Взгляд», а также в газете «Известия» и в американском журнале «Тайм». Здесь я попытаюсь все соединить.

Несколько предварительных пояснений. Очевидно, нужна некоторая расшифровка имен и названий. Ольга — это Ольга Васильевна Ланина, референт в секретариате Президента. Тамара или Тома — это Тамара Алексеевна Александрова, мой референт как помощника Президента. Шах — это Г.Х. Шахназаров, который тогда тоже был помощником Президента. Инициалы М.С. и Р.М. — понятны. «Южный» — это санаторий, км. в 12 от «Зари», я и Ольга с Тамарой там ночевали и ездили туда днем обедать. Работали мы в служебном помещении метрах в 50 от дома Горбачева.

Делая записи в дневник, я через каждые полчаса включал «Маяк» (непрерывная информационная радиопрограмма): между новостями шли «симфонии» и музыка из балета Чайковского «Лебединое озеро», от которых в той обстановке тошнило. Потом в памяти миллионов слушателей они навсегда остались «позывными путча». Информацию «Маяка» я тут же фиксировал в дневниковой записи, эти места другим шрифтом воспроизвожу, хотя они и перебивают текст.

Итак — из дневника.

21 августа 1991 г.

Крым. Дача «Заря».

Видимо, пора писать хронику событий. Кроме меня никто не напишет. А я оказался свидетелем поворота истории.

18-го, в воскресенье, после обеда в «Южном» мы с Ольгой вернулись на службу. Тамара (по случаю воскресенья) попросила остаться. Дел, действительно, особых не было. Справились бы вдвоем. Речь при подписании Союзного договора была готова. Горбачев ее несколько раз переиначивал, все требовал от нас с Шахназаровым «укрупнять», а от меня — еще и «стиля». Г.Х. в отпуску в «Южном» здесь, на «нашей службе» у Горбачева не бывал, общался с М.С. по телефону.

Итак, около 4-х часов мы с Ольгой въехали в зону дачи.

¹ «Форос» после путча приобрел нарицательное звучание. На самом деле это — курортный поселок километрах в 5–6 (если считать по побережью) от президентской дачи, точное название которой было — «Заря». — А. Ч.

У въезда стояли, как обычно, две милицейские машины, лежала лента с шипами, которую для нас отодвинули².

Около 5-ти в кабинет ко мне вбежала Ольга: «Анатолий Сергеевич, что происходит? Приехал Болдин, с ним Бакланов и Шенин, и еще какой-то генерал, высокий в очках, я его не знаю» (потом, оказалось, — Варенников). Я выглянул в дверь... у подъезда нашего служебного дома скопилось множество машин — все с антеннами, некоторые с сигнальными фонарями... толпа шоферов и охраны. Выглянул в окно — в сторону дома М.С.... По дорожке ходит смурной Плеханов. На балконе виден издалика Болдин.

Ольга: «Анатолий Сергеевич, все это неспроста... Вы знаете, что связь отключили?» Я снял трубку... одну, другую, третью, в том числе СК³ — тишина. Стали гадать. Вслух я фантазировал насчет какой-нибудь новой аварии на АЭС (поскольку среди приехавших — Бакланов, он ведал ВПК): накануне сообщили о неполадках на Тираспольской АЭС и на одном из блоков Чернобыля...

Но дело оказалось гораздо хуже!

Четверо были у М.С.

Плеханов, Генералов (его зам.) и Медведев сидели на парапете лестницы под моим окном... Поглядывали, когда я подходил к окну. Включил транзистор: обычные передачи. Потом в этот день сообщили, что М.С. приветствовал какую-то очередную конференцию, что было передано его обращение к Наджибулле по случаю «ихнего» праздника (заготовки делал я)...

Примерно через час четверо отбыли. Уехал и Плеханов, забрав с собой Медведева, личного адъютанта Президента. На всех официальных фотографиях и на экранах телевизора он всегда стоял за спиной Горбачева, и никогда и нигде его не покидал. На этот раз уехал в Москву, бросив и предав «своего Президента». Это был уже знак. Да и когда я говорил Ольге насчет АЭС, я уже понимал, что речь идет о Горбачеве.

Связь была отключена начисто.

Еще когда ехали с Олей сюда, она попросилась отпустить ее пораньше, часов в 5, чтоб поплавать и т.д. Но машина за ней не пришла. Шоферу я сказал, чтобы он за мной приехал в 6.30. Но и за мной он не приехал. Через охранника-дежурного я попросил, чтобы тот, кто остался среди них за старшего, объяснил мне, что происходит.

Минут через 10 явился Вячеслав Владимирович Генералов. Мы с ним хорошо знакомы по поездкам за границу с М.С. — он обычно там руководил безопасностью. Очень вежливый. Попросил Ольгу оставить нас. Сел. «Анатолий Сергеевич, поймите меня правильно. Я здесь оставлен за старшего. Мне приказано никого не выпускать. Даже если бы я вас выпустил, вас тут же бы задержали пограничники: полукольцо от моря до моря в три ряда, дорога

² Кстати, лента эта, в отличие от прошлого и позапрошлого года, всегда лежала — с момента приезда Президента в Крым, а не со дня путча. — *А. Ч.*

³ Пункт правительственной связи, находившейся в Мухалатке, км. 20 от Зари в сторону Ялты. Соединение было — через телефонисток, служивших в КГБ. — *А. Ч.*

Севастополь-Ялта на этом участке закрыта, на море, видите — уже три корабля»...

Я задаю наивный вопрос: а как же завтра с подписанием Союзного договора?

Он: «Подписания не будет. Самолет, который прилетел за М.С., отправлен обратно в Москву. Гаражи с его машинами здесь на территории запломбированы и их охраняют не мои люди, а специально присланные автоматчики. Я не могу распустить по домам даже многочисленный обслуживающий персонал (люди местные — садовники, повара, уборщицы). Не знаю, где я их тут буду размещать».

Я опять наивно: Но как же так — у меня в «Южном» вещи, в конце концов ужинать пора! Там Тамара Алексеевна, наверно, мечется, ничего не может понять». Я понимал, в каком ужасном положении она оказалась, когда вечером мы не вернулись в санаторий. Потом она рассказывала, как металась, пытаюсь связаться с нами. Но там связь тоже была отрезана. И в машине ей отказали.

Он: «Ничего не могу сделать. Поймите меня, Анатолий Сергеевич. Я военный человек. Мне приказано... Никого! И никуда, никакой связи».

Ушел...

Вернулась Ольга. Она живая, острая, умная (недавно замужем, ребенок — 1,5 года, и муж Коля здесь — шофер на одной из президентских машин). Стала крыть Болдина, своего давнего начальника. Не терпит его: «Он -то зачем сюда явился?... Показать, что он уже лижет... новым хозяевам?» И т.п.

Время шло тупо.

Смеркалось, когда новый прикрепленный (вместо Медведева), симпатичный красавец Борис передал, что М.С. просит меня выйти из дому. Он, мол, здесь, гуляет рядом с дачей.

Я быстро оделся. Иду и думаю: каким я его сейчас увижу, как он?

(10 утра.⁴ По «Маяку» сообщение коменданта Москвы — ночью первые столкновения, нападение на БТР'ы и патрулей на Смоленской площади (кстати, возле дома, где я в Москве живу, каково-то родным!), у здания Верховного Совета РСФСР и у гостиницы ВС. Есть убитые и раненые. Значит — первая кровь. Комендант все валит на «хулиганствующие элементы» и уголовников...)

(В 12.00 по «Маяку»: Ивашко заявил в обращении к Янаеву: ПБ и Секретариат ЦК не может вынести свое суждение о событиях до тех пор, пока не встретится с Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым! Это — да!.. Особенно -после пролитой крови).

Итак: у входа в дачу стояли М.С., Р.М., Ирочка — дочь и Толя — зять. Пошутили: кому холодно, кому жарко: М.С. был в теплой кофте, за два дня перед тем ему «вступило» в поясницу. Проявился старый радикулит, в молодости он в проруби купался: был «моржом» и получил это недомогание, которое время от времени его посещало. М.С. пробросил: «врачи просили беречься». Он вообще боится сквозняков.

⁴ Это — утро 21 августа. В начале я предупредил, что дневник я начал писать именно 21-го, и записи прерывал фиксацией того, что слышал по «Маяку». — А. Ч.

Он был спокоен, ровен, улыбался. Ну, ты, — говорит, — знаешь, что произошло?

— Нет, откуда же мне знать! Я только из окна наблюдал. Видел Плеханова, Болдина. Говорят, какой-то генерал в очках, большой... и Бакланов.

— Генерал — это Варенников. Он и был самым активным. Так вот слушай, хочу, чтоб ты знал.

Р.М.: Вошли без спроса, не предупредив, Плеханов их вел, а перед ним вся охрана расступается. Полная неожиданность. Я сидела в кресле, прошли мимо и только Бакланов со мной поздоровался... А Болдин! С которым мы 15 лет душа в душу, родным человеком был, доверяли ему все, самое интимное!!!...

М.С. ее остановил.

— Слушай. Сели, я спрашиваю, с чем пожаловали? Начал Бакланов, но больше всех говорил Варенников. Шенин молчал. Болдин один раз полез: Михаил Сергеевич, разве вы не понимаете, какая обстановка!! Я ему: мудака ты и молчал бы, приехал мне лекции читать о положении в стране. (Слова «мудака» произнес «при дамах»). Иришка засмеялась и интерпретировала: «мутант» очень удачно. Она вообще умная, образованная).

Словом, продолжал М.С., они мне предложили два варианта: либо я передаю полномочия Янаеву и соглашаюсь с введением чрезвычайного положения, либо — отрекаюсь от президентства. Пытались шантажировать (не пояснил — как). Я им сказал: могли бы догадаться, что ни на то, ни на другое я не пойду. Вы затеяли государственный переворот. То, что вы хотите сделать, — с этим Комитетом и т.п. — антиконституционно и противозаконно. Это -авантюра, которая приведет к крови, к гражданской войне. Генерал стал мне доказывать, что они «обеспечат», чтобы этого не случилось. Я ему: извините, товарищ Варенников, не помню вашего имени отчества...

Тот: Валентин Иванович.

Так вот: Валентин Иванович — общество, это не батальон. Налево — марш и шагай. Ваша затея отзовется страшной трагедией, будет нарушено все, что уже стало налаживаться. Ну, хорошо: вы все и всех подавите, распустите, поставите везде войска, а дальше что?.. Вы меня застали за работой над

статьей⁵. Ибо уже налажен процесс согласия через формулу «9 плюс 1», мы были накануне подписания Союзного договора, который кардинальным образом менял бы положение во всей стране, который стал бы рубежом в развитии государства и общества, когда можно было бы начать строить новые структуры.

⁵ Судя по статье, он предвидел возможные варианты развития событий, в том числе — «чрезвычайный». Там был развернутый, детальный анализ нашей экономической, социальной и политической ситуации. Понимание глубокого недовольства, напряженности в обществе и опасности, если эта напряженность выплеснется наружу. Горбачев проанализировал, какие способы выхода из кризиса допустимы, какие должны быть выбраны и какие следует с самого начала отвергнуть, несмотря на крайне тяжелую ситуацию. Ибо уже налажен был процесс согласия через формулу «9 плюс 1», мы были накануне подписания Союзного договора, который кардинальным образом изменил бы положение во всей стране, который стал бы рубежом в развитии государства и общества, когда можно было бы начать строить новые структуры и энергичнее включать в дело все то, о чем уже решили. Самое главное сейчас, считал Горбачев, удержать этот процесс согласия, «не сорваться с рельс», как он выразился.

Он видел, что силы, сопротивлявшиеся перестройке, учитывали, что страна подошла к грани, за которой не будет возврата, и именно поэтому они решились пойти на авантюру. Эти силы уже давно давали о себе знать на пленумах ЦК КПСС, на Съезде народных депутатов СССР, в Верховном Совете. Они и на митингах, и в печати давно уже требовали чрезвычайного положения.

В статье Горбачев подробно разбирает, к чему оно может привести. Поскольку общество изменилось, «народ привык к воздуху свободы» (есть у него там такое выражение), он никогда не согласится вернуться вспять, никогда не примирится с режимом диктатуры. Может что-то получиться в тех или иных местах, — народ ведь доведен до предела и есть настроения: мол, черт с ней, с диктатурой, с хунтой, пусть будет кто угодно, лишь бы немедленное спасение от повседневных бед, улучшение жизни. В традициях русского народа есть склонность искать спасителя в верховной власти, которая придет, все рассудит и наладит. В этом, в этих настроениях — большая опасность. И тем не менее, народ в целом, вся страна не захотела бы и не позволила вернуться назад, отнять ту атмосферу свободы, которую создала перестройка. Так рассуждал М.С.

Поэтому чрезвычайное положение, по его оценке, было бы шагом к гражданской войне с неисчислимыми жертвами по всей стране. Ведь уже существовали и демократические институты, которые выступили бы против диктатуры, но главным было бы спонтанное сопротивление многих тысяч людей.

Характеризуя в проекте статьи силы, склонные действовать «по чрезвычайному варианту», Горбачев называл партийные структуры, которые несут очень большой реакционный заряд, военно-промышленный комплекс, который тоже в значительной степени привязан к старому и хочет восстановить свой прежний статус, свои привилегии. Он ссылался на другие реакционные категории общества. Конкретные имена не назывались, разумеется. — *А. Ч.*

— Так вот, продолжал рассказывать мне Горбачев о своем отпоре непрошенным гостям, — в статье рассмотрен и ваш вариант — с чрезвычайным положением. Я все продумал. Убежден — что это гибельный путь, может быть кровавый путь... И он — не куда-нибудь, а назад, в доперестроечные времена.

С тем они и уехали».

Все наперебой — что же дальше?

М.С.: ведь завтра они должны будут обнародовать. Как они объяснят «мое положение»?

Порассуждали насчет тех, кто приезжал. Я не преминул вернуть: это же все «ваши», М.С., люди, вы их пестовали, возвышали, доверились им... Тот же Болдин... «Ну, о Плеханове, — сказал М.С., обойдя Болдина — и говорить нечего: не человек! Что он — о Родине печется, изменив мне?! О шкуре!».

М.С. стал вслух гадать насчет других «участников» всей этой операции: посетители ведь ему назвали членов ГКЧП. Никак не мог примириться с тем, что Язов там оказался. Не хотел верить: «А может они его туда вписали, не спросив?»... В отношении старого маршала я присоединился к его сомнениям. Но в отношении Крючкова «отвел» его колебания: «вполне способен на такое... Да и потом: мыслимо без председателя КГБ затевать нечто подобное, тем более — действовать!!».

— А Янаев? — возмутился М.С. — Ведь этот мерзавец за два часа до приезда этих со мной говорил по телефону. Распинался, что меня ждут в Москве, что завтра приедет меня встречать во Внуково!

Так мы походили еще в темноте минут 15.

Я вернулся к себе. И стал волноваться «за» Тамару. Она там, в «Южном»... в панике, бегаёт, наверное, от Примакова к Шаху, от Шаха к Красину, умоляет хоть что-то узнать.

На другой день я попросил придти ко мне Генералова. Тот пришел, чего я уже не ожидал. Сказал ему, что так нельзя издеваться над женщиной, попросил отправить ее в Москву, помочь достать билет. Он: билета сейчас не достанешь (? — ему-то не достать!..) Однако, подумав, вдруг спросил:

— А она в какой степени готовности?

— Откуда мне знать! А что?

— У нас сегодня военный самолет пойдет. Аппаратуру связи и некоторых связистов повезет, одного больного из охраны⁶.

— Так захватите Тамару!

— Ладно. Сейчас пошлю за ней машину.

— Пусть заодно она и мой чемодан соберет, прикажите привезти его сюда, а то мне и бриться-то нечем...

Чемодан мне принесли поздно вечером.

Что в самолет Тамару посадили — мне сообщили на другой день.

⁶ Я сразу тогда догадался, о какой «связи» идет речь. Генералов проговорился. Имелось в виду то, что в просторечии называется «ядерной кнопкой»... Потом это подтвердилось. Офицеры, при которых неотступно находился знаменитый «чемоданчик», были отозваны вместе с ним в Москву, в распоряжение Моисеева, начальника Генерального штаба. — А. Ч.

Какова была степень нашей изоляции в «Заре»? Об этом меня постоянно спрашивали и журналисты, и знакомые по возвращении в Москву.

Генералов привез с собой не так уж много новых, «своих» людей. Часть он поставил у гаражей, где заперты были президентские машины с автономной системой связи, а также у ворот — тоже с автоматами. На берегу стояли и раньше пограничные вышки — на концах полукружия территории дачи. Там дежурили пограничники. Но за два-три дня до переворота их стало вдоль шоссе много больше. Потом только мы с Ольгой стали вспоминать, что не придали этому значения. Появились вдоль шоссе и люди в необычной форме — в тельняшках, с брюками на выпуск, не в сапогах, а в ботинках, похожие на ОМОНовцев. Только потом мы сообразили, что это значило. Достаточно было выйти из нашего служебного помещения и посмотреть на кромку скал, вдоль дороги Севастополь-Ялта, чтобы увидеть — через каждые 50–100 метров стояли пограничники, иногда — с собаками.

Наблюдение за нами было тщательное.

Вот эпизоды в доказательство.

19-го днем я пошел к Горбачеву. Часовой в будке на пути к даче остановил: Вы кто такой?

— Помощник.

— Куда идете?

— Легко догадаться, — показываю на дачу Президента.

— Не положено.

Я взвился и стал ему говорить нехорошие слова. Вдруг сзади подскочил Олег (один из личной охраны) и ему: «Ты — марш в свою будку! И чтоб никогда больше не лез к нему (показывает на меня пальцем). Идите, идите, Анатолий Сергеевич».

Я сделаю отступление. Оно важно. Это очень поддерживает атмосферу какой-то минимальной надежности. Во всяком случае — надежду, что нас голыми руками не возьмут. А если попытаются, дорого обойдется. К личной охране «публика» относится обычно с презрением. Но эти ребята показали себя настоящими рыцарями. Их начальники, Плеханов и Медведев, предали и их, изменили Президенту. А они не дрогнули. День и ночь, сменяясь, спокойные, напряженные, сильные ребята, с пистолетами и мини-рациями, часть вооружилась автоматами... Во всех «жизненных» пунктах вокруг дачи, иногда незаметные за кустами. Они были готовы стоять насмерть: и по службе, и по долгу, но главным образом — по-человечески, по благородству духа. Их было всего пять человек.

Второй эпизод. Утром 20-го Оля говорит: «А.С., чего вы сидите все время в кабинете. Сходим купаться. Ребятам (т.е. охране — она знает через мужа) запрещено выходить к воде. Но вас вряд ли остановят. А нас без вас не пустят».

— А куда?

— Ну, вон там, за домом, где столовая, гаражи, где большинство ребят живут. Там есть спуск к воде. Правда, крутой, камни, сорваться можно. Но ходят же люди.

Я согласился. Николай Федосьевич⁷ принес что-то на тарелке из столовой. Поел. Зашла Оля с Ларисой (медсестра) и Татьяной — большой доброй женщиной, массажисткой.

Пошли. Первый часовой очень подозрительно посмотрел. Не остановил, но тут же сообщил по рации: «Черняев куда-то пошел». Когда проходили мимо хоздома, навстречу выбежали знакомые ребята из охраны, с мячом (рядом — за сеткой спортплощадка). Спрашиваю: «Развлечься?..» «А что делать-то, А.С.?.. Никуда не пускают. Жарища. Тоска!».

Дошли до тропки и — резко вниз по самодельным ступенькам.. Спуск — метров 100. На половине — Ольга мне: «Оглянитесь!» Я оглянулся. За нами шел человек. Спустились к воде. Между больших валунов можно пробраться в воду. Небольшая площадка. На ней брошены три деревянных мата. Лариса разлеглась загорать. Мы трое пошли в воду — ногу можно сломать, пока доберешься до глубины, чтоб поплыть. Сделал несколько махов, перевернулся на спину. Мужик, который шел за нами, звонил по телефону. Лариса потом сказала, что он произнес: «Черняев здесь. Сижу»... (Телефон в будке для срочного вызова. В этом месте купалась охрана).

Справа пограничная вышка. Два солдата направили на нас все трубы и бинокли. Перед нами катер и глиссер... Завели моторы. Метрах в ста маячит фрегат.

Зачем тогда мужик-охранник?.. Догонять, если в Турцию поплыву? Не догонит: я слишком хорошо (для него, толстяка, плаваю). Ясно: чтоб знали — вы собой не распоряжаетесь, за вами везде следят, вы полузэки. Психическое давление.

Через 1/2 часа вылезли. Охранник отвернулся. Пошли вверх. Слышим: он по телефону — «Черняев поднимается!».

Женщины уговорили меня и на другой день пойти купаться. Идем. Говорю: «Противно, неохота». Таня реагирует: «Тоже ни за что бы не пошла, да позлить этих сволочей хочется!».

«Процедура» та же, что в первый раз: за нами стал спускаться (уже другой) охранник. Еще не успели раздеться, он громко по телефону: «Объект здесь. Остаюсь...». Но на этот раз наверху, у начала тропинки объявился еще и пограничник с собакой.

Поплыли. Видно, как в даче на балконе — Толя и Иришка наблюдают за нами. А внизу ближе к «президентскому» пляжу Генералов и еще человек 5 — выстроились, смотрят в бинокль. Потом он «счел нужным довести» до Ольги — что видел, как мы купались.

М.С. после этого мне сказал: не ходи далеко от дома, во всяком случае — без моего ведома. Что он имел в виду? Может, просто «заботу проявил»...

В 15.00 21.VIII. TV-новости. Ельцин заявил в парламенте России: Горбачев в изоляции в Крыму. Решение — направить сюда Руцкого, Силаева + других депутатов. Выступил там Бакатин. Диктор взволнованно и подробно изложил его речь: Государственный переворот. Горбачев, по крайней мере в воскресенье, был совершенно здоров, не считая радикулита (видно от Примакова узнал).

⁷ Н.Ф.Покутний, второй личный врач Президента. — А. Ч.

Творится беззаконие. Нужно пригласить в российский парламент депутатов ВС СССР, которых сейчас усиленно обрабатывают.

Парламент почтил минутой павших в эту ночь «на его подступах».

Вот, Михаил Сергеевич, где проверяются люди: Бакатин, которого вы отпихнули, боясь всяких Лукьяновых, Янаевых и проч.!

Мое общение с Михаилом Сергеевичем в эти дни.

19-го утром, как только по «Маяку» услышал о ГКЧП, стал думать, как мне вести себя с М.С. — ждать, когда позвет? То есть — по прежней субординации? Нет — так нельзя: он должен убедиться в моей верности. И он нуждается в поддержке. Пошел к нему. Долго бродил по дому, пока внучка меня не обнаружила. Привела к деду наверх. Он лежал на постели — после процедуры: ему еще «донатирали» радикулит.

«Ты знаешь, Анатолий, — начал сходу, — когда я разговаривал с этими, ни один мускул у меня не дрогнул. Был совершенно спокоен. И сейчас — спокоен. Я убежден в своей правоте. Убежден, что это — авантюра, и не дай Бог — с кровью»...

Помолчал.

«Не удастся им ни навести порядок, ни собрать урожай, ни запустить экономику... Не удастся! Преступная авантюра!.. Думай, что будем делать. Приходи после обеда».

Я пришел, как договорились.

Пошли со всей семьей на пляж. В доме говорить было уже невозможно — кругом «жучки», об этом панически предупреждала нас все время Раиса Максимовна.

Запомнилось: когда спускались к пляжу, ко мне прильнула меньшая внучка, взяла за руку: «А у меня — карты (держит в ручонках колоду). Это вот король, а это дама... нет — валет, а это — ох! забыла (это была десятка)»...

Я ей: «Ну ладно, а какой она масти?» (не рассчитывал, что она знает это слово)

«Она — червивая!». Эта детская ошибка резанула, напомнила ситуацию, в которую попала и эта малышка.

Р.М. завела нас с М.С. в маленький павильон, а всех остальных отправила к воде. Лихорадочно вырвала из блокнота несколько чистых листков, подала мне, долго копалась в сумочке, — нашла карандаш, передала мне. «Я оставляю вас». «Да, да, — нетерпеливо (необычно для него в обращении с ней!) бросил М.С., — надо работать». Она жалко улыбнулась и «сделала мне ручкой».

«Толя! Надо что-то делать. Я буду давить на этого негодяя (он имел в виду генерала Генералова). Буду каждый день предъявлять требования. И наращивать».

«Да, М.С., согласен. Сомневаюсь, чтобы банда в Москве на это отреагировала. Но нельзя, чтоб подумали, что вы смирились».

Пиши: «Первое. Требую немедленно восстановить правительственную связь... Второе. Требую немедленно прислать президентский самолет, чтобы я мог вернуться на работу. Если не ответят, завтра потребую, чтоб прислали журналистов, советских и иностранных».

Я записал. Он: «Смотри, как бы по дороге у тебя это не отобрали!»

«Не отберут!» — сказал я уверенно.

20-го я к М.С. пошел сразу после описанного выше купанья. Опять долго ходил по этажам, пока кухарка не показала: мол, вон там, в кабинете. Он вышел навстречу, тут же — из другой комнаты — Раиса Максимовна. И сразу потащила нас на балкон, показывая руками на лампы, потолок, на мебель, мол — «жучки». Постояли, облокотившись на перила. Я говорю: «Р.М., вот видите эту скалу, над которой пограничная вышка. За ней, за поворотом — Тессели (это филиал санатория «Форос», там дача, где в начале 30-х годов жил Максим Горький). До того, как построена была «Заря», здесь, на ее месте был дикий пустынный «пляж». На самом деле, никакой не пляж — по валунам в воду зайти было трудно. Так вот... Я несколько раз проводил отпуск в Тессели. И плавал сюда из-за той скалы. Лежал здесь и потом плыл обратно».

Р.М. слушала рассеянно. И вся встрепенулась, когда я продолжил: «Вы, наверное, знаете, что я очень хорошо плаваю? Мне и 5 и, наверное, 10 км проплыть ничего не стоит. Может, рискнуть?»

Я улыбался, говоря это. А она вся насторожилась. Прямо и долго смотрит на меня, т.е. всерьез подумала, что такой «вариант» возможен. До этого она бурным шепотом мне рассказала, как они в 3 ночи, завесившись во внутренней комнате, Толиной камерой засняли заявление М.С. «Мы его вырежем из кассеты, говорила она (но скрыла, что снято было в двух вариантах, плюс еще — заявление врача Игоря Анатольевича) — Так вот... Я упакую пленку в маленький «комочек» и вечером вам отдам. Но вы, ради Бога, не держите у себя. Вас могут обыскать. И не прячьте у себя в кабинете». Тут вмешался М.С. и посоветовал упрятать в плавки. Я их сушу на балкончике при комнате Оли и Томи, где расположены их пишущие машинки и прочая «канцелярия».

М.С. отнесся скептически — чтоб я поплыл в Тессели, в Форос и даже в «Южный»: «Даже если не выловят в воде, выйдет голый — и что дальше? Отправят в ближайшую комендатуру и пропала пленка». Но обсуждали всерьез, хотя вариант был явно абсурдный. И я его «предложил» в шутку, чтоб как-то разрядить их нервное напряжение.

Пленку Р.М. мне дала позже. А пока М.С. попросил ее заняться детьми. Мы с ним перешли на другой балкон, встали у перил и тут же увидели, как повернулись к нам трубы с вышки, и погранпатруль на ближайшей скале взял нас «в бинокль»... Одновременно — услышали из будки внизу под домом по телефону: «Объект вышел на балкон, второй справа!..». Мы с М.С. переглянулись, я засмеялся и обозвал «их» матом... Он посмотрел на меня: раньше я при нем не позволял себе. (Я пожалел, подумает, что *теперь* можно!).

Сели за стол. Он положил перед собой блокнот. Предложил мне сесть напротив, спиной к солнцу и на солнце. Я говорю: «А можно рядом? Не люблю солнца, в отличие от вас с Бушем... Помните, как он в Ново-Огарево пересел на мое место, когда солнце вышло из-за стены и я ушел — сел рядом с вами в тени?..».

М.С. улыбнулся, видно, вспомнив о встрече с Бушем, как эпизоде из античной истории, хотя произошла она всего три недели назад.

Стал диктовать заявление — Обращение к народу и к международному сообществу. Поговорили. Обсудили, отформулировали каждый пункт. Я пошел к себе. Оля напечатала на шершавке⁸. Вечером я попросил его поставить подпись, число, место. Вверху он подписал — что просит огласить это заявление любыми средствами каждого, кому оно попадет в руки. Когда уходил, Р.М. опять стала меня строго инструктировать: чтоб я хорошо спрятал и сумел донести — как бы в дороге не обыскали. Мне эти страхи кажутся плодом нервного перенапряжения. У меня вообще еще с войны несколько атрофировано чувство физической опасности.

Накануне она дала мне свою книжку «Я надеюсь», которую прислали ей еще 17-го — сигнальный экземпляр. Просила прочитать за вечер... Я прочитал и очень хвалил. Это доставило большую радость Михаилу Сергеевичу. У него даже глаза увлажнились. Я уверял их, что книга разойдется по всему свету, расхватают... и у нас тоже. «Замолчать не удастся, что бы ни случилось», — уверенно заявил я. Вообще всем своим видом, поведением я старался показать, что «все обойдется». Они встречали меня с какой-то обостренной надеждой — не принес ли я какую-нибудь «хорошую весть». Расспрашивают, что я слышал по «Маяку» (по оказавшемуся в комнате Ольги-Тамары допотопному ВЭФ'у). Как я оцениваю то, что услышал, что я вообще думаю о том, что будет завтра, послезавтра, через неделю. Я «в не свойственной мне манере» отвечаю самоуверенно, бодро. Р.М. все время в крайнем напряжении, хоть бы раз улыбнулась. Зато дочка — Ира — вся полна решимости, бесстрашная, резкая..., беспощадная в словах и «эпитетах» по поводу того, «что с ними сделали»... Перебрасываемся с ней и на «отвлеченные», литературные темы... вроде бы не к месту. И муж у нее Толя -хирург из 1-ой Градской. Умен, уверен, настоящий мужик, опора.

Так вот, «вестей» я им никаких не приносил. И наши все дискуссии вращались вокруг последствий приезда Болдина и К°. Говорили мы и о том, как среагирует мировая общественность? Гадали — что думает сейчас Коль? Что думает Буш? Горбачев считал однозначно: хунте поддержки никакой не будет. Все кредиты прервутся, все «краники» закроются мгновенно. И наши банки обанкротятся немедленно. Наша легкая промышленность без этих кредитов, которые давались фактически под «него», будут сразу аннулированы. И все остановится. Он говорил, что заговорщики — это мышинные умы, не могли просчитать элементарных вещей.

Говорили о возможной реакции республик. Горбачев считал, что акция путчистов приведет к быстрой дезинтеграции Союза. Потому что республики могут занять такую позицию: вы там, в Москве, русские деретесь, а наше дело — сторона, отгородимся и будем делать свои дела. Так оно, кстати, и получилось. Некоторые даже поддержали хунту, но опять же для того, чтобы оставить «Москву» самой разбираться со своими делами.

Настроение у Горбачевых менялось в зависимости от сообщений радио. Когда, например, ребята из охраны с помощью «проводочков» оживили телевизор, и мы увидели пресс-конференцию Янаева и К°, услышали заявление,

⁸ Особо плотная бумага, предназначенная для записок Президента. — А. Ч.

что Горбачев тяжело болен, это произвело жуткое впечатление. Все очень насторожились. Мнение было общее: если «эти» открыто позволяют себе на весь мир так дико лгать, значит, они отрезают себе все пути назад, значит, пойдут до конца. Сожгли за собой мосты. Я сказал М.С., что Янаев ищет алиби, если с вами «что-то случится». Горбачев добавил: теперь они будут подгонять действительность под то, о чем публично сказали, под ложь.

А когда Би-Би-Си сообщило о событиях вокруг Белого дома, российского парламента, о том, что народ выступает в защиту Горбачева, что Ельцин взял на себя организацию сопротивления, настроение, конечно, резко поднялось. Впрочем, еще 19-го, когда мы еще ничего не знали, М.С. говорил мне, что Ельцин не сдастся и его ничто не сломит. И Россия, и Москва не позволят путчистам одержать победу. Запомнил его слова: «Убежден, что Борис Николаевич проявит весь свой характер».

Далее — о настроениях и предположениях Горбачева в те дни — позволю процитировать мое интервью Саше Безыменской. Оно было первым после моего возвращения в Москву, по самым свежим следам. Там отразилась и моя собственная наивность в отношении того, что будет с Горбачевым, с нами.

Саша меня спросила: Как Горбачев относился к тому, что на его защиту встал Ельцин?

— Так вопрос просто не мог стоять, — ответил я. — Ведь речь шла о судьбе государства, о судьбе страны. Тут уж никаких личных счетов не могло быть. Если человек готов на все в сражении за демократию, за законность, за спасение всего того, что делал Горбачев на протяжении шести лет, никакие «привходящие» мотивы уже ничего не значили. Вы задаете вопрос, который, я думаю, у Горбачева и в голове не мог возникнуть.

— Горбачев был уверен, что Ельцин,.. — настаивала корреспондентка.

— Абсолютно уверен, что Ельцин не отступит.

— Действительно ли было у Горбачева с самого начала чувство, что народ за эти пять лет стал другим и что народ хунту не проглотит и не примет? Была такая уверенность?

— Первый раз я с ним вечером разговаривал, когда только уехали Болдин и К°. И в этот раз, и на утро он совершенно спокойно рассуждал. Говорил, что самое страшное, что может произойти — это, если переворот будет набирать обороты и получит кое у кого поддержку. Тогда — гражданская война с колоссальными потерями — то, чего Горбачев все эти годы пытался избежать. Когда же заговорщики отменили гласность, когда запретили газеты, он понял, что у хунты в международном плане дело проиграно. Кстати, в позиции мировой общественности он ни разу не усомнился. Тут все было ясно с самого начала.

Информацию урывками брали с маленького «Сони»⁹, оказавшегося у Толи. Собирались «в кружок»: мы с М.С. на диване, Толя на корточках, Иришка прямо на полу, Раиса Максимовна напротив на стуле. И сомкнув головы, пытались расслышать «голоса». Транзистор очень плохой, с севшими батареями. Толя его ворочал туда-сюда, чтобы что-то уловить. Вот там я слышал Би-Би-Си. Там я впервые узнал, что Тамару Алексеевну из «Южного» увезли. Но куда, неизвестно.

Р.М. все время носила с собой маленькую шелковую сумочку. Там, видно, — самое потайное, что отбирать стали бы в последнюю очередь. Она очень боится унижительного обыска. Боится за М.С., которого это потрясло бы окончательно. Она была постоянно в нервическом состоянии. В этом состоянии она и вручила мне «комочек» пленки, завернутый в бумагу и заклеенный скотчем.

— Мы уже передали другие варианты. Я лучше не скажу вам -кому. Это — вам. Нет, не вам...

— Почему же не мне? Я ведь продолжаю качать права как народный депутат: хочу, мол, быть на заседании Верховного Совета 26-го — о котором объявил Лукьянов.

М.С.: Чего захотел?!

Я: Оно, конечно. Заполучить на трибуну такого свидетеля вашей смертельной болезни и недееспособности, — даже эти кретины догадаются, что нельзя...

Р.М.: Анатолий Сергеевич! Надо — через Олю. У нее ребенок, родители больные, вы говорили... А она согласится? Ведь это очень опасно...

Я: Согласится. Это отчаянная женщина и ненавидит их люто, еще и за то, что они отрезали ее от ее любимого Васи...

Р.М.: Но вы ее очень предупредите. Пусть спрячет... куда-нибудь в самое интимное место — в бюстгальтер или в трусики что ли. А вы сейчас, когда пойдете к себе, где будете держать эту пленку? В карман не кладите, в руке донесите и спрячьте. Только не в сейф. Где-нибудь в коридоре, под половиком.

Я положил в карман. Ольге сказал только вечером. Она сидела в кресле, притихшая. Симфоническая музыка по «Маяку» — с ума сойти! Но тишина еще хуже, я включаю только — когда известия. Но они часто — о спорте и о культурной жизни. Одна вчера была... о визите супруги президента Боливии в Перу, где та занималась не то благотворительной, не то фестивальной деятельностью. Верх идиотизма! Тут я подумал, остро, физически ощутил, что банда возвращает нас в информационную среду худших времен застоя.

16.30. Опять экстренные сообщения. Очередной «Маяк» начался с взволнованного голоса диктора: мы, работники ТВ и Радио, отказываемся выполнять приказы и подчиняться так называемому Комитету по ЧП. Нас

⁹ Потом, уже в Москве, у меня не раз спрашивали, что ж это у Президента на всей этой великолепной даче ничего другого, кроме этой «спичечной коробки» не было?! Так вот — не было! Потому что вся «электроника», вмонтированная в комнатах, была «вырублена» в первый же момент приезда «банды четырех», как и антенна ТВ, обслуживавшая всю «зону». — А. Ч.

лишили возможности давать объективную и полную информацию, мы требуем снятия с постов полностью дискредитировавших себя руководителей ТВ и Радио. Мы, если удастся еще прорваться в эфир, будем честно выполнять свой профессиональный долг.

Бакатин и Примаков (молодец Женька, прорвался в Москву!) как член Совета Безопасности — заявляют, что ГКЧП — незаконно, противоправно, антиконституционно. И все его постановления — тоже. Горбачев здоров и насильственно изолирован. Необходимо немедленно добиться, чтобы он вернулся в Москву или чтобы получил возможность встретиться с прессой.

Нишанов и Лаптев — председатели палат Верховного Совета — провели экстренное заседание Комитетов. Лукьянов вылетел в Крым для встречи с Горбачевым. И самое-самое: Минобороны, проанализировав ситуацию, сложившуюся в результате введения чрезвычайного положения в ряде мест, приняло решение немедленно вывести войска из этих мест (т.е. не просто бронетехнику, а войска целиком, т.е. и десантников, и т.п.).

С кем остаются Янаев и Пуго + их генерал Калинин (комендант Москвы) перед лицом народа?!

С 6 часов по «орбите» объявлено — будет полностью транслироваться сессия ВС РСФСР!

Было уже часов 11 вечера 20 августа. Я включил на полную мощность транзистор. Подсел на корточках к Ольге... у ее колен.

— Оля! Есть серьезная вещь. Вы готовы меня выслушать? Только очень серьезная. Можете сразу же, еще не выслушав, пока я еще не начинал говорить, отказаться.

— Ну что вы, Анатолий Сергеевич! Будто вы меня не знаете. Говорите. — Я рассказал о пленке и заявлении Горбачева, которое она сама печатала, о плане переправки их «на волю».

— Хорошо. Допустим, я попадаю в Москву. Дальше что? За мной наверняка будут следить.

— Да, конечно. Мы обсуждали это с М.С. и Р.М. И договорились. Вполне естественным будет, если вы зайдете к моей жене. Я напишу письмо ей... такое, как из тюрьмы, вероятно, шлю: мол все в порядке, не беспокойся, скоро вернусь, обстоятельства... и т.п., — на случай, если будут обыскивать в самолете ли, в аэропорту. А «комочек» с пленкой придется вам запрятать действительно в «укромное» местечко. Дальше так: если удастся его довести до Москвы, вы приходите на ул. Веснина ко мне домой. Передаете жене письмо и эту штучку. Скажите, чтоб она позвонила Лене — жене Бовина. Они знакомы. Та придет. Именно она, а не сам Бовин: слишком заметная фигура, да еще на подозрении, особенно после его вопроса на пресс-конференции Янаева и К^о. Ей жена передаст эту вещь, она — Сашке, а тот догадается сразу, что надо делать.

Ольга засунула пленку все-таки в джинсы. Там «комочек» постоянно выпирал. Я посмеивался, указывая пальцем на это местечко...¹⁰

¹⁰ Она так и привезла этот «комочек» в Москву, когда «вырвались» все вместе, вернула мне, я — Горбачеву, и он продемонстрировал его на пресс-конференции. — А. Ч.

Теперь предо мной была задача добиться от Генералова, чтоб он ее отпустил в Москву. Я и до этого, еще 19 августа, начал на него давить: как ему не стыдно! Он — офицер, допускает такое издевательство над молодой матерью. У нее — больной сынишка. Родители ничего о ней не знают. Не вечно мы будем тут сидеть, пытался его шантажировать. И ему придется ответить за такое поведение по отношению к женщине, которая вся изошлась, не имея возможности ничего узнать о том, что с ее сыном. И т.п. — в этом роде.

Однако он мне продолжал твердить: у него, мол, только односторонняя связь — ему могут звонить из Москвы. И начальство звонит. А он отсюда в Москву звонить не может. Врал.

Обговорив с Ольгой «план», я решил еще раз «надавить» на Генералова. Кстати, ничего не дали мои прежние попытки «качать права», ссылаясь на то, что я народный депутат СССР и он, Генералов, удерживая меня фактически под домашним арестом, нарушает еще и Конституцию, попирает мой парламентский иммунитет. Я пригласил его опять. Он и на этот раз соблаговолил прийти. Стал опять стыдить его насчет Ольги. Но он... обыграл меня. Предложил отвезти ее в Мухалатку — это пункт правительственной связи, о котором я уже говорил, в 20 примерно км. от «Зари» в сторону Ялты, — чтобы она оттуда позвонила домой в Москву.

И произошло следующее. Спустя некоторое время после того, как Генералов предложил этот «вариант», который срывал все наши планы передать на волю информацию о Горбачеве, ко мне в кабинет явился шофер «Володя». Беру имя в кавычки, потому что, каково оно на самом деле, трудно сказать — он из КГБ. Но это был тот самый парень, который до 18 августа возил нас с Ольгой и Тamarой между «Зарей» и «Южным» по два-три раза в день.

Не поздоровался: «Где тут Ланина? Велено отвезти ее на телефон». Я встал, протянул ему руку... Он помедлил и вяло протянул свою. Я заметил в нем перемену, еще когда он за чемоданом . моим ездил. Для него — я уже преступник, заключенный. Ольга, когда вернулась, вынесла такое же впечатление — говорила: он от меня как от прокаженной отодвигался в машине. Сопровождал ее еще один из ГБ — связист. И сидел против нее, когда ее соединяли с Москвой, чтоб мгновенно отключить, если что-то лишнее начнет говорить. «Я, говорит, разрыдалась. Брат кричит в трубку: что с тобой!, а я в слезах захлебываюсь. В общем — одно расстройство. А вашей жене не разрешили позвонить» (я просил ее об этом).

В общем — дали еще раз понять, кто мы для них такие.

Нелишне при этом заметить. ГКЧПист Лукьянов, выйдя из «Матросской тишины», в одном из своих многочисленных интервью по телевидению заявил: мол, все это горбачевское вранье, будто они там были изолированы и связи у них не было. В двух шагах от кабинета Черняева, в соседней комнате был телефон, по которому он мог звонить, куда хочет. Если это так, зачем же было Ольгу возить за 20 километров под охраной и даже запретить ей сказать два слова моей жене?!

Кстати, о нашей изоляции. Когда Ольга вернулась, спрашиваю у нее, что она видела по дороге. «Шоссе закрыто для движения, ответила она. Никаких машин, кроме военных. На каждом шагу пограничники. И сверху (шоссе метров

на 20–25 выше территории «Зари») виднее, что на рейде уже не два фрегата, как было до 18-го числа, а я насчитала штук 16 разных военных кораблей. В дымке плохо различаешь, может, там и больше».

Кончилось наше заключение так.

Около 5 вечера 21-го вбежали ко мне сразу все три женщины: Ольга, Лариса, Татьяна — в страшном возбуждении. «Анатолий Сергеевич, смотрите, смотрите, что происходит!» Выскочили мы на балкон... С пандуса от въезда на территорию дачи шли «ЗИЛы, а навстречу им с «калашниковыми» наперевес двое из охраны. «Стоять! — кричат, машины встали. «Стоять!» — из-за кустов еще ребята. Из передней машины вышел шофер и еще кто-то... Чего-то говорят. Им в ответ: «Стоять!» Один побежал к даче Горбачева. Вскоре вернулся и машины поехали влево за служебный дом, где мой кабинет и проч.

Я вышел из кабинета. Он на втором этаже. Прямо от моей двери лестница к входной двери в дом. Стою в помятой майке, в спортивных штанах, уже ставших портками. Мелькнула мысль — как лагерник!

В дверь внизу тесно друг за дружкой — Лукьянов, Ивашко, Бакланов, Язов, Крючков. Вид побитый. Лица сумрачные. Каждый кланяется мне!! Я все понял — примчались с повинной. Я стоял окаменевший, переполняясь бешенством. Еще до того, как они ушли в комнату налево, развернулся и показал им спину. Ольга стояла рядом, красная, в глазах торжествующие бесенята.

В кабинет вбежали Лариса и большая Татьяна. Она вся такая степенная, сильная, спокойная — вдруг бросилась мне на шею и зарыдала. Потом — нервный смех, всякие восклицания, не запоминающиеся реплики... Словом — ощущение: кончилась наша тюрьма. Подонки провалились со своей затеей.

Я оделся и побежал к М.С. Признаться, боялся, что он начнет их принимать... А этого тем более нельзя делать, что по телевидению уже известно было, что летит сюда делегация российского парламента. Горбачев сидел в кабинете и «командовал» по телефону. Оторвался: «Я, говорит, им ультиматум поставил: не включают связь — разговаривать с ними не буду. А теперь и так не буду».

При мне он велел коменданту Кремля взять Кремль полностью под свою охрану и никого из причастных к путчу не пускать ни под каким видом. Велел позвать к телефону командира кремлевского полка и приказал ему поступить в распоряжение исключительно коменданта Кремля. Вызвал к телефону начальника правительственной связи и министра связи и потребовал от них отключить всю связь у путчистов. Судя по их реакции — на том конце стояли по стойке смирно. Я обратил внимание М.С. на то, что в ЗИЛ'ах, привезших ГКЧП'истов, есть автономная связь... Он вызвал Бориса (одного из личной охраны) и приказал ему «отъединить пассажиров» от машин.

Потом он говорил с Джорджем Бушем. Это был радостный разговор. М.С. благодарил за поддержку, за солидарность. Буш приветствовал его освобождение, возвращение к работе...

Был у М.С. тут же разговор с В.И. Щербаковым (первый зам. премьера) и с кем-то еще... я не понял. Смысл: приеду — разберемся. До того, как я пришел, он говорил с Ельциным, с Назарбаевым, Кравчуком. Сказал мне об этом.

Мои опасения он развеял с ходу: «Ну что ты! Как тебе в голову могло придти. Я и не собираюсь их видеть, разве что поговорю с Лукьяновым и Ивашко».

Борис доложил, что на территории дачи появилась российская делегация.

— Зови, — сказал М.С., — пусть идут в столовую. Через пару минут мы пошли туда. Последовавшая сцена запомнится на всю жизнь. Силаев и Руцкой бросились обнимать Горбачева. Восклицания, какие-то громкие слова. Перебивают друг друга. Тут же Бакатин и Примаков, депутаты. Я гляжу на них. Среди них те, кто и в парламенте, и в печати не раз крыл М.С., спорил, возмущался, протестовал. А теперь несчастье мгновенно высветило, что они нечто единое и именно как таковое необходимо стране. Я даже громко произнес, наблюдая эту всеобщую радость и объятия: «Вот и состоялось соединение Центра и России, без всякого Союзного договора...». [Здесь и ниже я воспроизвожу свои записи в дневнике, сделанные *сразу* по приезде в Москву].

Сели за стол. Наперебой стали рассказывать — что в Москве и что здесь. Оказалось — меня почему-то это удивило, — что они даже не знают, кто приезжал к Президенту с ультиматумом и что вообще был этот ультиматум.

Силаев и Руцкой против того, чтобы Горбачев принимал Крючкова и К°, которые сидели по существу под охраной в служебном доме под моим кабинетом. Он сказал, что примет, скорее всего, только Лукьянова и Ивашко, которые вроде прилетели отдельно.

Разговор затянулся. Шел уже 10-й час. Вступил в дело Руцкой. Сильный, красивый человек, любо-дорого его наблюдать.

«Михаил Сергеевич, говорит, пора обсудить, что будем делать дальше... В самолет (президентский), на котором эти (!) явились, мы вас не пустим. Полетим в моем самолете. Он стоит на том же аэродроме, но вдали от вашего. Его надежно охраняют. Я привез с собой 40 подполковников, все вооруженные. Прорвемся.

Об этих подполковниках стоит сказать. Когда М.С. после ложного выхода из машины возле президентского самолета, согласно плану Руцкого, вновь быстро туда сел, и машины рванули дальше -к самолету Руцкого — километров в 3–5 от этого места, так вот, когда М.С. в своей шерстяной кофте, которую все увидели на нем по ТВ уже во Внуково, вышел к самолету, эти офицеры взяли с автоматами на караул и так стояли, пока он не поднялся по стремянке в самолет. Я подумал, глядя на эту сцену: есть еще офицерская честь в нашей армии, неподдельная. Есть и высокая интеллигентность в ее среде: достаточно пообщаться с тем же полковником Н.С. Столяровым, который тоже прилетел в группе депутатов спасать своего президента. В аэропорт мы ехали с ним в одной машине.

Потом был перелет. Распоряжался полетом Руцкой, который то и дело вызывал к себе летчиков.

М.С. с семьей расположился в маленьком отсеке, позвал меня. Там было настолько тесно, что девочки-внучки улеглись прямо на пол и скоро заснули.

Когда я вошел, спрашивает, веселый: «Ну ты кто теперь?» А я — «простой советский заключенный, но бывший». Все возбужденно смеялись. Пришли Силаев, Руцкой, Примаков, Бакатин, был тут и доктор Игорь Анатольевич

Борисов. Р.М. рассказывала, что с ней случилось, когда узнали, что путчисты едут выяснять состояние здоровья Михаила Сергеевича... теперь уже ей лучше, но рукой плохо владеет. Шел бурный разговор: о людях -как они проверяются в таких обстоятельствах, о безнравственности — источнике всех преступлений и бед. Были тосты за продолжение жизни... И впервые тогда М.С. произнес слова: «летим в новую страну».

Многие журналы обошла фотография: Ира спускается по трапу (во Внуково), несет завернутую в одеяло дочку. Прошла мимо толпы, окружившей Президента: там, заметил, были и те, кто искренне рад, и те, кто, наверно, чувствовал, что для них лично лучше бы было «по-другому». Иришка пронесла дочку в машину, возле которой я оказался, в стороне от сгрудившихся вокруг М.С. людей. Бросилась на сиденье и всю ее затрясло в рыданиях. Я наклонился, пытался что-то говорить. Муж ее рядом, обнимал, гладил, стараясь успокоить, — безуспешно. Эта финальная для меня на аэродроме сцена останется символом трагедии, которая произошла не только там, на даче в Крыму, а со всей страной. Ирина, молодая русская женщина, которая перед лицом беды — вся энергия, собранность, решимость и готовность ко всему, здесь, когда «это» кончилось, взорвалась слезами отчаяния и радости. Разрядка. Но потом все равно ведь... наступают будни и надо делать дело. Увы! Оно пошло не так, как тогда можно было рассчитывать.

14 сентября 1991 г. Суббота.

Пора возобновлять дневник. После трехсуточного заключения в «Заре», после путча, после того, как перестало фактически существовать прежнее государство — Советский Союз и ликвидирована КПСС, после чудовищного всеохватывающего, но не неожиданного предательства и после того, как Горбачев стал, наконец, тем, чем ему следовало бы «стать» два года назад, и чем он давно, 3–4 года назад хотел бы стать, но не решался... А теперь «стал», но, потеряв власть и авторитет.

Надо бы вести каждодневный дневник — с момента возвращения из Крыма... Это действительно сама история. Но перегрузки были невероятные.

Теперь уже поздно... Кое-что буду пометать «по ходу»... Пока же опишу сегодняшний день...

Совещание у Ревенко (старший советник М.С.) по реорганизации президентского аппарата. Фантазируем... А надо бы поскромнее — чтоб как-то помочь Горбачеву дотянуть, раз он уж так... «любой ценой» хочет этого.

Остались после втроем — Ревенко, я, Шах. Ревенко кое-что порассказал, например, что всех нас во главе с Президентом прослушивали Крючков и Болдин. Сейчас российские следователи расшифровывают пленки и просматривают то, что уже перенесено на стенограммы. Ну что ж, я даже доволен: по крайней мере увидят, как я собачился с генералами, как спорил с М.С. и что Шеварднадзе иногда выглядел со мной совсем не очень прогрессистом и т.д.

Ревенко говорит, что весь Кремль во вкраплениях «жучков», потребуется месяц, чтоб их всех выковырять!.. То же, что с американским посольством в

Москве. Сенат США прав: нейтрализовать невозможно, надо разрушать все здание. Мы сами недооценивали наших научно-технических способностей на этот счет.

Эпопею изгнания меня 27-го августа из здания ЦК — как-нибудь опишу. Тамаре только три дня назад удалось перевезти ко мне в Кремль бумаги из моего тамошнего кабинета, в том числе все «новое мышление» в записях бесед М.С. с инодеятелями. Я задумал по этим записям создать историю года: сентябрь 90-го — сентябрь 91-го -сквозь мысль и оценки М.С. О том, как стал возможен переворот...

Кроме того, я затеял сделать брошюру о двух неделях с 23 августа по 12 сентября — с его «собственным» анализом событий, опять же на основе записей бесед М.С. с десятками иностранных деятелей за эти недели.

Вчера был у меня посол Испании. Сообщил, что хочет приехать в Москву Гонсалес: жест друга. М.С. согласен на 1 октября.

Посол Кубы — в связи с заявлением М.С. в беседе с Бейкером о решении вывести нашу бригаду... (напутал: в ней 3000 человек, а не 11000, как он заявил). Кубинцы жалко протестуют. Еще один символ крушения эпохи.

Дубинин (наш посол во Франции, который поскудно себя повел во время ГКЧП и попутал Миттерана). Все-таки М.С. сжалился. Не стал объявлять его снятым... Я «заступился», но самому ему я сказал все, что думал: ваши оправдания достойны мелкого чиновника, а вы — политическая фигура, вы же представляете государство -президента (а не правительство), хотя у нас и нет присяги для послов! И кроме того: вы же знаете о личных отношениях М.С. с Миттераном и Дюма! Почему бы не придти к ним и не «посоветоваться», что делать: вот, мол, какое послание от хунты, а я не верю...? А вы вместо того, чтобы помочь Миттерану сориентироваться, подтолкнули его на то, что он фактически занял в первый момент антигорбачевскую позицию. И т.д. Жалок... А это ведь дипломаты «нового мышления»... теоретически... Но шкурность, корысть, привычка к комфортному положению, ужас перед тем — как бы его не потерять — сыграли с этими элитными персонажами злую шутку... В их числе - и Замятин, и Логинов, и Слюсарь (Греция), и Успенский (Норвегия), особенно пригретый МС'ом. Впрочем, в поведении каждого из названных и многих других — для меня ничего неожиданного. Пожалуй, исключение составляет Бессмертных. Он оказался действительно в тяжелой ситуации.

Третьего дня у меня обнаружилась плохая кардиограмма. А я ничего не чувствую.

Измотался за эти послепутчевые дни больше, чем в дни самого путча. Там сработала моя особенность, которую я очень хорошо изучил в себе во время войны: в моменты опасности для жизни — предельная собранность и спокойствие, ни тени страха: чему быть — того не миновать. И перед М.С. и Р.М. — играл и хорошо сыграл бодрячка... который будто нутром чувствует, что «все обойдется», и тем вселяет присутствие духа другим.

Для международной конференции СБСЕ по гуманитарному измерению (9–11 сентября, в Колонном зале) я Горбачеву красивую речь написал... Тут он, пожалуй, впервые публично выступал не только «без», но и в контрасте с

«социалистическим выбором», который ему очень навредил в последние два года.

15 сентября 1991 г.

Ухайдакался, чиня комод. Читал много газет. Союза не будет. Думаю, и Верховный Совет не соберется — зачем он республикам? Прав Гаврила Попов (сегодня в газете его статья «Сомнения»): за круглый стол Госсовета не каждого нужно сажать, а только тех, кто приемлет минимум демократических правил.

Ходил на Крымскую набережную. Там тысячи в очереди на порновыставку Романа Афонина(?) Стоять не стал. Рядом — под открытым небом — «скульптуры тоталитарной эпохи», сброшенные памятники Дзержинскому, Свердлову, Калинину, Сталину... «Народ» лазит по ним, фотографируется, сидя на лице Дзержинского, хихикает, гоняет прохожих, мешающих своим хождением сниматься... Противно — некрофилия. Чудовищно безнравственен и темен «народ» -и самый ужас, что не сознает этого, в отличие от народа до 1917, который знал, что «грех грехом» не смывается и «знал свое место». Ужас!

19 сентября 1991 г.

Вчера месяц как нас заточили в «Заре». Но, между прочим, 16-го — ТВ — гнуснейшая передача на фоне чучела Никсона в момент импичмента 1,5 часа. Ольшанский, Буковский и Рыжков + еще два сопляка-подонка доказывали, что М.С. и есть глава путча¹¹. А на утро — в «Правде» статья Овчаренко — о том же.

Вообще неделю назад пошла новая волна затапывания Горбачева... Но Игнатенко устроил «круглый стол», где пытаются восстановить его имидж с помощью фамильярничания... Довольно, однако, неприятно смотреть, как Егор Яковлев, Лен Карпинский, Потапов (редактор «Труда»)¹² и другие, которых М.С. на ранних этапах перестройки спасал и поднял, теперь «запросто» низводят его до «рядового гражданина».

Но потом, говорил мне Игнатенко, был еще за кадром (т.е. без ТВ) полуторачасовой интим-междусобойчик, с которого М.С. ушел «окрыленный».

Сегодня был у него Брэйди (министр экономики США). Довольно высокомерно ставил условия помощи. А М.С. все тянул на воздухе — «историческая задача помочь великой стране, это позволит изменить весь мир», и т.д.

Вечером был посланец короля Саудовской Аравии Фатха.... Привез 1,5 млрд... без всяких американо-западноевропейских ужимок и скрытого «унижения» того, кому дают.

¹¹ Ольшанский Дмитрий Вадимович (род. в 1953 г.) — политолог; Рыжков Владимир Александрович (род. в 1966 г.) — политический деятель. В 1990 г. — преподаватель Алтайского государственного университета (кафедра всеобщей истории. С 1993 г. — в «большой политике».

¹² Потапов Александр Серафимович (род. в 1936 г.) — журналист. С 1985 г. — главный редактор газеты «Труд». С 1990 г. — народный депутат СССР.

Сегодня закончил брошюру «Августовский путч» (причины — следствия), составленную из бесед М.С. Он жметесь... Не хочет вроде выпускать. А надо бы, чтоб заявить позицию — против новой волны затапывания, политический смысл которой, скорее всего, убрать символ Союза (президента), единственный, слабенький, но другого уже нет...

Или просто — бьют лежачего... Такова наша новая, перестроечная интеллигенция.

20 сентября 1991 г. Пятница.

Отдал М.С.'у на 80 страницах брошюру «Августовский путч». На Западе с руками бы оторвали.

Рекомендовал ему частями давать в газету и тут же издать брошюрой. И включить в нее августовскую статью, которую уже назвали по ТВ инструкцией для введения чрезвычайного положения... Почему, мол, тогда скрывает.

Трижды с ним по телефону сегодня общался: о брошюре ни слова. Будто и не получал, хотя знаю, что на стол она ему была положена сверху всех прочих бумаг. Такова манера.

Приходил поверенный в делах США Коллинз. Принес памятную записку — о создании совместной рабочей группы по анализу проблем нового качества советско-американских отношений. Я отдал ее М.С., убеждал, чтоб не тянул.

Предложил ему поехать в Киев на 50-летие Бабьего Яра... Ещё в «Заре» до путча ему говорил об этом... Ни ответа — ни привета.

Корейский посол от имени Ро Дэ У еще неделю назад просил, чтобы М.С. не принимал лидера оппозиции. Все московское корейское лобби давят на меня который день, настаивая на том, чтобы принял. Но я даже не докладывал Горбачеву об этом. Ро Дэ У нам сейчас дороже этого «Жуна»... хотя он, может, в будущем году и станет президентом.

Дзасохов привязался ко мне. Оказывается, он как ни в чем не бывало, функционирует в качестве председателя Международного комитета Верховного Совета, готовит ратификацию Договоров по обычному оружию и СНВ!!! Вот тебе и совсем недавний Секретарь ЦК КПСС, редактор писем ЦК на места с требованием поддержать ГКЧП!

Сегодня следователи принесли запись моих показаний и стенограмму. Два часа я смотрел и слушал себя, сверяя с текстом. Я себе «понравился» больше, чем в ТВ-передаче с Ольгой и Тamarой. Вообще, я смотрюсь отстраненно, как-то сильнее, увереннее, чем кажусь себе сам в жизни.

На обратном пути в метро прочитал в «Известиях» беседу М.С. за чашкой чая... Это после того «круглого стола», который устроил Игнатенко. Он возвращается по-человечески к тому, каким был в начале перестройки. Слетела самоуверенность, возникшая от мировой славы и от порчи властью...

Хочется за город. Тамара зовет съездить в Снегири, где Дунаев меняет с ней дачу... А мне хочется — с Людой, на крайний случай — с Ирочкой, с Н.Н., наконец? Нет, я не запутался. Просто организм хочет полно жить перед уходом... Видно, скоро он состарится. Вера Валерьевна (мой доктор) объяснила: у меня «на сердце»... что-то такое необратимо испорчено, раз профессор заговорил об операции...

Приходил Ожерельев. Жалкий, оказался на обочине. Говорит, что и Медведев в таком же положении невостребованности... Я «советовал» (как старший!) не суетиться... Мол, мы преувеличиваем место, которое занимаем «в жизни и деятельности» Президента, а он вспоминает о нас, только когда «надобимся».

Да... и на «круглом столе» в «Известиях» третьего дня и даже за чашкой чая потом в интима — не для камеры ТВ — разговор не раз заходил о «ближайшем окружении»... Но обо мне никто не вспомнил, — ни он, ни собеседники! А ведь — был бы не я, кто другой в этой должности, «новое мышление» и сам Горбачев, его инициатор, выглядели бы не так, как получилось в глазах всего мира. Ибо форма тут как нигде очень содержательна. Плюс «облегающие» идеи вокруг главных, которые принадлежат, конечно, ему самому.

21 сентября 1991 г. Суббота.

Получился действительно «день отдыха» — ото всего каждодневного, тягостного, нервного, неопределенного, надоевшего — от политики и службы.

Зашел на работу... Шифровки. Ответы М.С. на мои текущие записки: согласился ехать на 50-летие Бабьего Яра, просит (без огласки) готовить выступление.

Согласился, чтоб Яковлев патронировал нашу часть совместной с США группы по стратегическим размышлениям — о том, как строить новый мировой порядок... Яковлев сегодня зашел — не хочет предложенных мною в группу Мартынова или Кокошина в качестве «рабочего» руководителя... От американцев там будет Росс — помощник Бейкера.

Спросил меня: А что, Арбатова ты уже совсем не приемлешь? — Да... С тех пор, как он стал искать нового хозяина, чтоб остаться на плаву. От Горбачева к Ельцину — («тушинский») перелет... Нюх...

— Я подумаю...

— Думай!..

М.С. согласился на договор с Чехословакией без требования Квицинского — «не вступать во враждебные союзы»...

«Независимая» совсем сегодня в ярости. Сам Третьяков кроет номенклатуру «четвертой власти» (пресса) — на примере встреч М.С. за «круглым столом».

А я-то грешным делом подумал о напечатанном вчера в «Известиях» интима за чашкой чая: «свои все ребята», жалится им. Выглядит бедолагой: все, мол, проиграл, а человек я — хороший, жалейте меня.

Потом с Н.Н. на Крымской набережной. Выпендрели Афолина, немец Шермуш, его женщины... Полно скульптур... Вообще у нас много всякого искусства. Это ненормально, если сравнивать с простой работой, которая дает нормальную жизнь людям. Разъехались: Н.Н. — на 42-ой. Я — в Кремль.

24 сентября 1991 г. Вторник.

Сегодня М.С. мне сообщил: обнаружено, что его «тайный» разговор в Ново-Огарево с Ельциным и Назарбаевым, когда они просидели «над этим»

перед 9+1 до 2-х ночи, «записан» Плехановым... А там ведь все «места» (должности) были распределены, и Крючкову, Бакланову, Болдину и проч. места не было предусмотрено. Это и явилось последней каплей... Видимо, тогда и был «завязан» заговор.

Договорился с Мэрдоком (приедет его представитель Bell) и с «Бартельсманом» (Тельчик) об издании брошюры «Августовский путч» по-английски и по-немецки. А с издательством «Новости» — (с Пушкиным) — об издании здесь. М.С. еще раз правил сегодня рукопись...

Я решил опубликовать свой «дневник» трех дней в Форосе. Договорился с Голембиовским («Известия»). Хочу двинуть также в «Штерн» или в «Time».

Фельд принес от М.С. — хотя уже полночь — правленную окончательно (?) брошюру «Августовский путч». Сохранил и ту самую статью. Значит дело пошло! Жалко, убрал некоторые ядреные места.

Сегодня он мне предложил стать госссоветником по международным и внешнеэкономическим вопросам... — в ряд с Яковлевым и некоторыми другими. Я отказался — сославшись на возраст и на то, что я “в принципе” устал. По инерции могу делать то, что делаю. Но браться за работу, где главным будут оргдела, не могу. Не справлюсь и дискредитирую то, что «наработал» за последние годы в роли международного помощника (в уме еще держал: кардиограмма с каждым днем ухудшается и степень несвободы еще более возрастает). Но в душе — обидно было. Рядом с теми, кто вроде меньше заслужил. А он обрадовался!..

Знаешь, говорит, я думал в том же направлении: взвалить на тебя еще эту ношу, с твоей совестью... Лучше останемся вместе, будем так же работать, как раньше, вместе ездить (это что — премия?!)... дело привычное. И в зарплате не такая уж разница... А международным экономическим советником назначить Примакова... Я поддакнул... похвалил Женю... И подумал: радуешься, что я отказался, потому что раздваиваешься, — вроде бы стоит меня вознаградить, а кто будет делать то, что делает Черняев каждый день!

На том и порешили, оба довольные собой...

У М.С. были сегодня Вайгель и Келер (германские министр экономики и «шерп»). Они, как и все другие его собеседники, твердят одно и то же: с кем иметь дело, оказывая помощь? Были на Украине: там явно хотят разделяться, как, мол, будете жить-то? Но М.С. — оптимист. Твердит об эффективности новых союзных органов. Верует в Экономический договор и даже уверял, что и Союзный договор будет!

27 сентября 1991 г. Четверг.

Вчера Би-Би-Си снимала меня (Маша Слоним, оказывается, внучка Литвинова¹³) для сериала «2-я русская революция»... (я раньше еще наговаривал им для 2-й серии. Эта — 7-я: о путче и вокруг). Два часа они спрашивали масштабно — о перестройке, Горбачеве. Отчасти и о нашем заключении в Крыму. Очень деликатная публика... И действительно хотят истины... И монтаж талантливый. Вечером Брейтвейт (посол) пригласил в свои роскошные шехтелевские хоромы. Показали 6-ую серию, которая кончается стоп-кадром — записью перед любительской камерой Горбачева в «Заре» в ночь на 19-е августа. Поразительное, обреченное лицо!

Были Яковлев, Лаптев, Шахназаров, разные англичане. Прекрасный вечер, — потом dinner — за серебряной посудой... Умное застолье... Все вращалось вокруг путча. И я, оказалось, им интересен. Очень жалели кинематографисты, что не добрались до меня раньше, хотя добирались. Маша звонила в 7 утра: умная, точеная еврейка,.. впрочем, умеет хорошо и честно зарабатывать. Я сидел рядом, распространялся на разные темы, распускал павлиний хвост... Но чувствовал, что она в уме отбирает только то, что пригодится для работы в Би-Би-Си (она давно — британская подданная).

Хорошо посидели...

А сегодня спраживал Явлинского к Мейджору и Колю. Писал для него послания (от М.С.) — к премьеру и канцлеру, а также — Бушу...

Одновременно переделывал материал, который позавчера еще поручил сделать М.С. к его встрече с Мубараком.

Одновременно писал послание М.С. для сбора в Бабьем Яру, куда он сам так не хочет ехать, посылает Яковлева.

Принимал корреспондента Time'a и договаривался с ним о публикации моего дневника в Форосе. Одновременно отдам в «Известия». 23 страницы получилось.

Нервотрепка и напряжение. Заглянул в поликлинику: ЭКГ хуже, чем позавчерашний раз, но лучше, чем прошлый, а давление — ниже —110, никогда такого не бывало! Загнись я...

Сидели у М.С. в кабинете вдвоем. Рассказывал, как они «Мартовские Иды» смотрели с Р.М. вчера по случаю 38-й годовщины своей женитьбы. Вычленил актуально звучавшее: об убийстве диктатора, о поэзии и т.д.

Подписал письма Мейджору, Колю, Бушу... и Обращение к читателю для брошюры «Августовский путч»: завтра приедет от Мэрдока Белл — издатель.

С Бовиным сговорились пойти, наконец, в кабак (в Марьиной Роще, на Октябрьской улице). Но я опоздал (из-за М.С.). Он не дождался. И я его уже не нашел даже в том самом армянском кабаке, хотя там «в принципе» его знают. Обиделся, наверное, поискав, позвонив.

Рекомендовал Горбачеву генерала Батенина в помощники по обороне, Петракова — взамен Воронина в ЕС и В.И.Щербакова -в советники по

¹³ Литвинов Максим Максимович (1876–1951) — государственный деятель. В 1930–1939 гг. народный комиссар по иностранным делам СССР.

международным экономическим отношениям. Он мне: «Не примут — замалался» в ГКЧП.

Примаков с удовольствием согласился быть начальником советского «ЦРУ», контору эту выделяет из себя Бакатин. А А.Н.(Яковлев) все шляется по митингам и ни дня без интервью!! Я давно подозревал в нем непомерное тщеславие, но думал, что оно обуздывается интеллигентностью и умом. Оказывается, оно в нем сильнее всего и все подавляет.

Утром позвонил Коллинз: Буш хочет говорить с М.С. Но предварительно мне, мол, поручено проинформировать — о чем? Я звоню М.С. — в 11.00 у него встреча с Мубараком. В 10.30 он принял Коллинза. Тот передает «инициативу Буша», которая будет сегодня обнародована: всеобщее сокращение ядерного оружия, даже «Томогавок», на что США никогда не шли... Выгодно... Красиво... Тем более, что по обычному оружию они нас сильно обгоняют.

Но не в этом дело. М.С. пытается дозвониться маршалу Шапошникову: чтоб у него подготовили «позицию» для разговора с Бушем в 16.00... Но... увы! Так и не дозвонился. Ушел на переговоры с Мубараком, а мне поручил созвать генералов + Карпов и передать им, чтоб сформулировали наш ответ.

Пришли Лобов + какой-то генерал + Карпов. Полтора часа дискутировали... Они сразу начали копать: сколько — чего -почему... — как на многолетней бодяге в Женеве и в Вене: тупиково и хлебно для переговорщиков.

Я им: так что — вы считаете, что вся эта инициатива, чтоб нас «обыграть», обмануть, унизить, показать, что мы уже не сверхдержава? Давайте, мол, совсем разоружаться? Никакого начала новой политики США, новых отношений с нами, итогов нового мышления вы в этом не видите?!

И как будет выглядеть наш президент, когда весь мир будет ошарашен этой инициативой, а М.С. Бушу будет толковать насчет того, что вот тут у вас больше, а здесь надо бы еще обсудить? И это — когда Буш ведь прямо заявляет, что будет разоружаться односторонне и призывает нас последовать примеру?

Сбавили тон, пытались изобразить, что они, «конечно, понимают». Но таким нафталином запахло... Опять М.С. нашел начальника Генерального штаба, которому, дай Бог, дивизией командовать.. Нет у нас генерала — политика, какие у Буша...

Ушли. Я продиктовал Тамаре «подсказку» для разговора с Бушем: крупнейшая инициатива, подстать рейкьявикской, которую вы, американцы, тогда не приняли. Поддерживаю. Давайте начинать, а по ходу уясним детали: что «навстречу», что параллельно, что -в переговорах.

Правда, к 3 часам Шапошников (он умнее моих давешних собеседников, современнее, политичнее) принес концепцию разговора, близкую моей...

Собрались у М.С... Пришедший позже Лобов пытался «давить»: мол, нам невыгодно, обманут, никакой односторонности не вижу и т.д. — вопреки тому, что М.С. тыкал ему пальцем в текст Буша, доказывая противоположное. Оставил генералов у себя в кабинёте, когда говорил с Бушем по телефону. Ход неплохой. Говорил в духе — «исторический шаг, приветствую, отношение позитивное в принципе... а остальное обсудим... и договоримся, как лучше»...

Условились и о публичной оценке со стороны М.С.: он уже записался на ТВ.

Я выше пометил, что Горбачев и Р.М. смотрели «Мартовские Иды» Уайдлера у Вахтангова. И вдруг он стал генералам рассказывать о своих впечатлениях, об аналогиях!!! Взял с полки том энциклопедии и стал вычитывать про Цезаря: смесь простодушия в нем с хитрой игрой в доверительность с новыми генералами! Шапошников оценил, Лобов, по-моему, ничего не понял.

Утром отправил в «Известия» свой «Дневник помощника Президента». В понедельник будет полоса. Приходил и корреспондент из «Time» с фотографом — девушкой... Много она меня снимала — и на фоне портрета Горбачева, и на фоне Ивана Великого — заставив сесть на подоконник с блокнотом (т.е. оригиналом дневника) в руках... Time'овец заметил, что Голливуд много бы заплатил, чтоб занять этот блокнот...

В 5 часов был у меня Белл — от Мэрдока... Уговорились об издании горбачевской брошюры («Августовский путч») за 4 недели: 100000 — аванс, 500 тыс. — при начале издания, первая партия гонорара. Очень они ухватились за такую сенсацию... Хорошо заработают.

Переписывал Обращение в Бабьем Яру... Все-таки сам не едет, посылает Яковлева... Там я прямо — и о сталинском антисемитизме, и об исходе талантливых сограждан, и о великой нации, и о том, что уроки извлекли из собственного, не только нацистского антисемитизма. Не уверен, что все это Горбачев примет. Яковлев сказал мне: если вычеркнет, он сам об этом скажет от себя.

В общем, правильно Тамара сказала: «Не рабочий день, а сумасшедший дом!».

Явлинский в передаче «Взгляд» выдал сегодня о золотом запасе —240 тонн осталось... А в письмах Мейджору и Колю М.С. не обозначил цифру, а разрешил Явлинскому устно *конфиденциально* назвать ее. Во всяком случае, Коль узнают цифру раньше из нашего ТВ, чем из закрытого письма Президента. Вот так у нас делается.

Но цифра ужасающая... Мы действовали на грани... Распродавали, оказывается, по 400–500 тонн в год... У США — 4200 тонн -у нас 240!

28 сентября 1991 г. Суббота.

Поставил дату, чтоб начать запись, но звонок М.С.: направь, говорит, телеграмму Явлинскому в Лондон или Бонн — чтобы в 10 утра в понедельник был у меня на совещании.

Сказал, что сидит редактирует «Августовский путч»... Я ему: «Как так? Текст уже в Лондоне, если не в Америке!

— Ну и что? Всегда так бывало... Правила по ходу...

— Много?

— Порядочно! Пока...

Сидел у книжной полки. Перебирал книги. Боже мой! Сколько не прочитано! И сколько упущено своевременно... Это — у меня, который все-таки что-то читал не только из обязательного для рядового советского интеллигента...

А у других?! Интеллектуальный процесс был извращен, удушен — до узкого, едва пропускающего канальца... Как же хотеть культуры от общества, в котором оборвалась -на полвека минимум — связь истории?!

1 октября 1991 г. Вторник.

Стоят жаркие дни.

Вчера в «Известиях» появилось мое «сочинение» — Дневник помощника Президента за три дня августа. Сегодня «все об этом говорят»... — кто подчеркивает политическую значимость, кто журналистский «успех», кто литературный дар, «зарытый в землю», кто человеческий аспект блокады... и т.д.

Французские и немецкие газеты и журналы просили разрешения перепечатать.

Но М.С. не понравилось: сделал вид, что не читал. «Ты, говорят, опубликовал какой-то свой дневник в «Известиях»?!»... При Грачеве... Андрей начал хвалить... М.С. перевел на другую тему. Это значит — не понравилось Р.М... Я там, действительно, не очень к ней «вежлив»...

В воскресенье поехал на 42-й... Немножко погуляли с Н.Н. до Раменской железнодорожной платформы. За столом Кира вдруг выкидывает поразившую мысль...: могло бы ведь произойти и так... и никакого путча не потребовалось бы. У Горбачева вдруг приступ, умирает или утонул, водица не в то горло и т.п. И что? При ком мы остаемся? При Янаеве, Язове, Крючкове и К^о. Вполне законно, легально и не сразу с танками... А потом и танки — легально и законно... В самом деле, наследников-то каких он себе подобрал... для продолжения перестройки!

Разговор у М.С. в присутствии Грачева, сразу после того, как он принял Христоферссона (ЕС): кого бы взять в госссоветники по международно-экономическим вопросам? Может, Адамишина? Мы с Андреем хвалим Адамишина...

А потом я говорю: вот Обминский¹⁴ (заместитель министра иностранных дел). Он только что присутствовал на встрече с Христоферссоном — асс своего дела (т.е. во внешнеэкономических делах).

М.С.: Но он только по экономике, а мне нужен политик-международник... Ну, конечно, и с экономическими знаниями.

Я: Так берите обоих: Адамишин и Обминский, а я их буду «координировать»... (шутя, разумеется).

Он: Нет уж. Мы с тобой как работали, так и будем работать...

Что это значит? А то, что либо я ему надоел, либо хочет сменить image окружения, либо действительно я ему нужен только чтоб писать речи, вот такие брошюры, всякие письма лидерам, приветствия, ответы и поздравления.

Скорее всего, и то, и другое, и третье. А в общем — «пренебрежение к личности». Пока ему не покажешь зубки, «уважать себя (не) заставишь»... Наверное, пора.

¹⁴ Обминский Эрнест Евгеньевич (род. в 1931 г.) — экономист, член-корреспондент РАН. Работы по проблемам международной экономической политики, преодоления экономической отсталости развивающихся стран.

Тем более, что просто задыхаюсь в этих текстах: материал к беседе, запись и ответы после беседы, материал к звонку в Бонн, Лондон — куда еще..., проект распоряжения, заготовка к мнению, и бесконечные приветствия и обращения. Сегодня только: по случаю годовщины объединения Германии и для телефонного разговора с Колем... И опять и опять -подчищать тексты после его редактуры. Вот— моя встреча с новым послом США Страусом: нужен отчет о ней Горбачеву и предложения, в том числе — о совместной советско-американской группе по стратегической безопасности.

Кстати, у Коллинза, который, в пятницу приносил М.С. «инициативу Буша», отек легкого. Чуть не умер. Но спасли на Грановского (кремлевская спецбольница). Страус говорит, что в Америке бы не спасли. Буш прислал благодарность, просил, чтоб и М.С. поблагодарил врачей.

А вообще встреча со Страусом — ничего особенного. Вроде как пришел удостовериться, можно ли со мной иметь дело. Ко мне тянутся сейчас многие — это из-за падения престижа МИДа. Я в их глазах выгляжу гораздо значительнее, чем на самом деле.

Вот просились опять Брейтвейт, Белл (Канада), Николаенко (заместитель министра иностранных дел, он только что с Кубы). Земцов (Израиль) с Велиховым прорвались мимо меня к М.С. Соблазняли почти даровыми миллиардами кредита... Хотя — прошел слухок, — что деньги-то от торговли оружием.

Я — «таки» убедил М.С. принять нью-йоркского ребе Шнайера и мадам Кардэн — председательницу американской организации в защиту советских евреев... Согласился в порядке компенсации, что не поедет в Бабий Яр.

Явлинский вчера зашел. В отчаянии: повторяется осень 1990... М.С. опять начинает отруливать. Заявил, что пока не будет Союзного договора, не будет и Экономического соглашения.

— Он, что! Спятил? Он же не только всем иностранцам в сентябре говорил, что Экономическое соглашение вот-вот появится, а Союзный договор — потом, когда получится. Два дня назад после Мубарака на пресс-конференции сказал это же... А теперь? Почему?

Явлинский: Не знаю. Будто договорился с Ельциным. При их разговоре были Силаев и Руцкой. Руцкой поддакивал. Силаев молчал. Это опять провал. И я ему сказал, что уйду опять, если так пойдет. Вот поеду в Алма-Ату с премьерами республик согласовывать проект... И если он от него откажется — уйду.

Я: Но ведь провал и перед Западом. Вообще провал. Никакого Союзного договора не будет! Он что — не видит, что «Россия» его провоцирует, — чтоб все разбежались, а она в «гордом одиночестве» будет потом им диктовать свои условия, «спасать» их в обход Горбачева, который уже совсем не будет нужен!!

Явлинский: Наверное, не видит. Но я действую как профессионал и гражданин. Мне больше ничего не нужно. Не будет Экономического соглашения — нет смысла тянуть резину... Ибо не будет ни рынка, ни единения с Западом.

Я: Но М.С.-то каков! Он что — не понимает, какая это для всех символика, если он еще раз привлек Явлинского и опять от него отвернулся! С кем он останется?

Кроме того, Явлинский мне рассказал, о чем он «информировал» Мэйджора, а именно — что не только у нас золота всего 240 тонн (я, говорит, перед отъездом в Лондон записался в «Вестях», чтобы свои узнали раньше, чем иностранцы. Ибо по их порядкам, если бы мир узнал о подобном раньше своей страны, премьер на другой день должен уйти в отставку).

Но золото, говорит Явлинский, это для обывателя. А вот что у нас пусты все активы, — это, действительно, катастрофа. То есть Внешэкономбанк на счетах не имеет ни сантима, ни цента. Рыжков и Павлов все растратили... Мы совершенные банкроты. И я сказал об этом Мэйджору.

Мэйджор реагировал: если бы Англия узнала про себя такое, -на другой день произошла бы революция!

Между тем, М.С. сегодня с Христоферссоном... (как по тому анекдоту) был предельно самоуверен: не надо драматизировать... Ну а раз революция, то и полного порядка не может быть, берите, мол, нас, какие есть. Все долги мы отдадим. Подачек не нужно, и т.д. Произвел на того впечатление, с тем тот и поедет в Лондон. Это — уже ноздревщина. Или, может, только и осталось действовать «на авось».

2 октября 1991 г.

Утро. До работы.

Вспомнил насчет «Дневника помощника». Прав корреспондент «Time», который его перепечатал, — что блокнот, заснятый в натуре сопровождавшей корреспондента девицей, купили бы за тысячи долларов.

На 95% я постарался воспроизвести то, что было написано *там* именно так, как *там* было написано.

2 октября 1991 г.

Вечер.

Горбачев встретился с Шошанной Кардэн. Довольно пожилая американизированная еврейка, возможно, в прошлом даже красивая. Умна и деловита. Но — в пределах «дипломатичности».

Он начал с того, что перестройка была задумана «во благо» всех народов, в том числе и евреев.

Она все время деликатно пыталась настаивать на том, что евреи — это все-таки «особый случай». По ходу разговора прямо его спросила, почему «советское руководство», осуществляя демократизацию, прямо и официально не осудило антисемитизм. Он (как уже не раз делал с другими собеседниками) опять ушел от ответа: я, мол, в официальных выступлениях решительно осуждал все виды шовинизма и национализма. Выделять же особо антисемитизм — знаете... У нас 120 национальностей в Союзе. Выделять кого-то, значило бы кому-то отдавать предпочтение. А националистические проявления имеют место не только по отношению к евреям. Кардэн тем не менее, улыбаясь, попросила Горбачева найти возможность и удобный случай «еще раз» выступить публично с осуждением антисемитизма.

М.С. заверял мадам, что «атмосфера в этом отношении за последние годы заметно улучшилась». И вообще в народе «этого нет», хотя нельзя отрицать...

Кардэн напомнила о появлении у нас антисемитских газет, о бытовом антисемитизме. М.С. реагировал «с пониманием»: межнациональная ситуация у нас сложна, но не безысходна. Решение проблем — в дальнейшей демократизации, в повышении «культурного самосознания народа».

Американка подняла вопрос об «отказниках»: их остается много, хотя «Вы, господин Горбачев, сделали очень много, чтобы снять в принципе проблему выезда». М.С. сказал, что он против того, чтобы уезжали, но,, теперь это дело добровольного выбора. «Отказников» привязал к госсекретам. Шощанна иронично отметила: «может посмотреть» и окажется, что это совсем не секреты? И почему во всех западных странах «срок секретности» 5 лет, а у вас 10. У вас какие-то особые секреты от международного сообщества? М.С. обещал «над всем этим подумать».

Больше всего, я видел, его заботило — как использовать «благодарность евреев», о которой Кардэн так много распространялась, чтобы еврейская община США способствовала инвестициям в нашу экономику.

Кардэн напомнила, что Всемирный Еврейский Конгресс и «вообще евреи» с самого первого момента резко осудили ГКЧП. М.С. поблагодарил и сообщил, что из-за путча усилился отток евреев из СССР.

Как бы я оценил эту встречу? М.С. и раньше официально встречался с еврейскими деятелями (Раппопорт, Райхман, израильские министры), но речь шла от «дел», об экономических связях, хотя для общественности не осталось без внимания, что генсек (президент) «не погнушался»... На этот же раз встретился с дамой, которая официально представляла еврейскую организацию и говорила от имени всего еврейства и по «еврейскому вопросу».

Наверно, этой встречей и посланием Горбачева «поминальной молитве» в Бабьем Яру можно поставить точку государственному советскому антисемитизму¹⁵.

И все таки, все-таки, какая-то горечь остается: не решился Михаил Сергеевич сам поехать к Бабьему Яру, хотя президент Израиля звал его туда,... тем самым рассчитывая придать государственный оттенок этой акции. Не последовал примеру Вилли Брандта, который на коленях попросил в Варшаве прощения у нации, жестоко «обиженной» его народом, несмотря на то, что он, Брандт, лично к этому не был причастен.

6 октября 1991 г. Воскресенье.

Вчера М.С. принимал Камдессю. Оформили вступление «СССР» в МВФ (все время теперь в официальных и особенно публичных текстах хочется избегать названия государства. Черт знает что! Наверное, не было в истории случая, когда государство, оставаясь, лишено было названия... Ну, ладно). Оба

¹⁵ Закрепила эту «точку» встреча Горбачева с премьером Израиля Шамиром в Мадриде 30 октября этого же года, неподдельно дружеской, искренней, — будто бы оба (и все присутствующие) облегченно выдохнули, сказав себе и друг другу: «наконец-то!»... покончено с нелепой и дикой враждой, возведенной Сталиным на государственный уровень и «достойно продолженной и развитой» в брежневские времена. — А. Ч.

— и Камдессю, и М.С. — назвали происшедшее «историческим событием». С точки зрения символики, наверное, это так. Обменялись письмами, а я еще по их просьбе написал «заверение», что обмен состоялся...

Камдессю был очень вежлив, многословен, и необычно для делового человеке преисполнен энтузиазма и оптимизма в отношении нас. Сказал, что его люди по поручению «семерки» еще прошлой осенью изучали «нас» на месте, «постоянно следят за ходом событий» и он уверен, что если мы «получим» (т.е. создадим с помощью МВФ и «7»!!!) технологию и стимулы, СССР не когда-нибудь, а через несколько лет станет экономической супердержавой. Я это написал и в сообщении о встрече для печати... Но кто теперь печатает этот созданный мной «жанр»?! — ни по ТВ, ни в газетах эти мои сообщения о встречах М.С. не появляются.

До этого два дня я с Вебером и Ермонским готовили выступление М.С. по ТВ — ответ на инициативу Буша... Работала и созданная М.С. группа во главе с Силаевым (Шапошников, Петровский, Рыжов, Бакатин, Яковлев, генералы и Карпов из МИДа...). Вчера это соединено было вместе: мой политический текст (оценки) и их «встречные предложения». Довольно решительные. Но не решились (Шапошников, авиатор, возражал) ликвидировать нашу ядерную бомбардировочную авиацию — часть триады СНВ... Хотя сам он + Рыжов и др. «проинформировали», что наши ТУ-160 — это летающие гробы (вроде ТБ-3 начала войны! Помню их). Если, дай Бог, и долетят до побережья США или Канады, но только чтоб выпустить ракеты, а как обратно — это уже другой вопрос! И они — всего 3% от наших СНВ... Стоит же каждый 50 млн. и несет всего 8 ракет, тогда как Б-2 (США) — 48 ракет, не говоря уж об электронике, «проницаемости», скорости и т.д.!. .

Тем не менее (хотя чуть было не решились)... этот пункт все-таки вычеркнули. Если бы приняли, это означало бы ликвидацию одной ножки в треножнике СНВ.

М.С. поговорил с Ельциным, который в общем и целом «согласился»... Обещал послать к нему в Кисловодск Обухова + генерала, чтоб «ознакомить подробно»... Но, кажется, забыл об этом. Других глав «наших» государств «не считал необходимым» информировать: «А пошли они... тоже мне президенты!».

Поговорил с Бушем. Панкин передал наш ответ в письменном виде прибывшему в Москву Бартоломью (из МИДа США). Поэтому мы и поторопили М.С. выступить вчера же по ТВ, чтоб не выглядело, будто сделано под диктовку американцев.

А в четверг «проводжали» Примакова в «наше ЦРУ»... Собрались у него в кабинете: Бакатин, Яковлев, Ревенко, я. Пришел и М.С. Хорошо выпили... Поговорили о верности друг другу... поделились «информацией» о предательствах. Особенно распространялся Яковлев. Смотрел я на него и думал: а мне вот, например, не нравится твоя мелкотщеславная активность на публику. Каждый день возле его кабинета (мы в Кремле рядом) толкуются телевизионщики и журналисты... Каждый день он где-нибудь выступает на тему о нравственности. То при открытии Фонда (Красин и Шах — образовали фонд на месте Ленинской школы), то на представлении своей книги (очередного сборника тех же статей и новых интервью).

Между прочим, на прошлой неделе в беседе с Шошанной Кардэн М.С. впервые определенно высказался по еврейскому вопросу. Хорошо и откровенно. Думаю — не без использования текста обращения по случаю 50-летия Бабьего Яра (вчера была церемония в Киеве), который должен был огласить посланный им туда Яковлев. Я еще не знаю, в какой мере он изменил текст до передачи Яковлеву. И опубликуют ли?.. Теперь ведь речи Президенту у нас нигде никто не печатает, а лишь иногда комментируют...

В пятницу 3 октября приезжал Хорст Тельчик (бывший помощник Коля, мы — друзья). Он теперь в руководстве мирового издательского концерна «Бертельсман». Взятся издавать книгу М.С. в немецкоязычных странах.

Вечер. Позвонила Р.М. «Вы читали «Правду» за вчерашнее число?» «Нет». «Прочтите, там о дневнике, который Вы опубликовали». И понесла: как я мог так на нее наговорить! Будто она называла Болдина родным и делилась с ним интимными семейными тайнами. Она вообще-то никого «родными», кроме М.С. и дочерей, внушек никогда не называла. Как я мог нанести такой удар и по ней, и по Михаилу Сергеевичу. Я знала, что используют этот ваш дневник во вред нам. Вы-то там ничем не рисковали (?!), для вас это так — событие, а для моего мужа, детей и внушек вопрос стоял о жизни. Вы подумали бы, прежде чем писать такое... Я этого не говорила, и Ира с Толей (зять) свидетели. М.С. тоже подтверждает и т.д. Причем, как обычно, повторяет учительски несколько раз одно и то же. Продолжалось это около получаса. И М.С. при сем присутствовал. Это стало совсем очевидно, когда она иссякла и спросила: у вас есть вопросы к Михаилу Сергеевичу? У меня их не было.

Я подумал: а на хера мне это все нужно? И почему она... или вообще, женщина, пользуясь тем, что перед ней «джентльмен» и не пошлет ее на... — позволяет такие вещи мне выговаривать? Я ей сказал, что молчать не мог, когда со всех сторон «доказывали», что никакой блокады, ареста и отключения связи не было... И что это чуть ли не сам Горбачев все придумал и затеял. Не мог я позволить себе под видом дневника опубликовать «то, что нужно»... «с учетом»... и т.д. Может, точно те слова про Болдина и не были ею сказаны, но смысл реакции на Болдина тогда, вечером 18 августа в «Заре» был именно такой. Таким он у меня запечатлелся и так я его отобразил.

Противно получается: Яковлеву, Шеварднадзе можно об М.С. говорить, что угодно, даже подозревать его в организации заговора (как это сделал публично Э.А.) — и ничего! А как Черняев выходит из тени и заявляет «свою индивидуальность» — не нравится. Хоть бы подумала — что эти 6 лет отданы ее мужу и его делу... причем беззаветно и бескорыстно. А насчет того, что «мне ничего не грозило»... Они вместе с М.С. никак не могут примириться с тем, что я не наложил в штаны, — отсюда и мое «веселье» перед телекамерой «Вестей», на что, оказывается, обратила внимание не только Р.М., но и разная публика, смотревшая передачу, в том числе и Марк Захаров, выступавший на другой день на экране.

Плевать! Но пора уходить. Пора! И ничего не надо объяснять...

7 октября 1991 г.

На 42-ом¹⁶ с давними друзьями из разных академических институтов... Терраса. Разговоры. Все о том же: что с нами будет... Я всех заверяю, что будет Великая Россия, а на остальное наплевать...

Посудачили о вчерашнем интервью Р.М., где она приложила меня: «Вымыслы (про мой дневник в «Известиях»). Не знаю, мол, с какой целью»...

Пил вино и говорил, говорил... И о Р.М. — почему ее все «не приемлют» и я тоже, и, конечно, выдал это свое чувство в «дневнике». Распространялся о «Мартовских Идах», вспомнив, как он воспринял этот спектакль, заговорил о Шекспире и Ибсене, о Юлии Цезаре... Недавно заглядывал в старую книгу о нем Утченко, университетского профессора, которого знал в свое время¹⁷.

Кравчук. Показывают по ТВ. Присваивает себе и ядерные ракеты, и Донбасс, и Крым... Идиот... Он что — считает, что и Севастополь ему принадлежит?! Нет уж... тут самый что ни на есть «демократ», если он русский — будет против... И еще как будет!.. И не отбирать придется Севастополь у Кравчука¹⁸, а пусть он его попробует «взять»!..¹⁹

12 октября 1991 г. Суббота, утро.

Очень быстро все выветривается из головы — в этом мелькании событий и «обстоятельств». Попробую телеграфно воспроизвести.

Я не пошел на встречу М.С. с Райзманом и К°. (представляет 120 «акул» пенсионных фондов США — 400 млрд. долларов). Не пошел на встречу М.С. с президентом Кофиндустри Италии — главным в итальянском бизнесе... Не хотел идти на встречу с Мэдиганом, министром сельского хозяйства США — «демонстрировал» свое «фэ» в связи с «акцией» Р.М. и его, самого Горбачева, отношением к этому.

Он заметил мое отсутствие: по семь раз на день звонил по пустякам, иногда забывал с ходу, зачем звонит. Возможно «приплюсовалась» неловкость по поводу того, что он сделал Шаха госсекретарем, а меня — нет. Но я ведь сам отказался!.. Тем не менее... Кольнуло...

Мэдигану Горбачев доказывал, что у нас есть с кем иметь дело... И оптимистично уверял, что вот 11-го будет Госсовет и там «во!» — и Экономическое соглашение, и продовольственное соглашение, и Союзный договор... Между прочим, Мэдиган — от имени Буша — действительно

¹⁶ «42 км» — это станция электрички по Казанской железной дороге, где жили на своих дачах мои друзья. — А. Ч.

¹⁷ См.: Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1976. (Утченко Сергей Львович (1908–1976) — историк, профессор МГУ в 1950–1954 гг.)

¹⁸ Кравчук Леонид Маркович (род. в 1934 г.) — политик. В 1990—1991 гг. — председатель Верховной рады Украины. С 1990 г. был членом ЦК КПСС, 19 августа 1991 г. заявил о выходе из рядов КПСС. 1 декабря 1991 г. был избран президентом Украины.

¹⁹ Вот такой наивняк еще был я. Мерил иными стандартами, интеллигентскими. — А. Ч.

предложил помощь... (мы все никак не поймем, что здесь действует и мораль, и порядочность, и «товарищеские» чувства)... Например, согласны задаром подставить своих менеджеров в наши пищевые предприятия, чтобы на том же оборудовании, с тем же персоналом, говорит американец, увеличить производство мяса, молока, хлеба, овощей, картофеля на 25% и даже 70% при «правильном», т.е. американском, управлении. Ферму в Санкт-Петербургской округе обещал поставить образцовую и тоже задаром. М.С. все выспрашивал, сколько такая в США стоила бы?. А тот все думал, что М.С.'а интересует сколько она ему, М.С'.у, будет стоить, и уверял, что ничего. Потом, «догадавшись», назвал цифру: 1,5 млрд.

На встречу с Мэдиганом мне пришлось пойти, ибо Гусенков был занят сопровождением Р.М. и детей на допрос в прокуратуру, а Загладин, как обычно, оказался то ли в Брюсселе, то ли в Риме...

На Госсовете действительно произошло неожиданное. После раздвая в русском парламенте, правительстве, в президентской власти пресса уже подозревает раскол в новой, послепутчистской демократии. Ельцин явился на Госссовет, хотя за 3 дня до того в Кисловодск не могли дозвониться ни Руцкой, ни Хасбулатов, о чем и заявили публично. Говорят, пил по-черному, и возле дачи все время стояла единственная в городе реанимационная машина...

На протяжении 6-ти часов Госссовета, надувшись, как бывало на Политбюро, Ельцин не открывал рта. Но под конец — открыл, чтобы сказать «да» по всем трем вопросам: экономическое соглашение, продовольственное соглашение, продолжение работы над Союзным договором.

По 1-му пункту Явлинский сделал блестящий доклад — ликбез, культпросвет для элементарно безграмотных президентов республик. Он не стеснялся с ними. Например, — о Центральном Банке, который они хотят сделать межреспубликанско-коллегиальным. Разведя руками, говорит: это закон природы... Если рублевая зона остается, если вы за единое экономическое пространство, то закон природы исключает «ваше» коллегиальное управление. Ну что я могу сделать? То, что вы хотите, говорит он им, похоже — как если бы в Москве была центральная больница, вы приходите на операцию и требуете: пусть меня оперирует коллегия из 12–15 разно национальных врачей и только так. Думаю, кроме вас, в такую больницу никто бы не пошел. И т.п.

Поразительный примитив... Члены Политбюро (для той, своей системы) были куда более квалифицированными и более умными!

Кравчук завелся по Союзному договору. Несмотря на то, что М.С. опять сильно отступил. Теперь уже нет речи о том, чтобы сначала Союзный договор, а потом экономическое соглашение. Теперь -только о том, чтобы продолжить работу над текстом в межреспубликанских рабочих группах. А хохол свое: мой Верховный Совет решил «не участвовать» до 1 декабря (украинский референдум)...

Тогда М.С. предложил обратиться от Госссовета «К трудящимся Украины». Термин «трудящиеся» забодали сразу. Киргиз предложил взамен — «народ»... Другие — «К Верховному Совету»: он, мол, принял решение! Кравчук запротестовал: действительно нелепо — он член Госссовета, вместе с другими его членами, обращается к своему Верховному Совету отменить то, что там

вместе с ним решили. И это — когда он баллотируется в президенты. Тем не менее, М.С. «поручил» самому себе подготовить такое обращение!

Словом, пронесло по трем статьям. Но что-то будет в «Белом доме», когда Ельцина, смурного и оглоушенного водкой за целый отпуск, возьмут в оборот Бурбулисы, Лобовы и К°?!!

8-го я ходил к Панкину: договорились «пообщаться»... в самом МИДе, вот здесь возле моего дома. Давно не бывал в этой высотке. Встречали чопорно и подобострастно... милиционеры и чиновники — в поклонах...

Анфиладный кабинет — через который прошли в отдаленный «отсек», сели за виски. Поговорили... Трудно даже сказать, о чем. Скорее -что политику «нового мышления» будем теперь делать вместе. Вспомнили былое — за 20 лет. Помыли косточки отступникам во время путча. Квицинского определили «в тень», чтоб не терять... «Хвалил» я Борю — мол, в МИД пришел опять политик, а не чиновник.

Но хоть и договорились, — он уже на другой день, минуя меня, «без меня», вышел на М.С. и предложил ему пригласить в Москву Милошевича и Туджмана: мирить Сербию и Хорватию. Когда я узнал, стал возражать перед М.С. — зачем подставляться-то, благословлять отделение Хорватии (первым среди мировых лидеров), к тому же мирить есть кого у нас самих, в собственном доме. Странно будет выглядеть. А главное — безнадежное дело. М.С., давший уже согласие на приглашение, игнорировал меня... Опять смазал: мол, знай свое место — пиши «памятки» для бесед!! Хотя и ласково.

Надо скорее уходить.

Жена сделала удачную вторую операцию на глазу... Хорошо. Теперь будет читать. За это Славка Федоров требует, чтоб я добился от М.С. снятия с него 40% валютного налога. Вот так, дорогой Черняев! Но делать я этого не буду.

Хочется в лес, за город... Осень прекрасная, на этот раз — уходит.

Купил на днях на Арбате оригинальную иллюстрацию к «Мастеру и Маргарите»: 400 рублей. Вон она — на стенке. Приятно — утром просыпаешься и «молишься» на красоту, которая куда-то уводит...

Вечер того же дня.

Готовил «памятку» для Накаямы (японский мининдел). Мешал разговорами Брутенц... Зачем пришел?... Может, от жены убежал, может, готовился к поездке в Саудовскую Аравию и в ОАЭ, куда я его «устроил» с посланием М.С. «в тайне» от Панкина, который отказался взять его в Сирию и Израиль.

Background для Накаямы от МИДа —дохлый, словеса. Я его улучшил, горбачевизировал, а позиции нет все равно.

Приехал Вебер... Я скинул памятку на него, попросил достать «досье» о поездке в Японию Хасбулатова... и о митингах и о прессе против передачи островов.

Вернулся на работу. Вебер показал, что он за мной доделал. Я пришел в отчаяние. Позвонил Панкину: нет, говорю, «у нас» позиции — что выносим на уровень Президента? Он что-то начал отбалтывать.

— Боря! Хватит топтаться. Все, что можно было в топтании, уже сказано, надо выбирать: отдаем острова и идем к народу (в ВС России или СССР) и обосновываем это решение... или говорим японцам: не видать вам их никогда и... гуляйте со своими добрыми намерениями к нам, с «дружбой» и со своими миллиардами! И тоже — честно сказать народу: ты этого хотел?

Ничего путного в ответ я от министра не услышал...

А М.С. опять будет забалтывать проблему: «история рассудит», «будем-де создавать атмосферу»... Жалко и бессмысленно. Нет политики. Остался треп.

То же — с приглашением Милошевича и Туджмана. Панкин не смог объяснить, зачем он впутал М.С. в это дело. Первый мировой лидер, который благословит «уход» из СФРЮ Хорватии? Уговорить Сербию и Хорватию — чтоб «без крови»?.. Смешно! Или у нас самих нет чеченцев, ингушей, осетин, армян — etc, etc, чтоб мирить?!

Опять же не политика, а болтовня... М.С. этим занимается, видно, чтоб создавать видимость участия в «реальной мировой политике»...

Вчера я ему написал свое мнение о югославах. В ответ звонит: «Значит так — Милошевича в 15.00 15-го, Туджмана — в 17.00. Вот и весь разговор с помощником Президента пока еще сверхдержавы по международным вопросам.

На ... мне это нужно?!

День на работе пропал: ничего не сделали...

Завтра придется... А я хотел «в лес»...

М.С. мне рассказал о разговоре с Ельциным вчера после Госсовета. Тот ему говорит: А Вы, Михаил Сергеевич, не поспешили со своей книгой («Августовский путч»)? Нет, отвечаю, и тебе (т.е. Ельцину) советую, если у тебя есть что сказать про те дни, сказать сейчас.

Комментирует: наверное, из зависти решил меня «предупредить», у самого-то книга, видно, не получилась в Кисловодске...

Скандал с выкраденными и опубликованными в «Шпигеле» стенограммами допросов Язова, Крючкова и Павлова... Предел государственного распада. Но не в этом дело... Я говорю М.С.: подтверждается то, что в вашей книге — отказ принять ультиматум расстроил все их планы. Путч с этого момента провалился. Ибо весь этот фарс был рассчитан на то, что М.С. даст слабину...

13 октября 1991 г. Воскресенье.

Между прочим... Сейчас «осенило»: ведь сегодня ровно 50 лет, как я ушел в армию, на фронт. От истфака добровольцы-студенты направлялись туда через военкомат в Столовом переулке, рядом с Никитскими воротами (это здание и сейчас стоит). Вспомнил, как там забраковали меня (из-за носа — слуха) в летчики, куда я попросился, и как остригли наголо, и я уже больше не снимал шапку, когда сажали в автобус (отправляя на вокзал), чтобы провожавшие мама и Геня не увидели моего безобразия... Усы остались...

Итак — полвека... Вон, куда завернула меня судьба...

Последний номер журнала «Родина» весь посвящен накопленной за полвека лжи о войне — белым пятнам, которые только теперь начинаем заполнять... Но заполняя -заменяют и другой ложью. Например, эссе В. Астафьева, который прокликает коммунистов — комиссаров — политруков, — якобы они отсиживались в блиндажах под тремя накатами. Были и такие... Как и среди беспартийных командиров! Но я помню и других, например, нашего комиссара батальона, белоруса Любутина, который с передовой не вылезал и погиб в окопе — осколок в голову. Да и «все мы» стали там коммунистами: это как бы клятва верности, смертничество своеобразное: если плен или победа немцев — гарантированный каюк, обратной дороги нет. И очень плохо, что фронтовики скрепляют реваншистскую истерию «демократов» своими «показаниями».

Пришлось сегодня ехать на работу. Закончил «памятку» для Накаямы. Но предварил ее личной запиской к М.С. Мол, это «словесность» и повторение пройденного. Политики тут нет. Политика — это выбор. И надо выбирать, а не продолжать «переминаясь с ноги на ногу» (его выражение). Либо мы даем согласие на передачу островов: предложил ему договориться с Ельциным и выйти на Верховный Совет или Съезд России с этим и получить санкцию — вопреки местным «патриотам».

Либо сказать Накаяме: отдать не можем, мол, «народ» против. Но тоже объяснить народу на ВС: «Ты этого хотел, пренебрег дружбой с японцами ради двух скал и двух едва обитаемых островов в условиях, когда «отдали» всю Прибалтику (тоже наследие войны) и отдадим еще кое-что».

Написал резко. Думал обозлится. Но вот только что позвонил. Говорит: обменивался с Панкиным, завтра буду говорить с Ельциным. В самом деле, — надо определяться.

Поговорили о статье в «Независимой газете» насчет того, что Ельцин не пойдет на радикальную реформу, ибо она противоречит его популистской природе, он будет терять — и быстро — базу. Держаться он обречен только под аплодисменты. (На это М.С. заметил: а мы все это уже прошли и можем действовать сообразно разуму, рационально). Кстати (вот сейчас подумал): японские острова будут оселком — права ли «НГ» в своем анализе... Ведь отдать — очень непопулярно. А отдать -помочь экономическому возрождению России. Но это журавель в небе!

16 октября 1991 г. Среда. Утро.

Вчера М.С. опять удивил, в том числе и меня. Окрутил Милошевича и Туджмана²⁰ тем, что, несмотря на всю их вражду и непримиримость, они согласились вместе ужинать (в особняке на Ал. Толстого, ныне — опять Спиридоновка) и приняли совместный меморандум (который быстро, за 5 минут, я продиктовал Тамаре, перед тем как ехать в этот шехтелевский дворец). И втроем фигурили перед камерой, а Андрей Грачев зачитал этот текст («коллективно» перед тем отредактированный во Врубелевской гостиной).

В общем — чудеса горбачевского обаяния, «доверительной» убедительности и ловкости... Это обезоруживает... прежде всего здравым смыслом и тем, что сейчас стали называть открытостью.

Однако, думаю, в югославском конфликте этим, пожалуй, и кончится. Стоило ли, продолжаю я перед собой настаивать?! Больше выиграл М.С. для себя (в смысле международного и даже внутреннего имиджа). Объявил там, что завтра он будет «так же!» сводить Муталибова и Тер-Петросяна!²¹ Что ж до Югославии, то я буду не прав только в том случае, если они уже сами выдохлись, сокрушая и стреляя друг в друга: 1000 убитых военных, 10 тыс. мирных жителей, 388 исторических памятников уничтожено, полное разорение хозяйства Хорватии и т.д.

Тем не менее, по «данному вопросу» я оказался не прав с точки зрения интересов самого М.С. как государственного деятеля, недооценил его способностей.

А по Японии — с Накаямой — хоть я и выступал с крайностью, настаивал на том, чтобы уже сейчас объявить (пусть в закрытом порядке, на ушко), что согласен передать острова, — моя настойчивость была небесполезной. Это заставило М.С. задуматься: нельзя топтаться на месте. И он сделал шаг, дав Накаяме понять, что цель у нас с Японией — одна: по мирному договору острова отдавать. Но надо «пройти путь», не перескакивать, не сломать процесс, потому что и у нас теперь демократия, которая на Дальнем Востоке бурно против передачи!

Приходил Розенталь из Time. Сказал, что за мой текст о 18–21 августа — мне положено 5000 долларов! Хорошая подпорка в нынешней жизни. И, может, удастся квартиру купить, на чем настаивает Аня. Но мэр Гаврила Попов каждую неделю меняет условия.

Договорились с Розенталем, что «может быть» — я им буду нечто подобное выдавать и впредь «о своей службе у Горбачева»... Надо, надо... Уйдет ведь многое вместе со мной, пока через 50–100 лет историкам не попадет в руки мой дневник.

²⁰ Милошевич Слободан (1941–2006) — сербский политик и государственный деятель. Президент Югославии; Туджман Франьо (1922–1999) — президент Хорватии с 1990 г.

²¹ Муталибов Аяз Ниязи Оглы (род. в 1938 г.) — азербайджанский политический деятель. В 1990–1991 гг. — 1-й секретарь ЦК Компартии Азербайджана. В 1990–1992 гг. — президент Азербайджана; Тер-Петросян Левон (род. в 1945 г.) — армянский политический деятель. С 1991 по 1998 г. — президент Армении.

19 октября 1991 г. Суббота. Утро.

Вчера подписано усеченное Экономическое соглашение: без Украины, Грузии, Молдовы и Азербайджана. Накануне Ельцин по случаю своих «100 дней» еще раз поставил себе в заслугу, что он «доручил» Центр... На вопрос — как у них с Горбачевым, ответил: лучше, но если он опять... (жест!), я нанесу ответный удар (жест — кулаком по столу).

Вчера же по ТВ — министр финансов России сказал, что «у них» все готово для денежной реформы и обмена на русский рубль республиканских денег.

М.С. все спрашивает, как с подготовкой материала для его выступления при открытии 21-го октября Верховного Совета, на который, кстати, не приедут депутаты от Украины, Молдовы, Азербайджана, Верховный Совет которого вынес постановление — не участвовать и не подписывать в Москве ничего, пока не дадут гарантий по границе с Арменией. Мало того: не найдены даже руководящие органы Верховного Совета — вместо бывшего у него Президиума. Председатели палат Лаптев и Нишанов в офсайде, так как нет уже тех их палат. ВС Украины заявил о подчинении себе всех вооруженных сил на ее территории и переходе в собственность всего армейского имущества. Безумие какое-то.

К чему я все это? К тому, что осталась видимость от Союза.

Я каждый день ему поставляю тексты приветствий — то Парижской конференции по Камбодже, то — Генконференции ЮНЕСКО, то письмо Бушу (с Акаевым, который летит в США)... Выступил кудесником-примирителем Сербии и Хорватии. Мир не успел ахнуть, как они вновь начали колошматить друг друга с еще большей злобой.

Принимал японцев — фактически обещал острова, хотя отдать их - абсолютно не в его возможностях.

Принял Фошерау — бургомистра Гамбурга, чтоб угодить мэру Санкт-Петербурга Собчаку, который, упрощив, даже не счел необходимым придти на встречу, а послал своего «министра иностранных дел». Есть теперь такой и в Ленинграде.

«Московский комсомолец» поместил в пол-листа фото шурина Президента, брата Р.М., который много лет — в Воронежской психушке (алкоголик). Ужас!.. Потом редакция отделалась извинением. А супружеская президентская пара, по словам Гусенкова, в шоке два дня с тех пор!!

Пресса переключилась на серьезную критику Ельцина. Ему напоминают, что раз Центра больше нет, во всяком случае, он «не тормозит» — скоро предъявят счет ему, Ельцину... И что после «великой победы» в августе он ничего такого не сделал. А о Горбачеве пишут походя, иронически, с насмешками, с издевательским снисхождением. Уже не предъявляют претензий и не бросают обвинений.

Так вот... Чего я больше всего боялся, так это, что М.С. окажется жалок, хватаясь за остатки власти и положения. Не сумел он вовремя и красиво уйти. И когда общаешься с ним и, особенно наблюдаешь, как он уверенно держится с иностранными собеседниками, говорит с ними (по стилистике, манере!) так же, как и год-два назад, не знаешь, что думать: то ли натура такая, то ли чувство самосохранения, то ли играет хорошо.

Но неуверенность (и жалкость) чувствую в том, с какой «заинтересованностью» он занимается прохождением в печать своей книги «Августовский путч»: контракты, гонорары, переводы, сроки и т.д.

При начале насчет гонорара он мне бросил: Да ладно, все равно отдавать, не в коня корм, и раньше не оценивали, а уж теперь -тем более никто не заметит... Думаю, он внял: пора тылы обеспечивать...

В самом деле: Юрка Жилин (бывший руководитель консультантской группы в Международном отделе ЦК) приходил — 200 руб. пенсия. Можно жить?! А многие из международного отдела, даже те, кто на баррикадах был 19 августа, вообще остались без работы. Позавчера Лисоволик выбросился из окна (мой бывший подчиненный, зав. сектором США в Международном отделе)²².

Уж если Экономическое соглашение заключили еле-еле, то Союзного договора не видать... И Центр исчезнет: Ельцин претендует на роль «президента-координатора». Он заявил публично, что будет давать в союзный бюджет только на содержание министерства обороны, атомной энергетики, железнодорожного транспорта... Даже МИДа «среди них» нет!

На президентскую службу тем более давать не будет. Правда, Ревенко мне сказал, что он уже создал «фирмы», которые качают валюту, и прожить президентскому аппарату пока можно будет. Но это же нонсенс — президент «великой державы» — за счет почти подпольного бизнеса!

Вчера восстановлены дипломатические отношения с Израилем.. Это действительно (было бы) событие... если бы оставался Союз... Впрочем, Россия переймет. Назначена Конференция по Ближнему Востоку в Мадриде. М.С. поедет... В то время как... у нас самих каждый день режут друг друга в Карабахе, в Осетии, в Чечне, в Грузии, и т.д.

20 октября 1991 г. Воскресенье. Утро.

Вчера был «своеобразный» день. Я пошел на работу, почти уверенный, что придется «сидеть» вместе с М.С. над выступлением при открытии Верховного Совета (в понедельник). Шах, еще с вечера дал мне текст — где были соединены куски по разным темам, которые готовились разными людьми. Впрочем, как он мне сказал, Медведев и Ожерельев так и не дали экономический кусок. И текст состоял из «правовой» части (Шах), моей (международной — внешняя политика нового Союза) и импровизации шаховских ребят на социально-экономические темы.

Я прошелся по всему... И много направил, убирая выпады против кого бы то ни было (Украина, Грузия...), а главным образом — «чтение морали», нравоучения и поучения в горбачевском, правда, стиле. Но время их прошло. Отдал Шаху...

М.С. с 12-ти занимался опять не своим делом: собирал предпринимателей и трудовые коллективы, чтоб учить их, как им жить.

²² Лисоволик Дмитрий Андреевич (1937–1991) — был заведующим сектором США международного отдела ЦК КПСС, затем — заместителем руководителя международного отдела ЦК КПСС Валентина Фаина. Погиб 17 октября 1991 г.

Казалось бы: отдал все в республики, в ассоциации и корпорации, и пусть все идет «другим чередом», пусть они несут ответственность. Нет, руки чешутся поруководить всем и вся как в былые времена, с которыми он сам и сознательно покончил. И в этом как раз его историческая заслуга.

Кстати, в «Культуре» (меня предупредил редактор этой газеты Альберт Беляев²³) на 1,5 полосы опус: «Кто же такой Горбачев?» — психоаналитическое (по Фрейду) эссе о личности, о мотивах деятельности Горбачева. Написал медик — психотерапевт. Написано «красиво»... И я, который знает Горбачева вблизи (в отличие от автора статьи), согласен с ним на 90%. Номер за 19 октября 1991 года.

Часам к трем, однако я узнаю, что М.С. уже засел с Яковлевым и Шахом за работу над текстом для Верховного Совета. Меня, значит, «не сочли»...

Забыл: в пятницу был у меня Бруно Малов. Тот самый — зам. зав., потом зав. международным отделом СЕПГ, мелькавший на экранах с Хонеккером в качестве переводчика. Теперь в свои 55 лет «доживает» в аппарате ПДС в Берлине. Жаловался, что не все прежние друзья, с которыми столько лет «укрепляли МКД», захотели с ним видаться. Поговорили о жизни, о перестройке, о былом... знакомы-то лет 20 с лишним. О том, что делали, понимая абсурдность дела, тупиковость.. о том, в частности, как Пономарев собирал пятерку соцстран на своем уровне и учил их, как давать отпор то итальянцам и французам с их еврокоммунизмом, то — румынам (помню в Польше, ночью под Варшавой в каком-то старом замке времен Мицкевича в тайне от румынской делегации сидели — сговаривались!)... Бруно все понимает и не стал спорить, когда я «обосновывал» неизбежность того, что произошло... Как и естественность зарождения ревизионизма в таких звеньях, как международные отделы ЦК... Ибо мы-то знали мир и знали, что никто на нас не нападет, знали и то, что такое на самом деле МКД — и что дело его дохлое... Недаром же и в СЕПГ и особенно в аппарате ЦК КПСС международников еще со времен Трапезникова считали ревизионистами и терпели только потому, что без них «технически» невозможно было поддерживать отношения с компартиями и держать их в своем обозе.

Говорит, что жильцы дома, где он живет, относятся по-человечески. Жене (она киевлянка у него) говорят хорошие слова, успокаивают: мол, ну, пожилы с привилегиями, проживете и без них, мы-то, мол, жили же!! И это немцы. Но, наверное, и потому, что Бруно «хороший человек», не злоупотреблял своей близостью с Хонеккером и своим положением.

Поехать бы как-нибудь на недельку «в деревню» с Людой!! Как в кино!..

Был вчера такой разговор с Ревенко (руководитель аппарата Президента). Я ему накануне написал записку о своем «аппарате»: женщинах, консультантах, которые вот уже второй месяц сидят друг на друге в 14-метровой комнате, о Брутенце — что он не может быть моим замом и его надо куда-то определить «по типу» Загладина.

²³ Беляев Альберт Андреевич (род. в 1928 г.) — писатель, публицист, критик, литературовед.

Он мне по пунктам ответил... Но существенно для меня следующее: последний пункт был такой — «Как меня самого теперь называть?» То есть с учетом того, что Шаха сделали государственным советником, а я отказался, но обусловил, что не хочу оставаться на уровне Егорова или Ожерельева (Ревенко согласен: я, говорит, даже не знаю, чем они занимаются. Поручение М.С. дает только двоим: вам и Шаху... И я ему, т.е. (Ревенко-Горбачеву) говорю: 18 помощников и советников, а в большинстве случаев не понимаю, что и зачем — я, руководитель аппарата Президента, не знаю, что они делают!). Ну, ладно, продолжает Ревенко: давайте назначим Черняева «специальным помощником по международным вопросам» и еще одного — «помощником специально по проблемам безопасности»... М.С. отмолчался. Ну, вы, говорит Ревенко, лучше меня, наверное, знаете, что означает такая его реакция. Я повторил предложение. Он опять... перевел разговор на другую тему.

Какие выводы? А такие — что были мы, как любят говорить Яковлев и Шахназаров, — «в писарях» (а точнее, если по старо-русски, — в дьяках). В этом качестве мы ему и нужны...

Кстати замечу: Панкин мне нравится решительностью и готовностью «брать на себя»... Например, взял и установил дипломатические отношения с Израилем, будучи в Иерусалиме, не после начала Конференции в Мадриде, «как договаривались», а до?!

Может, мне попроситься послом в Израиль?! Хо-хо. Вот удивится-то М.С.!! Но это будет и «мягкий» вызов... Ответ на его «уважительное» отношение.

Думаю о пенсии. Пора. Время мое тоже прошло... Некоторые мои жанры уже не требуются и в дело не проходят. К тому же и кардиограмма от недели к неделе ухудшается. Готов подать заявление хоть сегодня.

Интересна будет его реакция... Да какая там реакция! Он «занят», ему каждый день надо одерживать победы, хотя бы видимость побед. Это требует колоссальных усилий. Прав автор «психоанализа» в «Культуре».

21 октября 1991 г. Понедельник. Раннее утро.

Заехали с моей итальянской подружкой Бианкой к Карякину. С Бианкой они (Юрка и Ирка) не виделась с 67 года, со второй «их Праги» (работа в журнале «Проблемы мира и социализма»). В новой квартире они три месяца: жилье интеллектуалов!.. Посидели часика три под хороший чай... спиртного не оказалось. И яростно обсуждали путч и людей в нем... У Ирки с Юркой есть подробности, которые стоило запомнить. Кстати, оказалось, М.С.'а. по прибытии из Фороса ждали толпы у Белого дома, с плакатами, возгласами и проч. — до 4-х утра. Он не явился. Но я не помню, чтоб в Форосе перед отъездом или в самолете Силаев или Руцкой сказали ему, что его ждут. Напротив, Руцкой очень беспокоился о его безопасности даже после прилета. В самолете все «допрашивал» — «куда Вы поедете?». М.С. сказал: на дачу... «А небезопасно? Может, на московскую квартиру? Я там на всякий случай тайную охрану выставил!» Но М.С. ответил, что и на даче, наверное, теперь охрана есть... Семья устала,.. не будем разъезжаться по разным местам и т.п.. А оказывается, его ждали и неявка вызвала, говорят, обиду и разочарование... даже

у итальянцев, как свидетельствует Бианка: она тоже сидела ночью у ТВ, там у себя, в Ливорно.

Но потом была уже просто грубая ошибка, — когда он не поехал на «митинг победы» на пл. «Свободной России» на другой день... Занимался вместо этого сочинением Указов о назначении... Моисеева, Шебаршина, разных зам. министров на места проштрафившихся министров — членов Кабинета.

Впрочем, может, они так «договорились» с Ельциным, который не хотел ни с кем хоть каплей делиться победной славой и подставил М.С. под растерзание своего парламента несколько часов спустя.

Карякин допускает, что так и было. Он предупредил о двух вещах: Горбачева люто, животное ненавидит окружение Ельцина во главе с Бурбулисом... На заседании Съезда РСФСР готовится акция (какая, он не знает) против Горбачева КПСС, наверное, объявят преступной организацией.

Читаю письма Пушкина. Это, наверное, впервые живой и вполне современный русский язык (ну, за исключением отдельных выражений и «устаревших» слов). Вся манера такая же, как говорят современные интеллигентные москвичи.

У Розанова я прочел: Толстой — гений, но не умен... Пушкин — и то и другое — большая редкость. Интересно, а как Ленин? Умен, безусловно, а гений оказался «неправ», хотя может быть гениальность определяется по последствиям «в своей сфере»...

2 ноября 1991 г. Суббота. Утро.

С 21.X не писал. Ни о том, что имел с М.С. крупный разговор о своем положении и об аппарате, после того как зам. управляющего делами сообщил мне, что как помощнику (по новой структуре) мне полагается лишь секретарша — и никаких консультантов...

Разговор по селектору с подключением Ревенко... «Он (т.е. я) мне проходу не дает», — заявляет Ревенко, не зная, что я слышу. И это — после вежливых разговоров и похвал в мой адрес в сравнении с другими помощниками.

М.С. ему круто: разберитесь... И резолюция — дать Черняеву всё, что он просит.

Подготовка к Мадриду (конференция по Ближнему Востоку). Речь Горбачева и других прозвучала на открытии Конференции «лучше» Бушевой: американцы толкали меня в бок (Скоукрофт — справа, Сунуну — слева, а потом посол Страус) — и показывали, что «во!»...

Я, было, стал отказываться ехать в Мадрид. М.С. просмотрел составленный мною список... Взглянул, понял, спросил: «Ты что — всерьез не собираешься?» — и вписал в состав делегации (а не сопровождающих!)... Он усек: я не хочу близко общаться с Р.М.

Что было в Мадриде?

Перед началом ближневосточной конференции Горбачев и Буш, сопредседатели конференции, основательно обо всем поговорили в присутствии Бейкера, Скоукрофта, Панкина. И я там был...

М.С. начал с похвалы в адрес обоих: созыв такой конференции — еще один пример эффективного сотрудничества СССР и США в мировой политике.

Для М.С. это особенно важно в момент, когда как он сам сказал Бушу — и у нас, и у вас задаются вопросом: а есть ли Советский Союз и кого представляет Горбачев? Выразил признательность президенту и Бейкеру, администрации США за «взвешенную линию в этом вопросе».

Согласовали тактику поведения каждого и обоих при открытии конференции и потом: действовать так, чтобы стороны (арабы и Израиль) взяли на себя решение вопросов, а не спихивали на сверхдержавы.

М.С., согласившись, что на днях встречался в Москве с президентом Кипра, и назвав его «хорошим человеком» (с чем Буш согласился), передал просьбу киприота — «продемонстрировать (США и СССР) совместную приверженность решению кипрской проблемы». «Нельзя допустить, говорил М.С., чтобы применение силы (турками) принесло плоды. Если все останется по-прежнему, передал он мнение Василиу, то это будет плохим прецедентом». Действительно, откомментировал свою информацию М.С., «в других подобных случаях мы не миримся с применением силы».

На том обсуждение кипрской проблемы и истекло.

Поговорили о Югославии. Констатировали, что ситуация ухудшается. М.С. предложил вернуться к югославскому вопросу в СБ ООН.

Буш реагировал скептически: мол, некоторые члены Совета Безопасности и сотрудники Секретариата ООН считают, что это все-таки внутреннее дело, в которое не хотят вмешивать ООН.

Горбачев согласился: вмешательство недопустимо. «Но все же, если бы ООН заявила о своей позиции, это могло бы иметь определенные последствия».

— ООН уже заявляла о своей позиции, — возразил Буш. — Мы поддерживаем усилия ЕС. Вы беседовали с руководителями Сербии и Хорватии. Вы считаете, это было полезным? — спросил не без ехидства.

— К сожалению, есть разногласия и между членами ЕС. Им нелегко сохранять единство подхода, — вступил в разговор Бейкер. — Некоторые европейцы хотят признать независимость республик. Мы пытались препятствовать этому. Но Германия забежала вперед.

— Я тоже говорил об этом Колю, когда мы встречались под Киевом, — заметил М.С. — Меня эта проблема беспокоит. В конце концов, речь идет не только о Югославии. Как продолжать европейский процесс, если мы не можем найти способ решать подобные вопросы?

— Давайте поддерживать контакт по этому вопросу, — заключил Буш.

Главное, что с нетерпением ждали от Горбачева американский президент и госсекретарь и чем сам он очень хотел с ними поделиться, — это внутренние наши дела. «Сегодня главный вопрос для нас, — начал М.С., — как выйти из кризиса, как ускорить реформы и двигаться вперед по пути политической и экономической свободы, в рамках общего для всех республик рыночного пространства».

Центральный вопрос, разъяснял он им, — государственность. Августовские события подстегнули стремление заявлять о независимости. Но они не изменили ничего в принципе, — к моему удивлению, заявил М.С., — а лишь создали основу для движения к созданию действительно добровольного Союза Суверенных Государств. Попортил дело Ельцин, подняв

территориальный вопрос, вопрос границ. Это усилило сепаратистские тенденции на Украине. Заговорили об имперских притязаниях России.

Трудно было в этих условиях выработать совместное заявление «10+1». Но постепенно процесс пошел. Экономический договор, разработанный под руководством Явлинского, — начало возрождения центра, нового центра. Выразил уверенность, что экономический договор подпишет и Украина.

В республики разослан подготовленный мною с Ельциным проект Союзного договора. Речь идет о создании именно союзного государства, а не какой-то ассоциации или содружества. Это будет государство с едиными вооруженными силами, согласованной внешней политикой, единым рынком. Будет Верховный Совет Союза, президент, Межреспубликанский экономический комитет. Союз будет нести ответственность за единую энергетическую систему, транспорт, связь, экологию, фундаментальные исследования и некоторые другие области. 11 ноября проект будет рассматриваться Государственным Советом, с учетом поправок и замечаний.

К сожалению, продолжал М.С., Ельцин подвергается давлению определенных людей, которые утверждают, что Россия должна сбросить с себя бремя других республик и идти вперед сама. Я разговаривал с Борисом Николаевичем, и он заверил меня, что понимает, к чему это привело бы. Это вызвало бы огромные трудности и у России, это значило бы несколько лет больших потрясений. А для других республик это было бы катастрофой.

— Для других республик? — с некоторым недоумением переспросил Буш.

— Даже в России это вызвало бы, повторяю, серьезные потрясения. И Ельцин понимает это, но, к сожалению, он подвержен влиянию определенного рода людей. Анализируя его вчерашнее выступление, я вижу в нем две стороны, две части. С одной стороны, в ней содержится подтверждение позиции за Союз, с другой, по некоторым конкретным вопросам налицо отход от положений, включенных в проект Союзного договора, над которым мы вместе работали. Есть опрометчивые, хлесткие формулировки насчет государственности. Очевидно, это вызовет реакцию ряда республик.

Но в целом мне сейчас нужно будет поддержать его. Потому что, если пойдут реформы в России, то они пойдут и в других республиках.

— Ключевой вопрос состоит в следующем, — прервал Горбачева Буш. Считаете ли вы, что Россия, Ельцин стремятся захватить Центр? Чего они хотят? Хотят ли они еще более сузить роль Центра, вашу роль? Это затрудняет для нас определение позиций. Нам нелегко разобраться в ситуации.

Горбачев признал, что такие попытки имеют место. Но, он убежден, что Россия нуждается в новом союзном центре. Это единственная законная форма для осуществления ведущей роли России в союзе республик. Они не примут непосредственного руководства со стороны России. Вот почему они выступают за союзный Центр. Большинство из них — за всенародные выборы своих президентов. Мне казалось, что у меня с Ельциным было понимание на этот счет. Но последняя его речь вызывает разочарование. Если он изолирует Россию, разрушит Союз, то это будет иметь разрушительные последствия и для России. Я, — говорил М.С., — сохраняю оптимизм. Продолжаю работать с республиками совместно и по отдельности. И хочу подчеркнуть: сегодня это

фундаментальный, судьбоносный вопрос не только для нас, но и для Запада, для США. Вам предстоит сделать стратегический выбор. Сейчас необходима поддержка продолжению курса реформ, ибо от этого зависит будущее Союза, такого Союза, который, как я убежден, нужен и Соединенным Штатам, и другим странам.

Перейдя на конкретику, М.С. просил решить вопрос о продовольственном кредите в 3,5 млрд. долларов и о платежах по задолженности. Для этого последнего необходима срочная помощь наличными в размере 370 млн. долларов, плюс финансовый кредит от Саудовской Аравии и Южной Кореи (1 млрд.).

Думаю, все мы понимаем, — нажимал М.С., — что поставлено на карту. Что произойдет с Союзом — будет иметь последствия для всего мирового процесса.

В ответ Буш произнес многозначительную речь, которую я постараюсь воспроизвести детально (тем более при записи мне помогало то, что я слышал сказанное сначала по-английски, потом в переводе).

— Я буду с вами предельно откровенен, — начал Буш. — Надеюсь, ты знаешь позицию нашего правительства: мы поддерживаем Центр. Не отказываясь от контактов с республиками, мы выступаем в поддержку Центра и тебя лично. Еще до путча я выступил с речью на Украине, которая стоила мне определенных политических издержек дома. Меня критиковали за то, что я якобы «продал» Украину. Конечно, этого не было. Но я выступил против бездумного национализма.

Мы поддерживали и поддерживаем контакты с Ельциным, с руководителями других республик, но делаем это не за твоей спиной. Я задал свой вопрос потому, что в Конгрессе и в администрации многие удивлены речью Ельцина, не могут понять, что она означает. С этим связан и вопрос о кредитоспособности Советского Союза.

Согласно нашему законодательству я должен удостоверить Конгресс в том, что наши заемщики кредитоспособны. Я не могу обойти требование нашего законодательства. Мы считаем, что можем сейчас пойти вам навстречу по кредитам, хотя и не в полной мере. Но нам необходимо иметь уверенность, что республики полностью понимают свою ответственность. Мы хотим вам помочь, но нам нужны определенные дополнительные гарантии, касающиеся позиций республик.

Горбачев прерывает. Давайте говорить откровенно — 10–15 млрд. долларов — это не такая уж огромная сумма, чтобы мы не смогли ее вернуть. Если сейчас мы с вами просчитаемся, то со временем придется заплатить гораздо более высокую цену. Речь идет не о чем-то обычном, рутинном. Речь идет об огромной стране, которая переживает великие трансформации, и здесь рутинные подходы неприемлемы, и ссылки на Конгресс и экспертов меня не убеждают. Необходимо политическое решение.

Дж. Буш: Я хочу заверить тебя в нашем понимании. Я именно потому еще раз спрашиваю: считаешь ли ты возможным возврат к тоталитарному режиму? Это было бы плохо для всего мира, для США. Ибо это положило бы конец нашему плодотворному сотрудничеству.

— Именно поэтому сейчас необходимы конкретные действия, — подхватил М.С.

— Тем не менее, мне приходится учитывать и общественное мнение у нас, в США. Я не могу спорить с той цифрой потребностей в продовольствии, которую ты назвал. Но мы не можем в полной мере удовлетворить эту просьбу. Сейчас мы можем принять решение лишь о выделении сельскохозяйственного кредита в размере 1,5 млрд. долларов, причем часть его предоставляется сейчас же, а часть — после первого января. Мы надеемся, что это поможет вам пройти период, в ходе которого окончательно определятся отношения между Центром и республиками.

Ты знаешь, как решительно выступил в поддержку Советского Союза министр финансов Брейди на сессии МВФ в Бангкоке, это даже вызвало недовольство других членов «семерки». Если ты сейчас предпочитаешь, чтобы этот вопрос не обсуждался публично, то давай так и сделаем. Полтора миллиарда — это максимум на данный момент. К вопросу о сельскохозяйственном кредите можно было бы вернуться позднее, когда прояснится степень участия республик. Но данная сумма позволяет начать процесс.

Я не хотел бы, чтобы объявление о сумме, которая может показаться недостаточной, вызвало у вас трудности дома. Может быть, лучше ни о чем не объявлять, но это максимум, который мы можем выделить на данный момент. И хотя госсекретарь Бейкер иногда творит чудеса в Конгрессе, мы должны быть реалистами.

После заверений со стороны Горбачева взял слово Бейкер: позвольте сделать заявление общего характера. Я думаю, ты знаешь, что мы поддерживаем и будем стремиться впредь поддерживать ваши усилия по реформированию Советского Союза. Ты знаешь, что мы воздействовали на других доноров, в частности Саудовскую Аравию. Президент фактически пошел на то, что предоставляются непосредственно государственные кредиты США, то есть они гарантируются полностью. Мы считаем сейчас необходимым иметь подписи республик под кредитными документами. Это даст президенту юридическое основание ставить вопрос перед Конгрессом.

В настоящий момент мы можем выделить примерно 1,5 млрд. долларов. 250 млн. — в виде дара по линии продовольственной помощи, которая предоставляется бесплатно. Остальное — кредитные гарантии. Из них 250 млн. — в данный момент и 1 млрд. — через 60 дней. Вот то, что мы сможем сделать сейчас.

Что касается новых проектов по продовольствию, мы будем их осуществлять, но они не дадут быстрого эффекта. Мы понимаем, что наше предложение не полностью покрывает ваши потребности. Но в данных обстоятельствах большего мы не можем сделать.

Тебе я скажу одну вещь, которую не может сказать президент. Ты знаешь, что мы были в контакте с тобой в июне этого года, когда пошли слухи о павловском перевороте. Мы подчеркивали тогда, что заинтересованы в стабильности Советского Союза, в том, чтобы советский народ сам определил свое будущее. И мы считаем, что это значительный аргумент, показывающий,

что мы понимаем необходимость Центра. На прошлой неделе мы получили тревожные сигналы о содержании предстоящей речи Ельцина, в том числе о том, что там будет призыв к ликвидации МИД СССР, заявление о том, что Россия будет защищать русские меньшинства, где бы они ни находились и т. п. Мы обратились к официальным лицам РСФСР и поставили вопрос так: что происходит, почему накануне мирной конференции по урегулированию арабо-израильского конфликта делается такой шаг? Это подорвало бы усилия Советского Союза. Мы выразили надежду, что этого не произойдет. Нас удивило, что в вопросе о меньшинствах не было никакого упоминания хельсинкского процесса. Очевидно, в республиках возникнет сейчас озабоченность, и тебе придется регулировать этот процесс. Мы со своей стороны тоже постараемся что-то сделать, не исключено, что сможем каким-то образом помочь тебе. Нам было бы интересно получить от вас конкретную информацию о том, что является в речи Ельцина отходом от договоренностей, достигнутых при выработке Союзного договора.

— Ельцин звонил мне накануне своего выступления в парламенте России и ничего не сказал о том, что в речи будут спорные положения, — заметил Буш.

— Он говорил только о хорошем, — добавил Бейкер.

— Вы должны учитывать, — пояснил М.С., — руководители республик хотят продемонстрировать, что у них есть контакты с президентом США, хотят разыграть эту карту для удовлетворения своих амбиций. Я думаю, мы сможем выровнять ситуацию, это будет непростая задача. Но именно поэтому я так настойчиво ставлю вопрос о продовольственных кредитах и финансовой поддержке. Сейчас я в этом нуждаюсь.

— Я только просил бы тебя учитывать, что для меня ситуация сейчас иная, чем прежде. Я, конечно, буду говорить с нашим представителем в «семерке», — подвел итог Буш.

Горбачев поднял в конце вопрос об односторонней инициативе Буша и сокращению вооружений. Буш поинтересовался: получил ли Горбачев его письмо на этот счет. Да, — ответил М.С., и «считаю его очень конструктивным

и полезным». Сообщил, что подготовлена встречная инициатива, одобренная Государственным советом, и передал американцам ее содержание:²⁴

Потом была совместная пресс-конференция. Буш старался не показать разность весовых категорий, а М.С. — не из тех, кто «позволил» бы... Держался как ни в чем не бывало... Но «реалистично»... И в общем на этот раз выступал на пресс-конференциях и в интервью удачно.

Шамир!! Встреча с ним — событие!

Ужин у Короля(+Буш и Гонсалес). До сих пор не может М.С. опомниться от впечатлений: они возмущались речью Ельцина на Съезде в Кремле... и давали понять, что без Горбачева им трудно представить себе то, что раньше называлось «Советский Союз».

²⁴ — Сняты с боевого дежурства 503 МБР, оснащенных в общей сложности 1154 боеголовками.

— Выведены из боевого состава 6 ПЛАРБ, 92 ПУ БРПЛ.

— Сняты с боевого дежурства все тяжелые бомбардировщики.

— Поставлены в места постоянного размещения все 36 ПУ МБР железнодорожного базирования.

— Прекращены программы разработки мобильной малогабаритной МБР, модифицированной ядерной ракеты малой дальности для советских ТБ, модернизации МБР для железнодорожных ракетных комплексов.

— Скорректирован график сокращения СНВ до суммарного уровня ядерных боезарядов в 5000 единиц (вместо 6000 ед. по Договору).

— Начат вывод из мест постоянного размещения ядерных боеприпасов атомной артиллерии, ядерных боеголовок тактических ракет наземного базирования, ядерных фугасов и ядерных боеголовок зенитных ракет.

— Снимается тактическое ядерное оружие с кораблей и многоцелевых подводных лодок, а также авиации ВМФ наземного базирования для размещения в местах централизованного хранения. Как и в США, вывод ТЯО с флота займет у нас примерно 8–9 месяцев.

— Установлены следующие сроки завершения ликвидации: ТЯО ВМФ — 1995 год, ядерные боеголовки зенитных ракет — 1996 год, ядерные мины — 1998 год, ядерные боеголовки тактических ракет и ядерные артснаряды — 2000год. Следует отметить, что масштабы соответствующих работ у нас превосходят американские.

— Объявлен мораторий на один год (с 5 октября с. Г.) на проведение ядерных испытаний.

— Разработан график сокращения численности ВС СССР на 700 тыс. Человек в течение 5 лет.

— Приступили к созданию специальной координационной комиссии с участием ведомств и республик (РСФСР, Украина, Казахстан и Беларусь) для наблюдения за выполнением программы односторонних мер и разработки позиций для переговоров и консультаций.

Программа одобрена Государственным Советом. — *А. Ч.*

30-го — встреча с Гонсалесом. Страстные и разумные речи... Вот бы нашим украинцам и «Козыревым» послушать...

Потом — на несколько часов в сопровождении наследного принца — Барселона: олимпийские сооружения, дом Пабло Пикассо. Оттуда — во Францию.

Поездка в Лаче (30 октября) — президентский хуторок Франсуа Миттерана в Пиренеях. Событие замечательное во многих отношениях. По прошествии недели я заглянул в свои записи и вижу, что там много смахивает на, если не завещание, то напутствие политическим потомкам. И обязан что сумею воспроизвести.

Перелет из Барселоны был кратким. С аэродрома ехали по красивейшим местам предгорьев. Кстати, мимо Биорицца, где бывал 20 лет назад, во время первого своего посещения Франции... На вечерней встрече, устроенной тогда для нас пятерых — советских местной ячейкой компартии, пришлось произносить экспромтную речь по-французски, чему удивился сам и удивил своих коллег. Очень был, помню, собой доволен. Не узнал я города издали: теперь он больше смахивает на индустриальный центр, а тогда был курортный тихий городок.

Машины свернули с шоссе в лес. Пошла узенькая дорога, сначала асфальтированная, потом (так показалось) просто грунтовая — для деревенских телег. Ветки кустов хлестали по стеклам машины. Минут через 10–15 выехали на полянку. Огородная ограда из слег, какая бывает в наших небогатых деревеньках вокруг изб. Три хатки — иначе я их назвать не могу: под соломой, приземистые, с маленькими окошечками. Сыро вокруг, сумеречно, зелено, прохладно, ходят козы и куры. Возле «хат» развесистые деревья.

Нас было всего несколько с Горбачевым: Раиса Максимовна, Андрей Грачев, я, переводчик и охрана. Остальные, сопровождавшие его на Мадридскую конференцию, улетели в Москву прямо из Испании или оставлены были по пути в Лаче в районном городке Сустоне.

Миттеран вышел навстречу. Поводил по своим «владениям», с явным удовольствием рассказывая, откуда у него такой семейный хутор, основанный аж в 1793 году и купленный им у крестьянина 28 лет назад. Он предпочитает его трем другим «соответствующим» его рангу загородным резиденциям. «Иногда, — говорит, — туда выезжал (я обратил внимание на прошедшее время глагола) для приема иностранных гостей. Может, мои преемники будут более активно использовать эти официальные резиденции. Пока же их персонал не знает, чем заняться».

Раису Максимовну увела мадам. Президенты, два помощника и переводчик уединились в хате — шале, олицетворяющем кабинет. Мягкие диваны и кресла. Несколько книжных полок. Камин.

Протокольные шутки. Миттеран объяснил, как он представляет себе «программу» их общения. Предупредил, что утром Горбачева с Раисой разбудят петухи. (Я потом заходил в комнатку, которую им отвели на ночлег, — очень напоминало мне закуток в деревенских избах, где в детстве «на даче» проводил я свои летние каникулы).

Пошел разговор. Дальше буду цитировать свои пометки.

Горбачев стал рассказывать о Мадридской конференции, поздравил Миттерана как одного из ее инициаторов. Ф.М. (далее для краткости буду их обозначать инициалами) прервал, посожалев, что она состоялась не по формуле, которую он предлагал: пять постоянных членов СБ ООН под эгидой ООН. Тогда были бы поставлены вопросы «по сути дела» (оккупированные территории, израильские поселения, западный берег р. Иордан, сектор Газа, деление Иерусалима...). Это не произошло из-за «слишком тесных связей» между Израилем и США. Шамир не хочет участия европейцев, потому что они поддерживают отношения с ООП (организация освобождения Палестины). И получилось, что конференция ограничилась лишь вопросом процедуры (дальнейших переговоров)... Но и это уже хорошо. Тот факт, что есть место, где противники могут говорить — а они, кстати, обожают поговорить, и те, и другие, — это уже достижение, — заключил Ф.М.

М.С. говорил о трудностях подготовки. До последнего момента не было уверенности, явятся ли палестинцы. Говорил, как условились с Бушем и Бейкером «давить» на Шамира, как он сам на встрече с израильским премьером уламывал его «занимать конструктивную позицию».

М.С. «поделился»: ему понравился разговор с Шамиром в Мадриде, откровенный и доброжелательный. Правильно, что он озабочен поставками оружия на Ближний Восток, просил, чтоб СССР прекратил их, на что М.С. возразил: тогда пусть и США это сделают, с чем Шамир согласился. Понравилось М.С.'у, что израильтянин не ограничился темой конференции, а заговорил о крупных региональных проблемах: энергетике, пресной воде, экологической опасности и рассчитывает в этом на связи с СССР.

Итоговое впечатление М.С. от Шамира: он хочет править бал во всем этом процессе. «Но так не получится».

Ф.М. выразил готовность помогать «процессу», если с Францией будут консультироваться. Но он скорее пессимист: «мы имеем дело с фанатизмом, с фанатизмом с обеих сторон, а его трудно урезонить».

— Там два вида фанатизма, — откомментировал М.С.

— Нет, это один сорт. Тем более, что и темперамент у них похожий, — возразил француз и ... попросил Горбачева рассказать, что происходит у него «дома».

У нас сейчас самый критический этап, — говорил М.С.. Он наступил раньше, чем рассчитывали. Были готовы программы движения к рынку, к новому Союзу, проект реформирования партии. Потому я и не покидал пост Генерального секретаря: нельзя было бросать эту силу в том ее состоянии. Но августовский путч все сломал. Разорвал механизмы власти. Путч внес сумятицу в политический процесс.

Так что, с одной стороны, мы имели победу демократии, а с другой — усугубление всех противоречий.

После путча усилился сепаратизм. Определенные силы воспользовались им, чтобы еще больше подорвать внутренние связи в стране.

Многое зависит от России. Удалось с помощью Государственного Совета снять некоторое напряжение, в том числе вокруг Ельцина. И это позволило выйти на подписание экономического соглашения. Сейчас проблема выхода на

Союзный договор. С Ельциным договорились. Вместе готовили проект. Но у него очень сложное окружение. Ему подкидывают и то, и другое, затрудняют выбор. Преобладают те возле него, кто считает, что Россия должна все сбросить с себя — бремя бывших союзных республик.

В позиции Ельцина столько условий выхода на Союзный договор. А нужен переговорный процесс, не ультиматумы. Таким путем проблем не решить. Да, Ельцин выступает за решительность в проведении реформ, и в основном это идет в русле того, что я предлагаю. Но нельзя действовать невзирая на другие республики. Это — не политика. Нельзя провоцировать отторжение. 75 миллионов живут у нас за пределами своих национальных республик. Разделение труда такое, что все зависят друг от друга. Это касается не только экономики и экологии, тут — и наука, и культура, и человеческие отношения.

В контексте мировой ситуации я вопрос ставлю так: в чем заинтересован Запад, в чем заинтересован окружающий мир? В том, чтобы Союз остался. Реформированный, демократический, динамичный, экономически здоровый, — то есть совсем новый, но — Союз.

— Что я об этом думаю, — начал отвечать Ф.М. — Вы уже осуществили решающие действия — уничтожили систему, которая давно не работала. И второе ваше действие — это стремление решить проблему Союз — республики. Сложилось определенное умонастроение, которое создает центробежную тенденцию. Извне ее поощряют. Позиция же Франции состоит в том, чтобы не поддаваться конъюнктурным обстоятельствам. Я рассуждаю совершенно холодно: в интересах Франции — чтобы на Востоке Европы существовала целостная сила. Если будет распад, если вернемся к тому, что было у вас до Петра Великого, это — историческая катастрофа и это противоречит интересам Франции.

Вековая история учит нас тому, что для Франции необходим союзник, чтобы можно было обеспечивать европейский баланс. Любой распад целостности на Востоке несет нестабильность. Вот почему мы не хотим и не будем поощрять сепаратистские амбиции.

И еще. Мы большие друзья сегодняшних немцев. Но очень опасно, если на севере от Германии и на востоке от Германии было бы мягкое подбрюшье. Потому что всегда у немцев будет тенденция, соблазн проникнуть на этих направлениях.

— И не потребуются применения военной силы. Это будет экономическая империя со всеми вытекающими последствиями, — добавил М.С.

— Что мы можем получить? — продолжал Миттеран. — Вокруг Германии ряд небольших государств, а дальше — вакуум. Это опасно. Я из тех, кто желает иметь в вашем лице сильного партнера — новый Союз.

Если дело пойдет так, то мои отдаленные преемники должны будут установить прочные отношения с Россией, ибо это — самое мощное, что останется от старого Союза. Но до этого мы все можем оказаться в стадии анархии. Я за то, чтобы за 2–3 года ваша страна восстановилась на федеративно-демократической основе. Это наилучший выход для всей остальной Европы.

Вы, господин Горбачев, руководствуетесь соображениями патриота своей страны. Я в данном случае исхожу из констатации исторической логики в развитии нашего континента.

— Очень важно то, что вы говорите, — откликнулся М.С. — И важно, что к таким же выводам пришел Гонсалес, с которым я вчера много говорил. Он употреблял почти те же выражения.

Вижу свой долг в том, чтобы через Союзный договор выйти на новый Союз. И я хотел бы рассчитывать, что на Западе, руководствуясь своими реальными интересами, действовали бы так, чтобы поддержать меня. А я вижу, что кто-то присматривается, как воспользоваться нашим распадом.

— Франция не будет способствовать центробежным силам. И я думаю, — заявил Ф.М., на таких же позициях стоят все старые европейские страны с долгой историей, у которых древние традиции и глубокий европейский опыт. Я имею в виду Англию, Испанию, Португалию.

— У нас должны знать позицию главных действующих лиц мировой политики по этому ключевому вопросу, — реагировал М.С. — ...Вчера вечером испанский король устроил ужин для меня и Буша. Присутствовал Гонсалес. Он там яростно отстаивал точку зрения, похожую на то, что вы мне сейчас говорили, даже несколько забыв о протоколе и о том, что присутствует король.

Все они в один голос выражали удивление некоторыми пассажами в выступлении Ельцина на Съезде народных депутатов России. Особенно по поводу того, что МИД надо сократить в 10 раз, это значит — поставить под вопрос саму необходимость механизма для проведения общей, союзной внешней политики. Президент Буш на пресс-конференции, еще до ужина у короля, занял очень строгую позицию и очень ясно высказался в поддержку союзной политики.

— Это очень хорошо, — сказал Ф.М. — Я помню, в апреле прошлого года мы встречались с Бушем в Майями и зашел разговор о прибалтийской проблеме. Я ему сказал тогда: да, прибалтийские страны должны стать независимыми. Это принципиальная позиция. Но не надо торопиться с их признанием. Надо дать Горбачеву время для конституционных преобразований. Надо все делать последовательно и постепенно, а не наоборот. Буш поддержал этот подход, хотя ему было очень трудно, потому что и Конгресс, и общественность требовали немедленного признания прибалтийских государств. Так что Буш хорошо понимает ситуацию.

Буш — за демократический Союз, за включение его экономики в мировую. Но он прислушивается к общественному мнению и осторожничает, а ему со всех сторон нашептывают, дают информацию: мол, не проиграй, у тебя на носу выборы. Я ему все время говорю: новый Союз на востоке Европы — это проблема, которую должно рассматривать по большому счету, а не в рамках конъюнктуры. Сохранение Союза — это жизненная проблема для Европы. Кажется, здесь я нахожу у него понимание. Но Буш несколько нерешителен, осторожничает.

— Я Бушу неоднократно говорил, — включился М.С., — что ситуация неординарная и действовать нужно не рутинным способом, а с учетом

уникальности процесса. Думаю, что я нахожу понимание у него. Он все-таки решился на предоставление большого кредита под продовольствие.

— Я понимаю: отказать вам в существенной помощи сейчас — это значит сделать очень хрупким весь процесс реформирования Союза.

— Если, — резюмировал М.С., — это наша общая задача — иметь новый Союз как крупнейший оплот демократии и мира, то надо не мелочиться. Тем более, что речь идет не о подачке. Все будет возвращено. Но мы нуждаемся в помощи именно сейчас, именно в данный момент.

Потом был перерыв. В соседнем домике раскинули свою аппаратуру телевизионщики. М.С. и Ф.М. отправились туда давать совместное интервью. Я не пошел: там было просто негде приткнуться так, чтоб не мешать. Заглядывал иногда в окошечко — как они уютно там рядышком сидели в низких креслицах, два великих европейца конца страшного века, такие разные и такие понятные друг другу.

Бродил по заросшим тропинкам, в полной темноте: два фонаря возле домиков слабо просматривались сквозь густую зелень.

Вторая беседа проходила за вечерним обедом в другом шале, которое служило спальней и гостиной. Состав уже «расширенный»: Раиса Максимовна и Даниэль, ее сестра, младший сын Миттеранов, мы с Горбачевым, Пьер Морель — помощник Ф.М.

Протискивались, извиняясь друг перед другом, рассаживаясь за круглым столом в комнатке метров 14 квадратных. Совсем — по-деревенски. Делать пометки в блокноте я, естественно, не мог, сидя за обедом рядом с французским президентом. Воспроизвел я разговор уже в самолете. Не все, наверное, запомнил и не во всем буду буквален. Тем не менее, за смысл ручаюсь. Речь пошла о судьбах Европы — в контексте югославского кризиса и распада в СССР. Миттеран произносил целые речи. Горячо подхватил мнение М.С. о том, что плохую услугу Европе оказали те, кто извне поддержал центробежные силы в Югославии.

— Сепаратизм существовал там всегда, — в своей размеренной и внушительной манере говорил Ф.М. — Но немцы сразу же выступили за признание независимости Словении и Хорватии. Я же еще с июня был против независимости этих республик. Моему примеру последовало и большинство других государств — членов ЕС. Не то, чтобы я отрицательно относился к самой идее независимости. Просто я исходил из того, что независимость должна провозглашаться при соблюдении международных договоренностей, в частности, положений Заключительного акта Хельсинки, а также Парижской хартии для новой Европы (ноябрь 1990 г.). По моему убеждению, другой вариант — провозглашение независимости под давлением националистических сил — вряд ли можно приветствовать.

Ясно, почему немцы придерживаются иной позиции. Дело в том, что Словения и Хорватия в свое время входили в состав австро-венгерской империи. Помимо немецкого влияния, они испытывали на себе воздействие римской католической церкви, Ватикана.

Я как-то обсуждал югославскую тематику с Мэйджором. Он спросил меня, что будет дальше. Я ему ответил: Хорватия, видимо, обратится за помощью к вооруженным силам Германии, Австрии, Венгрии и Турции. Сербия, в свою очередь, аналогичную просьбу адресует Великобритании, России и Франции. Наши вооруженные силы окажутся таким образом в Югославии, и возникнет ситуация, как в начале Первой мировой войны в 1914 году. Мэйджор был явно удивлен. Он заявил, что никуда своих солдат отправлять не будет. Не знаю, принял ли он всерьез мое заявление... Мы не должны воссоздавать условия соперничества, как в начале века. Такой вариант означал бы большую драму для Европы.

Так что сама жизнь подводит страны ЕС к созданию политического союза. От истории никуда не уйти.

... Вы, конечно, знаете, — перебрал Ф.М. мысль в другую сторону, — что американцы испытывают соблазн расширить функции НАТО, превратить ее скорее в политический, нежели военный союз. Я на этот счет придерживаюсь иной точки зрения. Мне думается, что НАТО и впредь должна сохранять верность тем основам, на которых была создана. Если бы Североатлантический альянс был наделен функциями, в принципе относящимися к ведению СБСЕ или ЕС, было бы очень плохо. Общеввропейский процесс стал во многом возможен благодаря согласованным действиям СССР и Франции. Вы, конечно же, помните, что Франция была практически единственной страной, поддерживающей ваши инициативы в области общеевропейского сотрудничества. Наше взаимодействие дало хороший результат. Так давайте же не будем допускать ликвидацию плодов нашего сотрудничества. Если мы дадим НАТО чрезмерные полномочия, то государства, не являющиеся членами НАТО, почувствуют себя не в своей тарелке. Упадет также роль Парижской хартии для новой Европы.

Откликаясь на реплику М.С. о европейской роли США, Миттеран продолжал свое устное эссе: Европа — это также и Америка. Такое положение будет еще сохраняться какое-то время. Согласен, что США будут продолжать играть важную роль. Это всего навсего признание существующих реальностей. Однако в будущем Европа должна быть в самой Европе. При этом важно, чтобы преобразования в Советском Союзе способствовали политико-экономическому сближению Запада и Востока и созданию того, что вы называете общеевропейским домом.

— Многое здесь зависит от того, как Америка видит себе будущую объединенную Европу и как она видит Японию, — вступил в разговор М.С. — Это две головные боли американцев, особенно, если речь идет о Европе от Атлантики до Урала. Это ведь огромное пространство с почти 600 млн. жителями, с огромным научно-техническим, экономическим и интеллектуальным потенциалом. Именно здесь мы должны искать ответы на главные вопросы мировой политики. Здесь же и ответ на позиции разных стран в связи с переменами в Советском Союзе, в том числе — объяснение коррективам, которые наблюдаются в европейской политике ФРГ. Я имею в виду то, что выявилось в недавнем заявлении Бейкера-Геншера. Отсюда и поддержка Германией идеи новой роли НАТО, о чем вы говорите. Не

исключено, что на этом пути немцы рассчитывают усилить воздействие на европейские дела, получить свободу рук в отношении Венгрии, Австрии, Чехословакии и дальше на Восток.

...Мой взгляд таков, и с ним связаны мои оценки на будущее. Есть две опоры. Это европейские сообщества, которые обзаводятся системой политических институтов. Это также союз суверенных государств на основе прежнего СССР. Есть также взаимодействие между ними в рамках, определенных документами общеевропейского процесса и соглашениями в области разоружения. В такую концепцию вписываются роль и присутствие в Европе США и Канады. Но это должна быть европейская политика, а не американская политика в отношении Европы.

— Конечно, было бы важно опираться на обе эти опоры, — поддержал идею Ф.М.

— Но одна из опор уже создана. А что касается другой опоры, то неизвестно, что с ней все-таки происходит. Если бы жители всех ваших республик (а это почти 300 млн.) были бы Горбачевыми, то вопрос был бы решен.

— Хорошо, — засмеялся М.С., — я так понимаю свою задачу: мне надо будет укреплять вторую опору.

— Но и мы того же желаем, — весело заверил его Ф.М. — Заметили вы, что в своем выступлении перед телекамерами только что я высказывался в пользу сильного, сплоченного, укрепленного федеративными узами Союза? Это было бы очень важно не только для ваших соотечественников, но также и для интересов Франции и Европы в целом. Франция никогда, ни при каких условиях не будет поощрять разрушение Союза. При Сталине такая позиция была сопряжена с определенными проблемами. Но даже и тогда во времена де Голля и Сталина, Франция и СССР были союзниками. Тем более это важно сейчас, когда ваша страна становится поистине демократической.

Повторяю, я убежден, что Европа сформируется. Вся наша политика нацелена на то, чтобы содействовать как можно скорее достижению этой цели. Если это произойдет не так быстро, как хотелось бы, то возникнет ситуация, последствия которой Европа будет ощущать на себе целые века.

Потом были веселое «кофе и коньяк» в соседней комнате, где присест места всем уже не хватило. Говорилось о чем попало. Не замолкал Горбачев. Миттеран, сидя в большом кресле, изредка «останавливал» беспорядочный разговор значительными репликами... со своей благожелательно-снисходительной улыбкой на усталом лице.

Ночевать мы с Андреем Грачевым уехали в Сустон, в туристскую гостиницу, где остановились остальные из команды Горбачева. Утром вернулись вдвоем же в Лаче. Был еще деловой завтрак. Тема — срочная финансовая и продовольственная помощь СССР. Участвовала молодая дама, прелестная Анна Лавержон (эксперт по этим делам, она же «шерп»), только что прилетевшая на доклад президенту из Москвы.

Вот вроде все об этой, мне кажется, весьма знаменательной встрече двух президентов.

3 ноября 1991 г. Воскресенье.

Эти дни, наверное, наконец-то все-таки решающие. Проснувшийся и проспавшийся, как следует попивший в отпуску Ельцин показал себя в полном объеме. И этого следовало ожидать... Только М.С. не ожидал... все думал, на уговорах и «хорошем отношении» можно его «канализировать», как он любит выражаться.

Доклад Ельцина на Съезде РСФСР — это, конечно, прорыв. к новой стране, к иному обществу. Хотя все идеи и все замыслы выхода именно «к этому» заложены в «философии» горбачевской перестройки. Но сам он не сумел вовремя порвать со своими привычками, хотя и не раз признавался: «все мы из прошлого»... Но увы! Не у всех хватило силы порвать с ним до конца, а главное — вовремя!

Ельцин, порвав, окружил себя людьми разных мотиваций — карьеристами, нахалами, прохвостами, искренними демократами, даже интеллигентами, умелыми администралами, новыми хозяйственниками и старыми тоже, но перестроившимися — и сумел их употребить на разрыв с эпохой 1917 года окончательно.

Его доклад это: грудь в крестах или голова в кустах. Но в России всегда так делалось. М.С. дальше Мирабо не пошел. Этот выйдет в Наполеоны, перешагнув через дантонизм, робеспьеризм, барассизм и даже «бешеных»...

Он бросил народу надежду... Это признак харизмы, при всей примитивности его как личности... Как личность — он посредственность и серость, но как «вождь» в данной конкретной ситуации — он то, что в России легко находит отклик.

И ставка — на Россию. Опять и опять повторяю: историческая ошибка Горбачева — что он, повязанный психологией «интернационализма», не понял роли России. Сочувствую ему сейчас по-человечески, но... Он — инстинктивно понимает, что не только бессмысленно противопоставлять себя сейчас Ельцину, но и с точки зрения интересов страны — нельзя. У него нет альтернативы... Ни Явлинский, ни Госсовет, ни МЭЖ — не альтернатива.

Выход — в иррационализме русской консолидации, в сплывающем людях отчаянии.

Когда раньше Москва оказывалась без хлеба и молока — люди орали на Горбачева. В эти дни нет совсем почти ни того, ни другого — люди сплываються вокруг Ельцина... и Попова!

Ельцин заявил: МИД сократить в 10 раз! Почему в 10, а не в 2, в 5, в 20? Не важно... Смысл — ликвидировать это дорогое центральное ведомство, последнюю опору реальной деятельности Горбачева... И Козырев, «создав» своих коллег из республик на совещание, открытым текстом говорит: нет Союза, нет Президента. Ему оставляем протокольные функции. Ельцин еще весной сказал, что «оставим Горбачеву вот столечко, хотя он хочет вот столько! (показывает рукам)... Его место — как у Британской королевы». И Ельцин достиг теперь и этой цели.

На Смоленской²⁵ паника: кто торопится на поклон к Козыреву, кто — в СП (совместные предприятия.), кто на демонстрации протеста... И т.д.

Ягодин (министр образования) звонит: Лазарев (Минфин РСФСР) закрыл счета для вузов союзного подчинения (МГУ, Бауманский, Менделеевский, Педагогический, МАИ, МЭИ и т.п.!) — сотни тысяч студентов не получили за октябрь стипендии! Будет, мол, «Тяньаньмынь»... Говорю об этом М.С... Не знаю, что он предпримет. Я это к тому — какие уже тут действия! Вроде провокация... Но вроде и «логично»!

Явлинский сообщает, что с 4 ноября Внешэкономбанк объявит себя банкротом: ему нечем оплачивать «пребывание» за границей наших посольств, торгпредств и прочих представителей: домой не на чем будет вернуться... М.С. поручает мне писать Мэйджору, сейчас координатору «семерки»: «Дорогой Джон! Спасай!»..

Завтра Госсовет, будет опять толковище о Союзном договоре и о судьбе МИДа — т.е. «общей внешней политики». Написал М.С.'у тезисы — по МИД'овскому вопросу. Что-то будет? Да ничего не будет в пользу М.С., даже если разойдутся миром. Ельцин на съезде получил авторитарные полномочия. Он обещал народу: летом будет улучшение. И он пойдет напролом, не оглядываясь ни на Кравчуков, ни на Назарбаевых..., а Горбачева будет терпеть пока на обочине. Он ему уже не помеха. Но поскольку Горбачева «уважают» на Западе и в некоторых кругах порядочных, совестливых интеллигентов, -зачем его обижать так уж! Пусть себе суетится... в тех переделах, сколько Ельцин даст на это из своего бюджета.

Даже, думаю, завтра он опять отмолчится на Госсовете с ухмылкой: мол, играйте в свои игры... Они уже никого не интересуют! Даже 100000 союзных чиновников, теряющих работу, ничего уже от Госсовета и Горбачева не ждут!

Между прочим, Бейкер Павлу Палажченко в Мадриде на ухо, уже на лестнице пробросил: берите полтора миллиарда — живые деньги, берите, пока не передумали. Мало? Но больше не можем. М.С. рассказал об этом встречающим во Внуково (Силаев, Яковлев и т.д.). И ничего! Даже Московский (директор Мосгорбанка) с Геращенко не знают об этом, и не потянулись за ними сразу, хотя уже 4-го ноября грозит банкротство, а письмо Мэйджору поручено написать мне. То есть мы даже не можем действовать по принципу «спасение утопающих — дело рук самих утопающих», хотя нам уже брошен, хотя и маленький, но спасательный круг.

Беда М.С., что он не создал аппарат взамен политбюровскому, болдинский ориентирован работать совсем иначе... Он все думал приспособить партаппарат для новой своей власти. Но есть законы революций!

Вечером: телефонный перезвон М.С. с Колем о МИДе, о Госсовете, о сыне Коля, который попал в катастрофу, о полутора млрд. долларов и «SOS» Мэйджору. Попытки связаться с Явлинским, но так и не нашли его «в гостях»; то же — с Московским и Носко: наши банкиры не торопятся спасти страну, — кто-то другой, мол, позаботится... Словом, нервотрепка у телефона. А потом с Митькой слушали Моцарта на лазерной пластинке.

²⁵ Площадь, где находится Министерство иностранных дел. — А. Ч.

Вышла книга «Августовский путч»... Перечел вчера статью, написанную там, в «Заре»... Исторически она должна бы (если кто будет читать!) заинтересовать больше, чем написанное о самом путче и его последствиях: это уже съедено, «проехали»... в ельцинскую эпоху!

5 ноября 1991 г. Вторник.

Сегодня у Горбачева был Престон. Подписали соглашение о вступлении в МБРР... вроде — от «Союза», который все газеты и другие СМИ у нас называют уже «бывшим»,.. в то время как главы иностранных государств поздравляют «СССР» с 74-й годовщиной Великой Октябрьской Социалистической революции!

Вчера был Госсовет. Взволнованная вводная речь Горбачева «о текущем, тяжелейшем моменте», но главы суверенных государств (бывших союзных республик) отказались ее обсуждать... Он их настойчиво призывал к обмену мнениями и к «совместной работе»... Отмалчивались... А Ельцин, опоздавший на 15 минут, грубо потребовал «идти по повестке дня».

Повестка дня включала вопрос об исполнении Экономического соглашения, по которому ничего не делается... Меморандум о внешних долгах, на который М.С. всем ссылался в Мадриде и в Латче, оказался подписанным лишь наполовину... Муталибов и Каримов заявили, что не они должны платить, а им еще Центр должен заплатить... И как Явлинский их ни призывал не следовать большевикам 1917 года, заявившим, что царь брал долги, пусть и платит, — не вняли...

Упразднено около 80-ти союзных министерств. Около 50000 чиновников в одной только Москве к 15 ноября — на улице.

Герашенко сегодня закрыл счета (вслед за студентами и профессорами университетов) государственным чиновникам. Я, например, сегодня зарплаты уже не получил.

Горбачеву на закрытой части Госсовета удалось отстоять МИД (не в 10 раз сократить, по Ельцину, а на 1/3), МВД и единые Вооруженные силы. По МИДу, наверное, подействовала его информация о позиции Буша, Гонсалеса, Миттерана.

Сегодня в этом же духе я дал сообщение в ТАСС о «желании Запада» иметь дело с Союзом и об ужасе перед требованием упразднить МИД.

Сегодня мы (я, Игнатенко, Грачев) уговорили, наконец, М.С. дать интервью Би-Би-Си Маше Слоним — к серии «Вторая русская революция». Он был великолепен. Говорил 1,5 часа... Ярок, определен, красноречив, глубок, искренен, не сорвался ни в языке, ни в оценках — даже Лигачева и Ельцина. Поразительно. Мы потом его очень хвалили и даже выпили за это джину.

Но сразу после этого Трубин (генеральный прокурор)²⁶ сообщил ему, что какой-то юрист из бывшего КГБ²⁷ возбудил против него уголовное дело по

²⁶ Трубин Николай Семенович (род. в 1931 г.) — юрист. В 1990–1992 гг. занимал пост Генерального прокурора СССР, а затем — Российской Федерации.

²⁷ Позже выяснилось, что это тот самый Илюхин, который стал подручным Зюганова, депутатом российской Госдумы. — А. Ч.

статье 64 — за измену Родине: отторжение территорий (Латвия, Литва, Эстония). Он весь растерянный хватался за трубку, хотел звонить — одному, другому: остановить «Правду», где это собрались печатать, запретить, рассыпать набор, предупредить... Словом, — из него лез Генсек: как осмелились! Не будь нас втроем рядом — быть беде... Мы — в один голос: это же сюжет для раздела «рога и копыта» в юмористическом журнале. Он успокоился, поехал лечить зубы.

8 ноября 1991 г.

Второй день «праздника»... Вчера утром «в насмешку» по ТВ показали «7 ноября на Красной площади в 1980 году» — Брежнев, Устинов, Суслов, Пономарев... И... Горбачев... На 2-ом плане! Издевательство: ужасаешься тому, что мы в этом жили... Но жили же! -и горько! Был на «42-ом», по случаю 70-летия Юры Плама²⁸. Там — родственники его из Калининграда, которые органично живут с литовцами и прекрасно себя в их среде чувствуют, «ставят даже в пример» их образ жизни. Сожалеют что Литве не дали независимость два года назад..

Написал письмо Бушу от М.С., которое повезет Яковлев: с лекциями и во главе «группы по стратегической стабильности». Пытался закончить письмом-инструкцию для наших послов в странах «большой семерки», чтоб они не очень якшались с посланцами наших суверенных новогосударств, чтоб «не мешали делать новый Союз». Но плохо получается. Да и уверен, что никуда это не пойдет.

9 ноября 1991 г. Суббота.

Утро перед работой.

В странном полусне я провел ночь. Только в нем я проникся тем, что услышал по ТВ вчера в программе на 9 часов: Ельцин ввел чрезвычайное положение в Чечне, назначил Бурбулиса своим первым замом в правительстве России, Кравчук заявил, что Центр окончательно себя исчерпал и ни о каком политическом Союзе речи быть не может. Украина будет самостоятельной. Выразил уверенность, что на референдуме 85% проголосуют за это!.. Ну и т.д.

Что это означает? Что Россия взяла курс по Бурбулису: единая неделимая и без всяких этих, которые самостоятельными хотят быть — сбросить их бремя! Что править будут в России железной рукой... во имя демократии и рынка. И что Украина уйдет... А за Крым... + Севастополь, может быть, Донбасс и Одессу... им придется иметь дело с Бурбулисом... И придется хохлам хвост поджечь!

Плюс казачество... Вчера же по ТВ показали их «всесоюзный» слет в Ставрополе! — Поклялись служить России, как века назад...

А в Санкт-Петербурге побывал наследник престола: это, конечно, «цирк». Но и с помощью таких вот приемчиков приучают к «новой жизни»... на фоне того, что гроб с телом Ленина уже предложили из-за границы купить за 14 млн.

²⁸ Плам Юрий Яковлевич (1921–1994) — филолог, научный сотрудник Института языкознания АН СССР.

долл. И ахнули только старухи. Православие нагло шагает по мозгам — глупым, невежественным, угрюмым и отчаявшимся.

А Горбачев в полном офсайде... Не нужен ни для чего... хотя он и старается изо всех сил получить продовольствие и кредиты от своих западных «партнеров»... Но в той разрухе, какая пошла, эту каплю в океане никто не почувствует и уж во всяком случае не поставят ему в заслугу...

Но почему сон — ночь?... Потому что я вдруг остро почувствовал, что все это касается меня лично... Я остаюсь нужен только Горбачеву, который сам уже никому не нужен.

И поэтому надо скорее жить... Читал вчера одновременно «Истоки» Алданова, «Жизнь Арсеньева» Бунина... и перечитывал его же — «Окаянные дни»...

Разобраться надо с женщинами... Где игра — и стоит ли продолжать, а где единственная опора жизни, смысл ее...

10 ноября 1991 г. Воскресенье.

Вчера М.С. вызвал: текущие дела. Прихожу — он на телефонах: Баранников²⁹, Шапошников, Бакатин... Договаривается не накапливать и не пускать в ход войска в Чечне,.. т.е. блокировать исполнение указа Ельцина о чрезвычайном положении. В перерывах между звонками кроет матом Б.Н.'а...: «Что делает, что делает! Это же — сотни убитых, если началось бы! Мне сообщают, что губернатор, которого он назначил туда (Исламов), отказался выполнять свою роль... Парламент (антидудаевский) — тоже. Все фракции и группировки, которые там дискутировали, дрались между собой, объединились против «русских». Боевики уже собирают женщин и детей, чтоб пустить их впереди себя при подходе войск! Идиоты!». Баранников, Бакатин, Шапошников полностью «за» позицию Горбачева... Предлагают варианты, как не допустить стычки...

Говорит мне: «Только что разговаривал с Б.Н... через несколько секунд понял, что говорить бесполезно: вдребадан, не вяжет». При мне звонит Хасбулатову, тот требует «навести порядок!» М.С. ему: не дергайся. Я, мол, хотел собраться сейчас всем, кому положено, но Б.Н. «не в себе», завтра в 10 соберемся.

Звонит Руцкой, бурно что-то доказывает. М.С. отнял от уха трубку и читает бумаги на столе. Минут 10 так «слушал!» Потом говорит: Александр, успокойся, ты не на фронте — обложить со стороны гор, окружить, блокировать, чтоб ни один чеченец не прополз, Дудаева арестовать, этих изолировать. Ты что? Не сечешь, чем это кончится?.. У меня вот информация — что никто в Чечне указа Ельцина не поддерживает. Все объединились против вас, не сходи с ума». Руцкой опять долго бурно говорит. М.С.'у надоедает: «Ладно, пока». Кладет трубку. Мне (про Руцкого): хороший, честный парень... Но до политики таких близко нельзя подпускать.

Пришел Яковлев. Пересели за круглый стол, за кофе. Стал рассказывать о своем «ставропольском» опыте общения с кавказцами.. Рефреном: «Идиоты. Что же это за политика! Хотят власть показать, проучить Татарию и башкир... Получат почище Карабаха». Поговорили о Бурбулисе, который теперь будет определять российскую политику.

М.С.: «Меня вот что беспокоит. Кажется, окружение сознательно спаивает Ельцина. И мы можем нарваться на очень серьезный оборот дела... Они сделают из него слепое орудие»...

Потом М.С. «правил» написанное мною письмо Бушу, которое должен повезти Яковлев... Вычеркивал мои «ради дипломатии» хвалы и комплименты в адрес Яковлева. Тот ухмылялся: я, мол, принес вам то, что Анатолий написал, ни слова не добавил. Вычеркнул и элегантно критику республиканских лидеров, которые — я написал — еще «только учатся международной ответственности».

²⁹ Баранников Виктор Павлович (1940–1995) — В 1990 г. назначен первым заместителем, а затем министром внутренних дел РСФСР. С 23 августа 1991 г. — министр внутренних дел СССР.

Сказал, что во вторник соберет помощников и советников. Всех расставит по местам. Сказал, что («чтоб выделить») назначит меня «специальным помощником»...

Вроде уговорил его сделать Брутенца советником и забрать от меня. Пусть будет — à la Загладин, но по Востоку.

Уговорили его пойти на презентацию книги «Августовский путч» (12.X1). Пофантазировал, что он там скажет.

Между прочим, когда речь зашла о советниках... и о Медведеве, он пробросил: мол, вижу, что не тянет, но по-товарищески не могу я его отстранять. Все-таки вместе начинали: ты, вот он (показывает на меня и Яковлева) и Вадим тоже (Бакатин)... Надо вместе додержаться. Вообще он опять выглядел «нужным стране»... Ляп Ельцина с чрезвычайкой для Чечни «вдохновил» его, хотя сказал нам: буду его спасать, нельзя, чтоб это дело ударило по его авторитету.

Пробросил фразу, из которой я понял, что Силаев не останется руководителем МЭК (Межреспубликанский экономический комитет)... Наверное, Ельцин, который его убрал от себя, против! Мне еще в Мадриде Лукин шепнул: как можно, чтоб фактически союзное правительство возглавлял человек, отторгнутый Россией... Значит: М.С. его «бросит», хотя Силаев «в России» работал на Горбачева. Вот так у нас и получается: еще один факт «предательства» и ухода группы (за Силаевым есть люди) в оппозицию к М.С... по чисто моральным соображениям.

Шел долго до Кремля. Зашел в кабинет — и сразу бумаги и звонки.

11 ноября 1991 г. Понедельник.

Российский парламент не только отменил указ Ельцина по Чечне, но и назначил комиссию для расследования, — как этот указ мог появиться.

Удар или щелчок? Думаю, однако, щелчок: для российской толпы Чечня — пустяк, до лампочки... Она (в отношении Ельцина) еще подождет — как будет насчет цен, хлеба и молока!!

М.С.'у так и не удалось вчера провести совещание по Чечне с его, Ельцина, участием! Пил до и все «праздники». Впрочем, Панкин сегодня был у него: получил одобрение проекта «Министерства внешних сношений».

Толя Ковалев ходил с проектом на консультацию к Шеварднадзе.

В «Новом времени» статья о том, что Бейкер еще 20 июня в Берлине сообщил Бессмертных о заговоре и тот — известил М.С. В связи со статьей пошел слух — что бумажечку с этим известием Черняев спрятал в ящик...

Анализ — домысел... в серьезном журнале! До чего ж примитивны эти наши демократическо-сенсационные аналитики, как поверхностно берут в духе Агата Кристи. А дело-то и проще, и психологичнее... Не было заговора... Было намерение и расчет на то, что Горбачева можно будет втянуть... Был сговор за 3–4 дня до 18 августа, не дальше. И как только М.С. «дал отлуп», — все посыпалось. ГКЧП по природе своей, по своему составу изначально не способно было сыграть в Пиночета!! Было «старое мышление» и убежденность, что все «нормальные» должны так думать. Нормальных у нас в самом деле —

десятки миллионов по всей стране. Они действительно готовы были послушно пойти и за ГКЧП... Но... такие дела, делаются сотнями, а не миллионами...

Был у М.С. Ваттани (помощник Андреотти), рассказывал о сессии НАТО в Риме 7–8 числа. Действительно, фиксация политики «новой эпохи». Так это и оценил М.С... Только составные этой эпохи не те, что он полагает... Тут он диаметрально расходился с натовцами во главе с Бушем. У них исчез противник... А с точки зрения М.С., у них появился новый партнер, столь же (в перспективе) мощный.

М.С. после встречи с губернаторами США сорвался в Колонный зал на 170-летие Достоевского, где доклад делает Карякин. Юрка и меня звал... Мне и хотелось... и нет. Публика «мешала». М.С. туда пошел: это — «по линии» Фонда культуры, т.е. Р.М.

13 ноября 1991 г. Среда.

Вчера — презентация «Августовского путча». В пресс-центре МИД'а было полно: дипломаты, деятели, журналисты.

Выступал он хорошо. Вопросы были достойные. Отвечал находчиво. А главное: казалось бы, — большое политическое событие, Горбачев говорит свое мнение о самых важных сейчас вещах: судьба Союза, новая структура общества, новые слои, их взаимодействие, свобода крестьянину, что ждет сепаратистов. Но...вернулся к себе... и узнаю, что Егор Яковлев (ТВ) распорядился дать во «Времени» обо всем этом 2–3 минуты. Ищу Яковлева, дозваниваюсь до его шофера в машине. Тот говорит: Егор Владимирович заезжал в Дом кино, теперь уехал на «частной машине» — куда, не знаю, велел сказать, чтоб «не искал и до утра».

М.С. названивает: как меня подают?.. Мы с Грачевым добрались до Лазуткина (зам. Яковлева по ТВ). Уговариваем его дать... после «Времени»... Он это делает...

А утром узнаю, что взбешенный «нарушением приказа» Яковлев потребовал отставки Лазуткина. Звоню в машину к М.С... Он приглашает к себе Яковлева... Час беседуют. Когда Егор выходил, я видел его в приемной: «довольный», значит М.С. опять «достиг компромисса».

Мы с Грачевым + Игнатенко обзваниваем газеты, чтоб они опубликовали выступление Горбачева на презентации книги. Результат: «Известия» дала только его ответ по Чечене-Ингушетии. И то для того, чтоб натравить на него Ельцина... И ни одна другая газета даже не упомянула о событии, о том, что президент говорил, оценивая положение в стране.

Накануне утром он собрал помощников и советников. Редко бывает. Распределил роли. Речь зашла и об информационной блокаде Президента. И свелось к тому, что М.С. раздраженно заявил: ельцинское окружение «бегает» по микрофонам, а вы сидите по кабинетам, привыкшие, как в ЦК — что все, что «от нас исходит», печатается без разговоров!

Демонстрация бессилия... Хотя он все время себя допингует апелляцией к истории, которая «возьмет свое».

Завтра Госсовет... И боюсь, как бы там не нанесли «последний» удар, тем более, что в Верховном Совете обнаружили финансовую панаму. Госаппарату

нечем платить зарплату. 30 млрд., которые М.С. запросил, можно сделать только на печатном станке.

Союзный договор, который будет на повестке дня в Ново-Огареве -не пройдет. Прочел я новый вариант! Но Кравчук вообще не приедет... и никто не приедет с Украины. Ревенко каждого из президентов долго упрашивал явиться... и к вечеру еще было не ясно, явятся ли! Все это выглядит горбачевской арьергардной затеей...

14 ноября 1991 г. Четверг.

Сегодня «Правда» опубликовала второй опус Большакова с разоблачением г-на Черняева по поводу пассажа о Миттеране в «Августовском путче» Горбачева... С прямым подлогом: даны две фотокопии, наложенные косо одна на другую. На одной роспись Горбачева «А.С. Черняеву»... это на статье (виден текст!) и подпись относится к 15 августа, до путча... На другой воспроизведена фраза о Миттеране... Визуальное впечатление, что подпись авторизует текст из книги, в то время как она относится совсем к другому. Нравы! Товарищи советуют не ввязываться: не трогаешь — не воняет!

Были звонки по вертушке: «Читали «Правду»? Во! врезали вам».. «Хорошо вас стукнули, а?», «Не то еще будет!»... И бросали трубку... Это — по правительственным телефонам! Народец!

Весь день сегодня готовил завтрашнюю встречу М.С. с мининдел Индии Соланки. Призывы Куценкова включил, переделывал мидовскую и брутенцевскую заготовки.

Встречался с Хьюиттом — специальным помощником Буша. Виделись раньше, но познакомились и поговорили впервые. Все о том же — о судьбе Союза, о намерениях Горбачева, о национализме республик, о вооруженных силах и ядерном оружии!

15 ноября 1991 г. Пятница.

Сегодня с утра Соланки у М.С. Скучный серый человек. М.С. ему объяснил ситуацию, призвал к терпению... и беречь накопленный при Радживе Ганди капитал отношений.

Потом тот пошел к Ельцину, который министра наставлял: не связывайтесь с Союзом, у него ничего нет, а у меня все — и нефть, и машины, и оружие на экспорт. И у вас возьму, что России нужно. Заключайте с нами политический союз и — все у нас с вами будет хорошо... Нет? Не хотите? Ну и гуляйте со своим Горбачевым!

И это — после Ново-Огарево, после договоренности о «конфедеративном демократическом государстве».

С утра Андрей Грачев мне «художественно» изобразил, как и что было в Ново-Огарево... («Ванька на деревне»...). А потом сам М.С. рассказывал еще более выразительно и красочно... со своими жестами, выраженьицами... Надо это воспроизвести... Сейчас — слишком устал.

17 ноября 1991 г. Воскресенье.

Ново-Огарево.

М.С. задержал нас с Андреем у себя в комнате и, стоя за своим столом, стал рассказывать, что там было. Ельцин начал с пошлого скандала — еще до начала заседания: вот вы вчера на презентации книги опять напали на Россию, на ее президента. Я ему: откуда ты взял, наоборот, защищал тебя.

Е.: Мне рассказали. Опять вы начинаете конфронтацию... А без России вам все равно никуда.

М.С.: Да опомнись, все наоборот. Андрей, покажи ему стенограмму.

У Андрея под рукой ее не было, послал в Москву машину... Потом, уже на обеде, М.С. показал Ельцину. Тот поглядел, отвел газету на расстояние руки, вроде как полюбовался: «Ну, это совсем другое дело!» (речь шла о месте, где М.С. говорил о Чечне).

М.С. продолжал:

— Я для себя решил — как на кон поставил — добиться главного: государство или что-то неопределенное, аморфное — и тогда уйду! В проекте Союзного договора эта тема еще в преамбуле... И началось... Каждый предлагал какие-то «гибкие» термины... Ельцин (со слов своих Бурбулисов): «Союз с некоторыми государственными функциями»...

Я ему: Что это такое?

Е: А вот такое — чтоб не было Центра.

М.С.: Я тоже против старого Центра, но я требую, чтобы было государство, т.е. нечто с властными функциями.

Исчерпал всю свою аргументацию... Никто в общем из руководства республик, даже Назарбаев, активно не поддерживал. А спорили мы в основном с Ельциным.

Присутствовавшие Кудрявцев (академик)³⁰ и В.Ф. Яковлев³¹ (не А.Н., другой советник президента по праву) — предложили вставить слово «конфедеративный».

Е: Ну и что! Где конфедерация, там и федерация и опять к Центру!.. Не пойдет.

Кудрявцев: Но это же демократическое образование!

Е: Ну, раз демократия, тогда можно...

М.С.: Давайте и назовем: «конфедеративное демократическое государство»...

Посудачили... согласились, на это потребовалось почти 4 часа — все время до обеда.

Андрей откомментировал поведение Ельцина так: Это, знаете, как большой Ванька на деревне. Ну, Вань, ну, давай, это же тебе ничего, тебе же на пользу...»А я не хочу, не хочу и все, мне это не подходит!» Ну, Вань, подумай, все тебя просим, смотри вон -люди глядят, ждут, от тебя зависит! «А я не хочу». Да ты подумай, ну проспирься, сам пожалеешь, что не соглашался. Ну,

³⁰ Кудрявцев Владимир Николаевич (род. в 1923 г.) — юрист. Академик АН СССР. Вице-президент Академии наук.

³¹ Яковлев Вениамин Федорович (род. в 1932 г.) — юрист. В конце 1991 г. — Государственный Советник по правовой политике при Президенте СССР — руководитель юридической службы Аппарата Президента СССР.

перебрал немного... Завтра-то все яснее будет. «Ладно. Согласен. Только смотрите у меня!»...

М.С.: Дальше речь пошла о властных структурах. О президенте. Я им говорю: должен избираться народом. Все один за одним: как же так? Ведь в каждом из наших государств будет президент, зачем еще? Ведь тогда двоевластие...

Я им: Не двоевластие, а четкое разделение полномочий и полное распоряжение делегированными правами и обязанностями.

Они: Ладно, только пусть президента назначают парламенты (или выбирают) суверенных государств.

Я им: Нет... Куклой, свадебным генералом или чтоб каждый ноги обтирал о президента — на это я не пойду. И дело не во мне. Кто бы ни был, раз договариваемся о государстве — субъекте международных отношений, с едиными вооруженными силами, с согласованной внешней политикой, с общим рынком, финансовой системой и т.д. — должен быть полномочный и властный глава государства, который имеет мандат от народа.

Уломал в конце концов: избирается президент гражданами суверенных государств — членов Союза, а гражданство тройное («автономий», суверенных государств и союзное)... Это — чтоб человек на всем пространстве чувствовал себя одинаково полноправным — одно для всех «союзное» гражданство. Выборы — «по закону», т.е. суверенные государства могут их проводить по-разному, возможно, — через выборщиков. Но все равно — мандат от самих граждан, а не от парламентов или каких-нибудь других властей.

Ельцин бросил реплику: это хорошо — через выборщиков, как в Америке! М.С. на это заметил: Не знает, что ли, что в США президент ого-го!

Потом в этом же духе — пошло-поехало: каким должен быть общий парламент. Ельцин настаивал — чтоб однопалатный — из делегаций от парламентов государств. Я, говорил нам М.С., круто выступил против. Ибо это опять превратило бы президента в марионетку. Ельцин сопротивлялся, но я его купил: говорю — тогда так, ведь, Борис, получится, — от Туркменистана 50 депутатов, и от России — 50!!

— Что?! — взревел Ельцин.

— Ну, а как же, раз ты за такой парламент, тогда так... И знаете, М.С. смеется, при всех я это сказал, при Ниязове. (Будущий президент Туркменистана — «Туркмен-баши».) И быстро договорились: другая палата избирается всеми гражданами.

С положением о Министерстве внешних сношений, МВД, Министерстве обороны и о единых Вооруженных силах справились без скандалов.

Но уткнулись в бюджет — в запрос М.С. о 30 млрд. на квартал до конца года. Тут опять Ельцин начал Ваньку валять. «Не дам печатный станок — и все. И так деньги ничего не стоят»... На ковер вызвали Геращенко и других финансовых экспертов. Один за одним Ельцину разъясняли, что государство, какое-никакое, ни дня не может существовать без денег. А денег в Госбанке нет. Ведь... что-то от государственных органов остается: армия остается, Академия наук остается... Зарплату люди должны получать, а студенты — стипендию...

— Не дам и все!.. — реагировал Ельцин.

Препирались два часа... В том числе уговаривали не разгонять завтра (15.XI — срок) Министерство финансов, потому что некому будет даже распределять деньги, если их дадут.

— Ну ладно! До первого декабря пусть еще поживут! — благодетельствовал Ельцин.

Финал. Никто не хотел участвовать в пресс-конференции: Вы, мол, Михаил Сергеевич, и скажите все, о чем договорились. Нет уж, возражал Горбачев, давайте вместе, если действительно договорились...

Пошли все к выходу. Но никакой уверенности, что они завернут к толпе журналистов, не было. Однако Андрей выстроил эту толпу так, что увильнуть было некуда. Удалось только одному — Муталибову. Остальные вынуждены были сказать, что «Союз будет».

Впрочем, на другой день Ельцин заявил, что не удовлетворен Ново-Огаревым: «Пришлось пойти на большие компромиссы, чем следовало бы».

А журналу «Цайт» перед своей поездкой в ФРГ — сказал: я все проблемы практически могу решить без Горбачева!

М.С. мне «жаловался» на этот счет по телефону позавчера вечером, уже после интервью «Штерну». Я успокаивал его. Поговорили о «падении нравов в политике». С перестройкой М.С. начал поднимать этическую планку в политической деятельности (честность, доверие, правда, о чем договорились — свято и т.д.). А теперь все вновь вразнос, но уже под прикрытием демократии, плюрализма и гласности. И зараза эта пошла в международные отношения, где М.С. создал атмосферу доверия и верности слову. А теперь — и Буш, и Миттеран, и Коль... «под давлением *real politik* — изменяют ему, изменяют своим заверениям в поддержке его политики, быстро переориентируются на новые «реальные» центры власти — Россию, Украину, даже Узбекистан...

Проверкой в этом отношении будет поведение Коля с Ельциным, который туда едет 21 ноября.

19 ноября 1991 г. Вторник.

Вчера ланч у Брейтвейтов — в Британском посольстве. Все разговоры — о нас: что-то будет после Госсовета 14 ноября? Россия — Ельцин — Украина... Долги — «шерпы»: они семеро как раз здесь сейчас... Предвидел ли М.С., что так получится с КПСС? Когда он понял, что с ней ему не по пути?..

Но — держится посол со мной, хотя это едва заметно, уже иначе — менее почтительно: я уже не представляю сверхдержавы и всемирно-авторитетного Горбачева.

Сегодня — посол Блех... Перед визитом в Германию Ельцина... Обо многом я ему наговорил... Но, между прочим, и сказал (конфиденциально), сославшись на М.С.: для вашего канцлера это будет проверкой верности его дружбе с Горбачевым, собственным его заявлениям о поддержке политики Горбачева и целостности Союза,.. хотя сам М.С. поддерживает политику Ельцина, не видит ей альтернативы и честно спасал его в казусе с Чечней!

О Хонеккере... Ельцин готов его запродать за марки или что-то в этом роде... Но, если М.С. его вам выдаст, его осудят даже самые отъявленные антикоммунисты, хотя Хонеккера у нас никогда никто не любил.

Сегодня М.С. подписал распоряжение о назначении меня «специальным помощником по международным вопросам». Это — в компенсацию за мой отказ стать государственным советником.

Сегодня эпопея с назначением Шеварднадзе министром, а Панкина — послом в Лондон. Звонит М.С.: Соедини срочно с Мэйджором (я подумал — чтоб надавить на «семерку» шерпов в Москве)... Мэйджора никак не найдут... Звонит: дай мне твоего Брейтвейта... Отвечают: он обедает — святое дело для англичанина! М.С. матерится. Наконец, находят Мэйджора. Оказывается, речь идет об агремане (тот час же!) для Панкина. Тот обещает, вопреки всем дипломатическим канонам, сделать немедленно. Только вот поговорю, мол, с Королевой. Через час позвонил мне Брейтвейт и сообщил: Ее Величество согласна!

Все это происходило в присутствии Шеварднадзе и Панкина, которые оба сидели в кабинете М.С.... Панкину он предложил госсответника по международным вопросам при себе, членом Политического Консультативного Комитета. Тот — с каменным лицом и своей выдвинутой челюстью — попросил вернуть его на посольскую работу.

М.С. в его присутствии очень хвалил его в трубку Мэйджору: мой друг, замечательный человек, так много успевший за три месяца.

В чем же дело? На Госсовете, когда утверждали Министерство внешних сношений, договорились о Шеварднадзе... Не думаю, чтоб инициатива принадлежала Ельцину... (ельцинский Козырев — мальчишка рядом с Э.А., а с Панкиным он мог бы и на равных). Это скорее всего нужно было республикам: чтоб у их министерств был патрон — фигура, а не «случайно выскочивший вверх»... А Горбачеву это нужно, тем более: раз Э.А. соглашается — это сигнал, что союзные структуры жизнеспособны и у «согласованной» общей внешней политики есть будущее. Перед Западом сейчас — очень кстати...

21 ноября 1991 г.

Ровно три месяца от вызволения из «Зари». Как давно это было!

М.С. после вчерашнего очередного неудачного выступления в Верховном Совете по бюджету, над чем сегодня откровенно издеваются газеты («НГ», «Российская газета»), уехал в Иркутск...

Но поговорим о нем.

Вот с легкостью расстался с Панкиным: «реальполитик!» Вернул Э.А., который до самого последнего дня в прессу давал унижающие Горбачева оценки и, конечно, — возвышающие его самого. В свое время он отпихнул Яковлева (ради Лигачева и Рыжкова...) — ради «реальполитик». Из-за нее он держался за Лигачева до последнего, действовал страх потерять одну из казавшихся незыблемой опор — КПСС. Между тем, если б он не тянул с 6-ой статьей Конституции и сразу после ее отмены ушел бы с генсекства, партия бы раскололась. Но была бы сохранена наиболее умная и прогрессивная ее часть — для него самого, для перестройки. А так он не только всю ее потерял, но и сделал своим лютым врагом.

Вот Коль тоже делает реальполитик с Ельциным. Но этика, которую М.С. ввел в мировую политику, это тоже реальность. Без нее не было бы доверия, а без доверия ничего бы не было, в том числе и объединения Германии.

Пока что не видно, чтоб до канцлера это дошло — через Блеха или по собственному разумению. Посмотрим — позвонит ли он Горбачеву. Буш это делал. Если нет — скурвился.

И дело не в том, что надо вертеться по обстановке, такая планида политика, дело в том, что взгляд чуть подальше — это тоже умение учитывать реальность.

Я не верю, что Союз в том виде, в каком его хочет вот сейчас М.С., жизнеспособен. И, наверное, завтра не состоится парафирование. Не говоря уже о том, что Кравчук вчера во всеуслышание заявил, что никогда не подпишет никакого Союзного договора. А народ наш уже пустил хохму: одна ушанка (треух) + 5 тубетеек — новый Союз. Смешно, а — правда... Но в дальнейшем, в дальнейшем... Пойдем ведь по европейскому пути — по пути Общего рынка.

Однако, возможен и вариант ухода мусульманских республик в мусульманский мир на Юг. Но тогда в Казахстане — война. Казаки уже готовятся. И на Украине — война: Крым... Нельзя его отдать, это позор для национального самосознания России. А оно — единственно «идейная» опора российской политики. Иначе народ не выдержит экономической реформы.

Но вернемся к Горбачеву. По навязанной ему логике (М.С. это осознал и поэтому взял Э.А.) надо быстро и заметно смещаться во внешнюю сферу... превращаться в Вайцеккера, в Коссигу, даже в «испанского короля» с армией (очень сокращенной и профессиональной, хотя он мало пригоден, чтоб пользоваться почтением у военных, у офицерства -не по-человечески, а в кастовом отношении)... И еще дальше -в фигуру из бывших: Жискара, Шмидт, Киссинджер, Вэнс, Тэтчер... Хотя у нас это не принято. Но пусть он проложит дорожку. Римский клуб ему предлагает почетное членство, даже пост почетного председателя. Почему бы нет?!

Если поездка в Иркутск (на военные заводы и гарнизон) шаг в направлении армии, то это правильных ход... Но надо быстрее, надо не допустить, чтоб Ельцин взял русскую армию в свои руки. М.С. пусть станет ее патроном, включая казачество... Он оттуда ведь, хотя и «иногородний».

А мне при этом что? Я обещал быть с ним до конца. Он мне это предложил, когда я дважды намекал о пенсии. В связи с Форосом (и моим телевизионным интервью — из-за Р.М) кошка пробежала, холодок появился, но вроде исчез... Сопrotивлялся очень Ревенко — чтоб сделать меня «специальным помощником по международным вопросам», но все-таки М.С. пошел на это...

И — дослужу. А что, собственное, остается-то?

Но вот в субботу приходит ко мне Беликов — из редакции «Красной площади», создаваемой (уже в течение года) президентской газеты. Наконец она начнет вроде выходить, хотя средств и спонсоров нет. Предлагает, чтоб я открыл № 1 либо статьей о Горбачеве, либо дал интервью. Думаю, откажусь...

Не боюсь апологетики: он заслужил как фигура историческая для XX века... Но на фоне навала психо-фрейдистской (например, в «Культуре» проф.

Белкина³²), публикаций и просто желто-красной портретистской литературы о нем я буду выглядеть жалко, как прислуживающий чиновник, если не скажу все или почти всего того, что знаю и думаю о нем.

Нет уж! Вот уйду на пенсию, тогда посмотрим... И то — для посмертных записок...

Покончила собой на днях Юлия Друнина³³. Значит, на кого-то шок нашей жизни действует так, что предпочитают хлопнуть дверью. Или... крах всей прошлой социалистической духовности? Может быть, и не «соц» -а ведь и в 30-е годы, и в войне, и после — в 80-е — были же и просто жизнь, были страсти, боренья, помыслы, был «образ жизни»... Все рухнуло. А взамен (пока что??!) — ведь совсем ничего, даже полок, наполненных товарами.

Поэтому и Горбачев сейчас в глазах народа — потеря всякой надежды.

23 ноября 1991 г. Суббота.

Вчера, пока М.С. в Сибири и Киргизстане, готовил ему интервью для Киодо Цюсин, платформу для разговора с Яничеком, приветствие к 70-летию Дубчека, материал для встречи с испанскими парламентариями, к встрече с Вилаети (Иран) — обычная служба. И в общем в дни его отсутствия — не погулял, как рассчитывал...

На телевидении Горбачева подают саркастически... Поведение его изображают как судороги — чтоб удержаться на посту... Это особенно так выглядело — на фоне Ельцина в Германии, где Коль обнимался с ним так же, как совсем недавно с Горбачевым.

Интересно: позвонит ли Коль своему другу в Москву... по итогам Ельцина. «До» визита — он не позвонил. Лишь Блех ко мне пришел, да и то по собственной инициативе.

24 ноября 1991 г. Воскресенье. Вечер.

Ждал вызова от М.С. Не последовало до полпервого... Будет ли завтра Госсовет с парафированием, на что перед всем миром ангажировался М.С. — неизвестно. И что он будет делать, если сорвется.. еще раз заявлять, что уйдет?!

Сейчас... в 11 часов вечера «Вести» передали интервью М.С. — во Внуково. Прилетел вчера из Кыргызстана. Оценки визита Ельцина в Германию: считает нормальным... И не надо, мол, противопоставлять Россию — крупнейшее государство (!) — обычно он называл и ее и др. республиками, — цементирующее эту огромную (помолчал) организацию (вместо слова Союз!). И опять: не надо противопоставлять. Есть общие интересы... И общая политика (опять!) — а не 12 и 8 внешних политик (это я ему «подбросил», взяв из какой-то газеты).. И он то и дело апеллирует к этому «образу». Грустный, усталый... в этой своей пирожком шапке. С печальными глазами.

Послать бы ему всех...!!

³² Белкин Арон Исаакович (1927–2003) — исследователь транссексуализма. В 1991 г. — Главный редактор «Российского психоаналитического вестника»

³³ Друнина Юлия Владимировна (1925–1991) — поэтесса. Участница Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Наверное, мало чего привез он из Сибири и Киргизии...
Завтра посмотрим...

25 ноября 1991 г. Понедельник.

Как и следовало ожидать, парафирование Союзного договора в Ново-Огареве не состоялось. Что выдано Горбачевым журналистам по ТВ — известно. Он — хоть и срывался — делал хорошую мину при очень плохой игре. Мне он только что — уже домой — по телефону сказал: «Было тяжелее, чем 14-го, изнурительная борьба, я их высек, я ушел от них»...

Я ему: «Но у Вас по ТВ мелькнула была фраза, что они ощущают необходимость кончать маневрировать... Страна больше не может терпеть...

Он: — Это я хотел бы, чтоб они это, наконец, ощутили.

Я: А кто главный? (саботажник)...

Он: Главный он и есть (т.е. Ельцин).

М.С. перед ТВ пытался представить коллективное коммюнике о передаче проекта в Верховные Советы республик как форму парафирования... Но это даже по терминологии (смыслу слова) не одно и то же.

Уверен, что парламенты завалят проект... в лучшем случае отложат на «неопределенное время»...

М.С. — перед выбором: осуществлять угрозу («уйду!») или еще тянуть (на посмешище всем). Это не просто поражение. Это — хуже: еще одно унижение по самому главному вопросу, на котором еще остается знак его власти, — о государственности.

26 ноября 1991 г. Вторник.

Подробности Ново-Огарево.

Закоперщиком срыва был Ельцин. Принес кучу замечаний по проекту Союзного договора.

М.С. ему говорит: как же так, мы же прошлый раз все согласовали? А до этого — это наш с тобой проект был.

Б.Н. Мало ли что... Время идет. В группах, в комитетах ВС... обсуждали, говорят, такой проект не пройдет... Главный вопрос опять: не государство, а просто Союз... Или «конфедеративный Союз».

М.С. бросился опять доказывать. Его поддержал только казах — вице у Назарбаева, доктор, юрист, который и применил метафору из Маяковского — «облако в штанах». Остальные стали жаться... Почти все, кроме Акаева, которому было неловко возражать: ведь М.С. только что был у него «в гостях».

М.С. окончательно завелся. И спустя почти 3 часа сказал им: Как хотите. Я ухожу. Оставайтесь здесь без меня. И решайте. Как решите, так и будет.

И ушел в свой кабинет.

Спустя час, к нему явилась «депутация»: Ельцин и Шушкевич.

Б.Н., воротя морду, чуть не отплеываясь (слова Грачева), произносит: Вот пришли на поклон к князю, к хану...

М.С. ему: Брось, царь Борис. Давай по делу...

Вернулся к ним... И договорились о совместном заявлении, которое М.С. перед журналистами приравнял к парафированию.

Потом встал вопрос: как Ельцин будет осуществлять свою экономическую программу. Коллеги из республик уговаривали его — полегче, мол, ставишь нас в ужасное положение. Он им: мы и так опоздали, 16 декабря ввожу свободные цены.

М.С. реагировал вяло... Только предупреждал о социальном взрыве.

Явлинский в докладе после реверансов насчет смелости Ельцина сказал: самый главный вопрос — что вы все будете делать после февраля, когда народ выйдет на улицы. До февраля идет инерционное «развитие» гибнущей старой системы. Но этого хватит только до конца февраля. Потом крах. Вы готовы к этому? Вы думаете об этом? Ответа ни от кого не последовало.

А вечером М.С., собрав помощников и советников, поставил задачу: думать, что будем делать!

Вчера я долго разговаривал с Яковлевым. Он вернулся из США... Пришел, сидели часа два друг против друга. Все перебрали... И главный наш вывод: нравится нам или нет, альтернативы самостоятельному прорывному ходу России нет. Горбачевские усилия спасти Союз — безнадежные судороги.

И в общем-то все бы ничего, если б не Украина, не Крым, который невозможно отдать.

27 ноября 1991 г. Среда.

Встреча М.С. с японскими бизнесменами. Деловой разговор... Они знают о нашей промышленности больше, чем мы сами. Однако собираются с нами «работать».

М.С. для мира все-таки остается мировым лидером... И надо «сместиться» ему в своей президентской роли именно в эту сторону. Заняться мировыми и «духовно»-этическими делами современного мира... А на «свое» (российское) посматривать отстранено, и время от времени предупреждать «об опасностях».

В этом духе я и провел совещание со своими консультантами: сказал речь, обменялись и договорились, что они составят проект этого image'a с таким «смещением».

Красноречивый и не очень ясный, бурный Ермонский, деловой и осторожный Гусенков, активный и много знающий Палажченко, натужный Ковалев (сын), спокойный и скептический Вебер, очень научнообразно самоуверенный, но, кажется, в самом деле «подготовленный» Кувалдин.

28 ноября 1991 г. Четверг.

М.С. сегодня встречался с Эрнстом Неизвестным. Это — «моя работа»... По закону парности — в № 10 «Вопросов философии» его статья...

Состав: Ю.Карякин, Андрей Грачев, Игнатенко и я.

М.С. открылся до предела... Будто в братском застолье. И политически кое-что сказал впервые... Назвал себя диссидентом с 1953 года. Эрнст с Юркой ввалились ко мне за три часа до встречи. И Эрнст был у меня интереснее, чем у М.С. Посмотрим, как отзовется эта встреча, которую зафиксировали десятки корреспондентов и ТВ-операторов. Говорят, Эрнст по выходе от М.С. был «с достоинством сдержан» без эйфории (сам я не слышал)... Хотя даже для меня

самораскрытие М.С. показалось необычным... А как для «постороннего»? Ведь перед ним «человек века», перевернувший мир!

М.С.: Если ты (мне) напишешь обращение к парламентам, тогда, может, что получится.

Спровоцировал с Андреем «реплику» в адрес «Белого дома» по поводу обещания США дипломатически признать Украину после референдума 1 декабря... МИД вновь оказался несостоятельным. (Э.А. + Петровский).

29 ноября 1991 г. Пятница.

День замечателен во многих отношениях.

Утром я дал интервью News week — к обзорной статье к концу года — главным образом о мотивах действий М.С. с марта 1985 года по сейчас... Об его «идейной» эволюции... Бил по мифам и примитивам, которые мне Фрэд Коллман подкидывал... хотя умный и осведомленный.

ВС СССР завалил чрезвычайный бюджет на конец года и Госбанк закрыл все платежи: армии, чиновникам, нам грешным. Остаемся без зарплаты.

Отправил М.С. «разработку» с рекомендацией сменить свою роль в сторону международную и защиты культуры... представлять свой мировой престиж внутри и тем держаться, не уповая ни на Союзный договор, ни на решения Съезда, его избравшего и подтверждавшего избрание после путча, ни на Конституцию СССР!!

Написал ему проект обращения к парламентариям — чтоб ратифицировали Союзный договор — хотя сам не верю в это... Слова, однако, подобрал!

Эрнсту сказал, что разочарован его интервью: от него требуется поддержать М.С. «в этой ситуации». Он нуждается в этом. Ответил: Что ты, Толя, я не проститутка, я благодарен тебе, что ты меня с ним свел, а ему за то, что он был так открыт и искренен.

Вот и все!

Ельцин перевел в свою «юрисдикцию» и взял на свой кошт МВС (Министерство внешних сношений)... Петровский мне жаловался. Я ему «возразил»: у вас теперь есть Шеварднадзе, пусть он и «скажет» Ельцину!

То же, кажется, грозит и Минобороны....

А что делать? У России есть пока чем платить, а у М.С. нет ничего!

«Известия» сделала втык помощникам, зачем они от имени президента «обидели» Буша, который хочет дипломатически признать Украину. Риторический вопрос задает газета: «Кто это из помощников подсказал такое?» Подсказал Грачев, а я поддержал и сочинил сам текст.

Совести у Голембиовского тоже уже нет...³⁴

1 декабря 1991 г. Воскресенье.

Зимой «не пахнет»... Все теперь не так. Вчера рассчитывал иметь спокойный на работе день. С утра занялся переделкой Обращения М.С. к

³⁴ Голембиовский Игорь Несторович (род. в 1935 г.) — журналист. С 1966 сотрудник газеты «Известия», с 1991 по 1997 г. — ее главный редактор.

парламентариям (о ратификации Союзного договора) взамен того, что дал ему в пятницу.

Но сообщили — едет, чтоб встретиться с Ельциным. Они просидели 4 часа + Бурбулис и Гайдар. Речь шла: так, мол, нельзя — оставлять «Центр» без средств к существованию. До чего-то договорились...

Но еще в 6 часов в «Ореховой комнате» сидели эксперты и формулировали «документ».

Из МИДа (извиняюсь — МВС) позвонили: Буш хочет говорить с М.С. по телефону в 16.00. Я сообщаю об этом Горбачеву. Он: «Да зачем это?! Меня не будет... (подумал)... Пусть соединяют, где я окажусь».

Вот такая реакция: с одной стороны, сработал щелчок (наше с Грачевым сообщение ТАСС о признании Украины), с другой, он был зол, обиделся... И ему неприятно было общаться с Бушем.

Ровно в 16.00 (никуда он не смог уехать) начался разговор. И М.С. в своей обычной «доброжелательной и открытой» манере стал «приветствовать» Джорджа... («дорогой» и проч.). Тот похвалил его за сделанное в отношениях между Азербайджаном и Арменией (решение Госсовета) и перешел к Украине. Долго объяснял в известном духе... М.С. в свою очередь внушал ему концепцию: «независимость не есть отделение», а отделение — это «Югославия» в квадрате, в 10-й степени! Буш был очень осторожен, дважды заверял, что он не будет делать ничего, что поставило бы «Майкла» и «Центр» в неловкое положение. Однажды даже произнес -»помешало бы процессу воссоединения Союза».

Было видно (он сказал, что тут же будет звонить и Ельцину), что его особенно беспокоит возможность «насильственных процессов» из-за Крыма, Донбасса... Упоминание М.С.'ом этой проблемы сопровождалось репликой Бейкера (он, Скоукрофт и Хьюит были на параллельных аппаратах): Да, да, это очень опасно... Видно: Бейкер, более свободный в суждениях, менее подверженный давлению всяких лоббистов, откровеннее!..

Кончилось тем, что Буш пожелал Майклу успеха в многотрудном деле «воссоединения».

Переводил Палажченко. При разговоре присутствовал и Яковлев. Обсудили, что будем давать в печать. М.С. и А.Н. говорили общие фразы, а мне пришлось потом выламывать мозги, чтоб не «запродать» Буша и вместе с тем что-то «выпустить», чтоб прищемить Кравчука и К°. Получилась страничка. Не знаю, какая на нее реакция будет.

Яковлев сказал (надо будет разузнать подробности), что на Политическом Консультативном Совете в пятницу, который заседал с 3-х до 10-ти вечера, все — Попов, Собчак, Явлинский, сам А.Н., Егор Яковлев... — словом, первое поколение перестройки, приснопамятная регионалка, решительно выступили за Союз и осудили линию Ельцина, которая ведет к социальному взрыву и совершенно явно авторитарная «до хамства». Готовы были, говорит А.Н., тут же образовать формальную оппозицию и сочинить декларацию, где сказать об этом. Шаталин предложил «лично» тут же выступить по ТВ и «разоблачить» все ходы Ельцина.

Однако, кончилось пока очень определенным и даже резким выступлением Собчака в тот же вечер по ТВ...

Егор Яковлев жаловался, что ТВ у него «отбирают». Он там уже не хозяин. И правят бал «россияне»... В «Вестях» в пятницу были просто оскорбительные в адрес М.С. пассажи насчет «украинской» его политики.

Между прочим, в ворохе информации никто не заметил, что Ельцин в интервью «Известиям» за 25.XI. прямо сказал, что не подпишет Союзного договора, если этого не сделает Украина.

Неужели прав М.С., заподозривший еще давно сговор между Ельциным и Кравчуком — валить Союз с двух сторон?!

3 декабря 1991 г. Вторник.

Вчера он призвал «пройти» по тексту обращения к парламентариям... с призывом одобрить Союзный договор. Три варианта оказались: мой, Шаха и Яковлева. Шахов он отбросил с порога. Мой хотел было принять, но Яковлев попросил «громко прочесть» свой — с чувством. М.С. ехидно на меня посматривал, а потом сказал: пусть вот Черняев положит его в основу и представит потом напрямую.

Я (тоже ехидно глядя на Сашку): Без верификации Александром Николаевичем?..

М.С.: Без! (все захохотали).

Вечером я сделал симбиоз... взял много от Яковлева (он у него большой был), но убрал слюни и канареечные пассажи. М.С. принял без правки.

Сегодня он выступил по ТВ. Вроде бы говорил не по тексту, живьем. Но заглядывал. Текст разослан лично каждому парламентария.

Проблема: какая газета возьмется опубликовать? Андрей вроде уговорил «Известия».

Шах представил проект Обращения «К гражданам Украины». М.С. его демонстративно разорвал: там — «исторический выбор», «велика роль Украины», «поздравляю с победой», «независимые, самостоятельные» — Ура!»... Тому подобное.

Велел мне написать: независимость у всех, но не все ее превращают в оружие против Союза... Украинцев ждет беда — и тех, кто там живет, и кто разбросан по стране... Русских — тем более... Границы, ядерное оружие... Словом: тревога, предупреждения и перечень последствий...

Утром отдал ему. Он еще не определился.

Сегодня он разговаривал с Кодем по телефону. Позвонил тот. Об Украине — то же самое. И предупреждение — не суетиться с признанием, не ставить под угрозу «по-дружески» выработанное в отношениях.

Да... Вечером вчера он говорил, о том же по телефону с Ельциным. Тот куда-то ехал в машине. Был уже пьян. М.С. уговаривал его встретиться вдвоем, втроем + Кравчук, вчетвером + Назарбаев. Тот пьяно «не соглашался»: «Все равно ничего не выйдет. Украина независимая».

— А ты, Россия?! — возражал М.С.

— Я что! Я — Россия. Обойдемся. Ничего не выйдет с Союзом... Вот если вернуться к идее четвертного Союза: Россия + Украина + Белоруссия + Казахстан?

— А мне где там место? Если так, я уйду. Не буду болтаться как говно в проруби. Я — не за себя. Но пойми: без Союза все провалится. И погубите все реформы. Ты определись. От нас двоих зависит все в решающей степени.

— Да как же без вас, Михаил Сергеевич! — пьяно куражился Ельцин.

— Ну, а что же я, где... если нет Союза?..

— Ничего... Вы оставайтесь, — милостиво соглашался Ельцин.

Мы с Яковлевым переглянулись: сколько терпения у М.С.! Но и явная готовность уйти... Без сожаления... Без драмы... Спокойно!

Дело, видимо, идет к этому.

Встречался он сегодня с Яничеком, бывшим Генсеком Социнтерна. Тим (Тимофеев, директор Института рабочего движения) навязал, а я Горбачева уговорил. И отпросился... послал за себя на беседу Вебера, «в порядке поощрения». Не знаю, что там было. Тимофеев умолял завести гостя ко мне, я открутился.

6 декабря 1991 г. Пятница.

День пропустишь — исчезают из запоминания важные вещи. Например, после обращения к парламентариям он заставил меня писать обращение «К гражданам Украины». Целый вечер сидели у него + Яковлев и Ревенко, который, объявив себя «ярким украинским националистом», возражал против самого такого акта: «будет иметь обратное значение», «перебор». «Вы уже не раз все сказали»... И т.д.

Его поддерживал Яковлев. Я отстаивал «желательность». И исходил не из возможного результата: он очевиден. А из потребностей Горбачева. Он сделал ставку... У него отняли все: «управлять экономикой», «руководить руководителями», «влиять на прессу»... Осталась идея Союзного единения. И он — ее символ и проповедник. Иначе ему просто нечего делать... И это видно по его «распорядку дня». Он ищет всяких встреч — со своими и иностранцами. Чуть ли не каждый день дает интервью, выходит к журналистам после заседаний и т.д. Часами просиживает с собеседниками, от которых можно что-то ждать с точки зрения воздействия на что-то: то с Егором Яковлевым, то с А.Н. Яковлевым, то с Грачевым и Черняевым, то с Шеварднадзе... И т.д.

Сочинив «Обращение к Украине», превратившееся в Заявление, от которого он на утро тоже отказался (и я — переменяв свою точку зрения — убедил его, что — не надо), сели в том же составе готовиться к его встрече с Ельциным (накануне завтрашней встречи тройки славянских президентов в Минске)... Проигрывания вариантов не получилось... Он вяло слушал, а потом понуждал «прослушивать» его монологи. И ничего нового — аргументы, аргументы в пользу Союза. Их десятки и все разумные и неопровержимые, но всем им противостоит нутряное — а мы вот хотим (украинцы и проч.) сами и уверены, что получится!..

Рефрен: если не пойдут на Союз — я уйду, мне места не остается. И рядом план: созвать Госсовет, Съезд народных депутатов + обратиться прямо «К

народу» (через ТВ)... И потребовать плебисцита: вы за Союз или нет? Все это иллюзии — и Съезд не соберешь, и плебисцит не проведешь, если республики не захотят. Да и кто будет оплачивать? И кто будет реализовывать, если даже «за»? Ведь уже «реальность», что там реальная — власть в руках элит: кравчуков, ельциных, бурбулисов.

Я это ему все открыто говорил. Он не утихает. И в общем — правильно делает, ибо это единственное его «видное» занятие, хотя газеты посмеиваются... Впрочем, особенно в связи с 50-летием Битвы под Москвой, — немножко кренилось в пользу единства.

И я сам — при всем неверии в Союз — когда встречался в эти два дня с Брейтвейтом и Дюфурком (французский посол), горячо оперировал аргументацией Горбачева.

Сегодня был Анталл — венгерский президент. Переговоры «нормально», дружественно... хотя со скепсисом со стороны венгра («такой огромной страной управлять из центра нельзя»)... М.С. и глазом не моргнул — что поступал неправильно, долго отказываясь приглашать Антала. И сделал это только под угрозой «болгарского» варианта, ибо тот все равно приехал бы по приглашению Ельцина... Опять — поток аргументов (в беседе) в пользу Союза, еще более выразительных. А перед журналистам даже поставил Венгрию в пример Украине: вот, мол, та «поступает» ассоциированным членом в ЕС, а Украина не хочет быть в политическом союзе с теми, с которыми она жила переплетенной столетиями!

Ходили возлагать венок к Могиле Неизвестного Солдата — 50 лет Московской битвы... Президент и кто? ... Шеварднадзе, Яковлев, Шапошников, Бакатин, Примаков, Силаев, Медведев, да мы с Грачевым. Вот и все приближенные к высшей власти, — «советское (центральное) правительство» на данный момент!! Не густо.

Печально однако: вспомнил, как в эти дни 50 лет назад наш 203 лыжный батальон в составе Ударной Армии подошли в эшелоне к Сходне-Крюкову (оттуда перевезен прах неизвестного солдата)... Какой был мороз и в нескольких км передовая — стрельба, первое соприкосновение с войной. Как мать с Любой Артишевской, первой, несчастливой моей женщиной, чудом прорывались туда. И минут 20 посидели в какой-то избе, хозяйка пустила нас. И как было «неловко» (Люба уже меня не любила и отбивала номер милосердия), а мать — тоже уже «отрезала» меня, но выполняла материнский долг. Не помню, чтоб плакала. И простились по быстрому... под пулеметный треск, не прекращавшийся где-то совсем рядом. Но в бой нас не запустили, а на другой день опять в эшелоны — к Москве, на Окружную, оттуда — на Савеловскую ж.д. (Ленинградская была перерезана) и на Северо-западный фронт под Старую Руссу — окружать Демьянск.

Медаль «За оборону Москвы» мне, однако, потом дали. Вручал Толмачев... и мне было, помню, «не очень» — вроде не за что. Хотя, впрочем — все лето противотанковые рвы рыл под Рославлем и т.д. и т.д. ..., отступая от немцев... под бомбежкой.

7 декабря 1991 г. Суббота.

М.С. принимал американских бизнесменов, которые вместе с Велиховым налаживают у нас обучение ребят бизнесу. Чудеса!.. Миллиарды задаром вкладывают в нас «акулы империализма»!

А М.С. опять о своем — в ударе, о «непредсказуемых последствиях» распада, отказа от Союза. И это в тот момент, когда в Минске три «славянских» президента «этот вопрос» уже решили!

На той неделе я с М.С. вместе могу оказаться безработным.

Тем временем... Послал ему на подпись договоры «СССР» с Грецией и Финляндией, Приветствие исламской конференции (ОИГ) в Дакаре, Обращение «К читателям» журнала «Рынок» (организуемой «МН»), еще какую-то муру.

Главное же, начал тезисы, которые М.С. велел сделать для его встречи «1+4» в понедельник (с Ельциным, Кравчуком, Шушкевичем и Назарбаевым). Каждому помощнику дал такое же задание — «по профилю»...

Я не успел. Дописал ночью, завтра перепечатаю.

Однако... Однако... На той неделе — трудно представить себе... что уже не нужен... Впрочем, уже и сейчас я нужен лишь лично М.С., а не политике.

Интересно, как на это отреагируют мои женщины?!

8 декабря 1991 г. Воскресенье. Утро.

Отправил фельдом «сочинение» — почему по соображениям международным нужен новый Союз. Это теперь моя работа — вхолостую, для него лично.

Нет еще сведений из Бреста: Ельцин, Кравчук, Шушкевич (перепились, наверное, в Беловежской Пуще!). Но по тому, что уже наговорил Ельцин вчера журналистам и в белорусском парламенте, ясно: на Союз они не пойдут. И места Горбачеву не оставят... Он, конечно, будет тянуть, «опираясь» на то, что у него пока армия (почему-то на днях сняли Лобова, заменили Самсоновым — из Петербургского ВО). Лобов, конечно, дуб и из язовского старья... Но сама перемена в такой момент?.. Это...

Он, М.С., все «сечет»... и, кажется, ко всему готов. Вчера вызвал гогот у американцев, сказав: меня журналисты все время спрашивают, президентом какого государства вы являетесь?..

Но ведь в понедельник на «1+4»... вопрос должен быть предрешен. Ибо Съезд ему не дадут созывать, а плебисцит откажутся проводить и финансировать.

В «Огоньке» очередной словесный «портрет» М.С., написанный неким Леонидом Газманом. И тут много догадок, удачных «умозаключений», но много и трухи...

Люда предложила мне встретиться с двумя знакомыми ее голландскими журналистками — поговорить на эту тему...

Между прочим... Маша Слоним из «Второй русской революции» в МН дала интервью — как создавался в Би-Би-Си этот сериал. Неприятно. Оказывается, я и другие были просто объектом циничного бизнеса. Она хвалится, что 1,5 года регулярно звонила мне полвосьмого утра, добиваясь встречи с М.С... А о помощниках первых лиц — с пренебрежением: ну, они говорили «в рамках дозволенного». Это, значит, и обо мне! Лопухи мы, русские.

Доверчивые. Ничто нас не учит... Может, и хорошо с точки зрения «высокой морали», которая и губит нашу историю... Ибо компенсируется post factum варварством, грубостью, бессмысленной жестокостью.

И насчет морали... (Брутенц навел на размышления о ней своим возмущением по поводу поведения Красина, который заявил: никого не возьму из аппарата (в его Фонд, образованный вместо Ленинской школы, кстати, Международным отделом ЦК), всегда, мол, ненавидел партаппаратчиков (хотя сам вырос оттуда под крылышком Пономарева!).

Я к чему? К морали у меня отношение плевое... с точки зрения обывательской. Достаточно просмотреть полностью мой дневник, особенно в его «женской» части. Но что уж правда (недаром Бовин прозвал меня графом) — достоинство и честь для меня превыше всего. И именно поэтому очень редко кому удавалось унижить меня. И никогда я не делал жизнь за чей-то счет, или кого-то локотком в сторону!!

Воскресенье. Вечер.

Только что по радио: Ельцин, Кравчук, Шушкевич договорились о создании Содружества независимых государств... И завтра (+ Назарбаев) будут обсуждать это с Горбачевым. Соглашение открытое — могут присоединиться другие... Вот и все! Назарбаев, прилетев, в аэропорту сожалел о Союзе, взывал хоть бы оборонительный Союз заключить, чтоб единое командование оставалось...

М.С., наконец, должен решиться. По ТВ пропустили фрагмент из его интервью украинскому корреспонденту, которое он давал вчера. И там опять: «А кто, мол, знает, что я буду выставлять свою кандидатуру?».. Опять неадекватен: куда выставлять? Кто собирается проводить какие-то выборы? О каком президентстве может идти речь? Для кого?..

Словом, я правильно и давно говорил: Союза не будет. Не верил я в это и до путча.

Ездил на работу. «Доработал» международный аспект аргументов за Союз (для завтрашней встречи четырех, а, может, для Госсовета)... Кому это нужно?.. Ведь уже межгосударственный договор заключен... О каком Союзном договоре они захотят говорить? Смех!

Решил прогуляться по морозцу. Вышел к Манежу... Тут наткнулся на тысячную демонстрацию под красными и черно-желтыми знаменами... «Руки прочь от Ленина!», «Руки прочь от социализма», «Долой (или под суд) изменника Родины Горбачева»... «С «патриотом» Ростроповичем продаем иудеям», «Россия для русских» и т.п.. Еще против литовцев — за командира омовцев, который громил телебашню в Вильнюсе. Всякие «экономические требования». Сунули мне листовку: «Все на демонстрацию 22 декабря — из голодающих очередей!!».

Полночь. Только что — радио: Ельцин, Кравчук, Шушкевич объявили о прекращении существования Советского Союза как субъекта международного права, о недействительности всех законов, относящихся к нему, как государству. Договорились — как совместно финансировать оборону... И экономический механизм — в течение декабря.

А я только что слушал — 1,5 часа — записанное вчера интервью М.С. (по украинскому ТВ), где он яростно и страстно доказывал, что «разойтись» невозможно и что отказ от Союза — гибель для всех. Интервьюеру-хохлу слова не давал вставить... И что он через головы «этих новоявленных политиков, возникших за два года», обратится к народу и будто у него есть еще «средства», «о которых он сейчас говорить не будет!».

Словом, с этого момента я живу в другом государстве — России, и я в ней уже фактически безработный.

10 декабря 1991 г. Вторник.

Как я провел вчерашний день, когда стал «ничем»?

Утром в кремлевском коридоре встретил четырех: Кудрявцев, Вениамин Яковлев, Сергей Алексеев, Калмыков³⁵ — главные правовики. Шли от Горбачева. Кудрявцев задержался. Говорит мне: Михаил Сергеевич бушует, заявляет, что он уйдет, пошлет их всех и т.д., «покажет им»... Мы-де его уговаривали не конфликтовать, наоборот, сказать — хорошо, ребята, вы прошли этап, теперь давайте обсудим, что делать дальше. В этом духе идем сейчас делать ему проект заявления, с которым он собирается выступить после предстоящей его встречи с Ельциным и др.

— Вы, Анатолий Сергеевич, какой точки зрения держитесь?

— Я за это.

— Так поддержите эту линию.

— Обязательно.

Но, увы! Я не был «позван» ни лично, ни на разные совещания у него в течение дня.

В 12 М.С. говорил с Ельциным. Кравчук и Шушкевич не приехали. До этого он разговаривал с Назарбаевым. Потом — они втроем. Что там было — мне неизвестно. Затем по очереди были у него Набиев (таджик), представитель Ниязова (туркмен). Президенты Акаев и Каримов тоже не приехали. Тер-Оганесян публично поддержал беловежскую тройку, приговорившую СССР к смерти.

Во второй половине дня он долго в «Ореховой комнате» совещался с усеченным Политическим Консультативным Советом: Яковлев, Шеварднадзе, Бакатин, Примаков, плюс В.Яковлев, Шахназаров, Ревенко, кто-то еще. Родили заявление, которое и было оглашено диктором в 9.00 вечера по ТВ. Хорошо хоть догадались не выпускать самого М.С. на экран. Было бы еще одно нравоучение...

Объявил о созыве Съезда народных депутатов, о возможности референдума. Ну, об этом я уже здесь писал. Даже если народные депутаты соберут 1/5 подписей — все равно ничего не выйдет. Николай II имел мужество

³⁵ Алексеев Сергей Сергеевич (род. в 1924 г.) — член-корреспондент РАН. В 1989–1991 гг. — председатель Комитета конституционного надзора СССР; Калмыков Юрий Хамзатович (1934–1997) — юрист, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, государственный деятель.

отречься от престола после 300 лет правления династии. М.С. никак не поймет, что его дело сделано. Давно надо было уходить... беречь достоинство и уважение к сделанному им в истории.

Травкин с ДПР сегодня на Манежную выводит массовый митинг за Союз... Может, кончится речами... Но если пойдут на Белый дом и вступит в дело ельцинская полиция, тогда другое дело.

Ничтожество Козырев на пресс-конференции заявил: есть два выхода - самоликвидация «союзных» органов (начиная с Президента) и добровольная передача имущества или нецивилизованный способ по типу августовского. Грозится. Я подумал: а за что идти на баррикады? Мы же, команда Горбачева, обосрались «не на данном этапе». Конечно, отвратителен вид этой интеллигентной банды вокруг Ельцина (всякие Бурбулисы, Козыревы и т.п.). Так же были отвратительны интеллигентным кадетам, эсерам и меньшевикам, не говоря о монархистах, интеллигентные большевики в 1917–20 гг. Но ведь те тоже обосрались. Я не верю, что Ельцин выведет «дело России» на стезю. Но и не вижу альтернативы «отдаться России». Союз мертв...

Пойду на работу..., которой фактически уже нет. Интересно, как будут ликвидировать офисы — так же как в ЦК КПСС?

11 декабря 1991 г. Среда.

Нудный день. Узнаю, что М.С. встречается с Ельциным. До того он дал полторачасовое интервью В. Третьякову (НГ). Содержания беседы с Ельциным никто не знает. А вечером Грачев сказал: «все то же». Напросился ко мне посол Блех: больше часа объяснял ему, что происходит, не зная, что происходит. Ни вчера, ни сегодня М.С. меня не звал... Сегодня был не Политический консультативный совет, а сидели у него по очереди разные, в основном — Яковлев и Ревенко.

Узнав, что он завтра будет выступать на Верховном Совете, я (с помощью Кувалдина) сочинил проект из 12 пунктов — антиконфронтационный, с готовностью вписаться в «реальность» после Беловежской пуши... и легитимизировать ее «разрастание» за счет других.

Предложил назвать страну «Евразийское Содружество Независимых Государств». Не знаю, как будет воспринято. Скорее всего, как нелояльность: сейчас от тех, кто при нем в должности, он не терпит другого мнения, тем более — позиции.

Говорили с Грачевым: надо М.С. сосредоточиться на том, чтобы достойно уйти. Все у Ельцина теперь (плюс Кравчук и Шушкевич) направлено на то, чтобы его скинуть. И фактически Ельцин уже сделал это, лишив М.С. всех средств сопротивления. Вчера Ельцин взял под свой контроль всю правительственную связь, т.е. может просто отключить у М.С. телефоны, не пустит работников аппарата в Кремль или запрет на замок двери кабинетов.

Каждый день цепляния за Кремль — а теперь это именно только так и выглядит — отдаляет день, когда история поставит Горбачева на его место великого человека XX столетия.

И не надо ему искать «работу»... Он должен просто удалиться... И продолжить «традицию» всех великих и не очень — Де Голля, Черчилля, Тэтчер...

Правда, мы не Франция, не Англия, но... пора создавать «эту модель» ухода. Не мельтешить, не противоречить всему тому, что он сам считал обязательным для всех порядочных и мужественных.

Я предложил ему воспользоваться идеей Миттерана и настаивать на созыве «4-х ядерных», чтоб подтвердить — где у нас кнопка и соответственно статут. Вернул без пометок, а может быть Эдуарду Амвросиевичу что-то на этот счет сказал перед поездкой того в Брюссель.

Козырев заявил, между прочим: «Горбачев не прокаженный, работу ему найдем». Грачев дал ему отлуп на брифинге.

12 декабря 1991 г. Четверг.

Впервые в нормальный, обыкновенный день, придя в свой кабинет, увидел, что дела никакого нет... а если есть бумаги — их можно «не исполнять»... И за день — ни одного служебного звонка.

М.С.'у доносят горячие слухи — то один, то другой. Он отправляет отходные обязанности. Грачев собрал ему 20 журналистов, и он произнес фактически прощальную речь. Был он уже совсем не на государственном уровне откровенен и ненужно подробен, рассказывая, как его «обошли» Ельцин, Шушкевич, Кравчук 8–9 декабря

К вечеру позвал меня. Печальный. Расспросил о впечатлениях от Российского парламента, который ратифицировал Беловежское соглашение... Подивился оскорблениям космонавта Севастьянова, заявившего с трибуны парламента: документ слабый, но хорошо, что «эра Горбачева» кончилась. Мелкий пустой народ!.. Эра Горбачева только начинается!

Попросил «от руки» написать проект прощальной речи — перед народом. Начал... Но пока еще черновик.

14 декабря 1991 г. Суббота.

Вчера М.С. поразил англичан (Брейтвейта и Эппльярда — зам. Хёрда) веселостью, присутствием духа, иронией, самоуверенностью, как будто ничего не происходит. Встретил их словами: Ну что? Явились узнать, в какое государство приехали и кто я сейчас такой? Это сразу создало «атмосферу». Потому что англичане вошли в приемную с постными, похоронными лицами, с извиняющимся видом. И беседу он вел уверенно, ярко, образно, отстаивая свою концепцию, но не исключая поиска такого решения (по Содружеству), которое раскрывало бы скобки во многих вопросах, явившихся результатом дилетантизма и амбициозности.

После ухода англичан оставил нас с Яковлевым. Опять стали разбирать, что делать. Беда его в том, что он, зная, что все специально делается, чтоб вытеснить его с президентства, хватается за малейший предлог, чтоб «думать», что не все еще потеряно...

Вот Кравчук объявил себя главнокомандующим... М.С. ему звонит: «Что ты делаешь? Ты понимаешь, что из этого может выйти?!» Тот: «Да что Вы,

Михаил Сергеевич, я это так. Верховный Совет вот настаивал, ну я и выпустил указ... Но не претендую взять армию под себя!!» И т.п. Словом, лапша на уши.

И М.С. «рассказывает» нам с Яковлевым, что вот, мол, как на самом деле-то, ничего страшного.

Или: был у него Ельцин. «Мирно», как объявил Б.Н. журналистам, поговорили. Но ведь потом он лидерам своих партий сказал: «Я назвал Михаилу Сергеевичу сроки — декабрь, в крайнем случае - часть января — в которые мы(!) заканчиваем с одной эрой и переходим в другую». Ребенку ясно, что это значит: мол, в Кремле тебе быть осталось две-три недели!

Я ему, кстати, напомнил об этих словах. И о том, что по коридорам у нас уже пущено: до 20 декабря аппарат президента должен освободить помещения. Он изменился в лице, но все-таки продолжал «рассуждать о двух вариантах».

Один — выйти на ТВ и попрощаться с народом. Позавчера он мне поручил «текст». Я его сделал и в рукописном виде отдал вчера ему (себе перепечатал с помощью Тамары). Но, мол, с этим не будем торопиться.

Второй — (если в Ашхабаде и в Алма-Ате сегодня главы «суверенных государств» о чем-то договорятся или не договорятся) -выдвинуть условия своего согласия «помочь» им решить проблемы, которые они породили своим Содружеством. А условия — чтобы был пост и не свадебного генерала, и не дежурного у кнопки, а... словом, подходящий.

Однако, судя по итогам Ашхабада и перспективам Алма-Аты, сегодня никто не собирается ему такой и вообще какой бы то ни было пост предлагать. Так что 2-й вариант — иллюзия...

Хотя — когда говорилось об этом и я сидел, как и Яковлев «сложив руки» — он бросил мне: «А что ты сидишь? Делай пометки. Тебе ведь писать придется».

Вчера к ночи он мне сообщил, что ему позвонил Буш, и он дал ему «отлуп» за поведение. Мне он продиктовал — передать в СМИ, что Буш предложил поддерживать регулярный контакт. Морель (помощник Миттерана) позвонил мне из Елисейского Дворца — его шеф хочет поговорить с М.С. Сегодня разговор состоится. Это все — соломинки, за которые М.С. хватается.

Сегодня утром разговаривали с Грачевым. Он тоже за немедленный и «инициативный» уход М.С. Но рисует мрачную картину. Уйдет, но ведь мы не Франция (которая потом вновь призвала де Голля) -и ему не «забудут» всё на другой день. Не спишут, а затеют (вместе с КПСС) процесс — чтоб был козел отпущения (по образцу Хонеккера).

Не думаю, что так пойдет. «Народ не даст». Мы — не немцы. Вот уже после его встречи с журналистами на днях «народ» начал его жалеть.

Впрочем, чем черт не шутит. Тем не менее — второго варианта не будет. И ему надо скорее уходить... Иначе его еще сильнее будут гнать, оскорблять, унижать... Даже Назарбаев заявил: Хватит Горбачеву нас запугивать. Все воспринимают его «стойкость» за Союз -как борьбу за кресло.

15 декабря 1991 г. Воскресенье.

Вчера я начал день в Кремле с дневника. Заполнил несколько страниц — о Горбачеве, о его последних двух днях. Забыл захватить сам дневниковый блокнот. Потом вложу сюда. А сейчас — о себе.

Консультанты (Вебер, Ермонский, Кувалдин) взяли мешки с бумагами к себе на ул. Разина (там у них временные комнатухи)... чтоб разобрать, отобрать и кое-что уничтожить. Потому как гнать нас могут из Кремля в любой момент!!

Ольга (Ланина) сообщила, что вызывали Пестова, начальника личной охраны М.С. — и сказали, что с завтрашнего дня горбачевская охрана переходит в подчинение ельцинской службы!!

А М.С. все тянет, все на что-то надеется... Сегодня вечером к нему напросилась Старовойтова — пришла жалеть, наверное... И вообще «лояльными» к нему сейчас остались в основном те — кто из Региональной Депутатской Группы, созданной при Сахарове!!

18 декабря 1991 г. Среда.

Сегодня вечером М.С. позвонил: «не получается». Это — по тексту его обращения к участникам Алма-Аты. Утром он мне сказал, что сам поработал — и чтоб я с Яковлевым «прошелся». Но потом он 2 часа давал интервью «Комсомолке» (он каждый день дает какое-нибудь интервью. Сегодня в 16.00 — еще раз Эн-Би-Си!!), потом встречался с Шапошниковым и Баранниковым, потом позвал нас с Яковлевым. Он немножко «конфронтировал» текст, который я написал, отвергнув полностью банальный и явно отторгаемый проект Шахназарова, составленный в сугубо «конструктивных» тонах, — благословляющий, примирительный, с пожеланием успеха... Но и с советами, намекающими, что «его путь» был бы лучше...

А до этого и попутно шел разговор... Спрашивает у Яковлева: «Что-то ты такой смурной?» Тот озабоченно начинает рассуждать о том, что Ельцин боится серьезной оппозиции (в лице его самого, Шеварднадзе и им подобных!).. А когда М.С. отошел звонить Р.М., А.Н. наклонился ко мне: думаю, меня убьют. Я буду просить у Горбачева, чтоб меня отправили куда-нибудь, например, в Финляндию послом. Ельцин согласится — ему я здесь опасен...

Я реагировал — знаком — «?» с внутренней «улыбкой». М.С. вернулся за стол... Стал говорить (с моей подачи) об интеллектуальном уровне глав «суверенных государств»: Иногда, говорит, сам тупеешь, разговаривая с ними. И действительно хочется бежать от такого «сотрудничества».

Потом стал размышлять о «Фонде нового мышления» — Фонде Горбачева... Видно, они с Яковлевым его до меня это придумали. М.С. стал «развивать», как можно широко это дело поставить... Я поддакивал, но советовал начать не у нас, а в Америке.

Он вдруг: Я за книгу получил 800000 долл. (Яковлев тут же подсчитал — 80 млн. руб.)... «Знаешь, Анатолий... Я хочу тысяч 200 оставить себе, а тысяч 30–40 дать тебе».

Я: Не нужно этого делать. Мне они не нужны.

Яковлев: Оставьте на основании Фонда тысяч 600... А потом появятся разные спонсоры.

Мы с А.Н. в один голос: Не надо ничего давать на всякие больницы и проч., все равно пропадет, как и прежние дотации, «а вам надо достойно жить дальше, не ходить попрошайничать у Ельцина»...

Я поднял вопрос о своих «ребятах» — моих и прочих консультантах. Наперебой с Яковлевым предлагали дать всем «выходное пособие» (2-х месячное). Поручить Ревенко — устраивать их на работу... Но М.С. торопился... не договорили.

Сам я начал «устраивать»: Вебера к Красину, Ермонского — в «Известия»... Поругался с Шахназаровым, который отхватил своим Фондом «Ленинскую школу»... и слушать не хочет об устройстве кого-нибудь, кроме «своих»!! Я обложил его матом и бросил трубку.

«Ребята»: Вебер, Ермонский, Кувалдин разбирают мешки и с моим 6-летним архивом... Кое-что (и много) я таскаю домой. Буду писать «книгу»: «Шесть лет с Горбачевым»... Но они + Грачев предупредили: Не исключайте, Анатолий Сергеевич, обыска у вас, когда затеют «дело» против Горбачева. Я вообще-то не верю в такое... Но — чем черт не шутит. Ведь, если у Ельцина все начнет заваливаться, нужны будут «зрелища» и козлы отпущения. И тогда я — первый кандидат (сначала) в свидетели... Впрочем, «уголовно» компрометирующего в моих архивах ничего нет... Но замарать М.С. «вольностями» посттоталитарного поведения можно... как и излишней откровенностью в личных беседах.

«Устроил» сегодня Тамару в посольство к Бовину, в Израиль. Он давно обещал, но «настаивать» в МИДе не хотел, спасовал... И пришлось мне самому — через Ковалева и Авдеева — все сделать. Впрочем, успеем ли до того, пока Козырев запустит лапу во все эти процедуры.

Окружение Ельцина в отличие от МРГ («шестидесятники») не связано с интеллигенцией. И та начинает «понимать», что она наделала, встав против Горбачева... Сочувствует ему, когда в него градом летят камни.

Дня через два придется сматывать из Кремля.

20 декабря 1991 г. Пятница.

Сегодня получил последнюю зарплату. Вчера уже кое-кого обыскивали при выходе из президентского здания в Кремле. Председатель комиссии по делам афганцев Аушев (Герой Советского Союза)³⁶ дал по морде прапорщику, который попытался его обыскать. Гусенков пригрозил, что он вернется и «пожалуется» Президенту: его выпустили. Меня не тронули, хотя я который уж день не выхожу без толстого портфеля, а сегодня попросил фельда, — они меня уважают — отвезти целый мешок бумаг из моего личного архива. Машины отобрали у всех, кроме самого М.С., его помощников и советников. Но это — дело дней. Вчера клерк от Козырева явился к Шеварднадзе и сообщил указ

³⁶ Аушев Руслан Султанович (род. в 1954 г.) — государственный деятель, генерал-майор, Герой Советского Союза. В 1989–1991 гг. — народный депутат СССР.

Ельцина о ликвидации его министерства и попросил Э.А. «освободить помещение». Нам и Ревенко прислано распоряжение Бурбулиса — «закругляться»... Мои телефоны уже отданы кому-то другому: звонят, спрашивают не меня. Но я еще пока звонить могу...

Словом — бандитизм в духе Ельцина!.. А М.С. все настаивает на «цивилизованной» передаче власти.

Сегодня дважды он возвращался к своему финальному Заявлению.. Я дважды его «дорабатывал». Но вечером оказалось, что есть альтернативное — от Яковлева. Сели втроем. И я выразил им обоим категорическое несогласие с яковлевским вариантом — капитулянтское и плаксивое. Не знаю, какое будет в конце концов. М.С. соблазнился яковлевским... Хотя я сильно его дискредитировал. Договорились, что А.Н. на «моей основе» поработает и завтра представит.

М.С.'у звонил сегодня Коль. Спрашивает: что будешь делать? М.С. долго объяснял свою концепцию (по письму участникам Алма-Аты), сказал, что уйдет, если утвердят СНГ... Хотя не согласен, но конфронтовать не будет.

Сказал, что займется «общественной» (не политической) деятельностью. Мне он раскрыл свой замысел (опять полон энтузиазма): на базе Фонда Красина-Шаха — создать «Рэнд Корпорэйшн» и «развернуть». И потекут средства (из-за рубежа), и придут партнеры из других фондов... Будет-де мощный интеллектуальный центр, инициирующий процесс образования в России подлинно демократического общества. А если потребует, центр возьмет роль мощной оппозиции этим «дилетантам, самодовольным посредственностям»...

Коль пригласил М.С. в Германию — отдыхать, читать лекции, пожить... М.С. не отказал... Таких приглашений у него много.

Был у него Карякин (я их свел)... «Шестидесятники»... отмываются. «Морально поддерживают». Юрка даже обещал шумно уйти из Президентского Совета Ельцина. Посмотрим!

Статья Третьякова в «НГ»: Беловежская Пуща — государственный переворот.

Распихиваю своих ребят... Самому надо «делать» пенсию. Говорят, придется побегать за справками...

22 декабря 1991 г. Воскресенье.

Вчера состоялся Алма-Атинский погром. Поворот, видимо, сопоставимый с 25 октября 1917 года и с такими же неопределенными последствиями.

Горбачева просто грубо скинули. Даже не приняли специального документа об «упразднении» его как главы государства. К Николаю II хоть посылали «авторитетную делегацию» Думы с просьбой об «сложении с себя», об отречении. А Горбачеву — лишь на пресс-конференции Ельцин, отвечая на вопрос, объяснил: да, обсуждали его судьбу, не будем поступать так, как раньше с нашими вождами — хоронить, потом перезахоранивать, объявлять преступником. Будем — как в цивилизованном государстве. Определили ему материальное содержание и «вообще» его «положение после отставки». И

произошло это, кстати, ровно 4 месяца спустя после путча и в день рождения Сталина!

Советского Союза больше нет. И Россия — член Совета Безопасности ООН... Пойдут-поедут в разные стороны наши «Европа» и «Азия»..., как и, так называемый, «славянский» мир... И Россию придется строить заново... вряд ли в согласии с татарами, бурятами и наследниками Шамиля.

А в Кремле тем временем: в 11 час. М.С. «собрал» Яковлева, Шеварднадзе и меня... Сели дорабатывать прощальное заявление. Э.А. не поддержал вариант Яковлева (из двух абзацев, сопливо-обидчивый). Мой практически принят. Особо важно, что сохранены «тирешки» с обозначением исторических достижений перестройки... Увы! — оскопили эмоционально...

Редактировали — увлеклись, будто в Волынском или Ново-Огарево сочиняем очередную речь для Верховного Совета или чего-нибудь в этом роде. Споря о словах, будто забываем, что речь идет о некрологе.

Из разговоров попутно (сидели ведь два часа). Э.А. заявил, что «ничего у них не получится»... Настаивал на своих очередных предсказаниях — будет путч, будет взрыв — массовый и беспощадный. Говорил о цинизме и бесцеремонности ельцинских подручных. «Хотя, мол, обещают сохранить «ценное» в МИДе. Не верю, им главное — кресла занять. Любуются собой и хвалятся друг перед другом — какие кабинеты отхватили на Смоленской-Сенной!

М.С. поддержал эту тему... Рассказал, что Б.Н. чуть ли не каждый день ему напоминает — освободить ему «хороший кабинет» в этом (казаковском) здании, присматривал на 2-м этаже бывший рыжковский. Да... мол, главное — занять Кремль, остальное потом, заключил М.С.

М.С. воспрял, было, накануне (вечером 20.XII), когда Игнатенко сообщил ему о том, что Верховный Совет Украины принял «толкование» Беловежского документа, не совместимое с самой идеей Содружества. Потребовал текст, с удовольствием читал нам. Мол, весь замысел Ельцина с его уступками ради «сохранения» Украины в СНГ — проваливаются. Мы с А.Н. охладили его: замысел-то как раз был в другом — с помощью Кравчука нокаутировать СССР, ликвидировать его самого, Горбачева, — это сверхзадача, а потом двинуть везде и повсюду Россию... Остальные приспособятся, а если кто отвалится -плевать. М.С. и с этим соглашается... Но радуется «неудаче»... Кроет опять дилетантов и посредственностей, самодовольных и безответственных. А потом сказал: Документ они примут, пусть липовый, но им теперь нельзя не продемонстрировать победы — Горбачев, мол, едва 7 республик собрал для своего Союзного договора, а мы — все 11, да и Грузия присоединится, значит, 12! Но все равно, мол, завалятся.

Яковлев «предсказал»: Ельцин, дай Бог, до весны продержится.

Наши «размышления» прервал звонок от Миттерана (заявленный накануне). Тот «снял маску» величия и напыщенности, говорил всякие слова о значении Горбачева, о бессмертии сделанного «ими вместе». М.С. в ответ — опять и опять «разворачивал» свою «концепцию»: мешать не буду, стараюсь «обогащать» процесс СНГ... Если Б.Н. не отступит от демократических реформ, буду оказывать содействие (которого Ельцин не хочет и не допустит).

Приглашал во Францию: Вы, мол, хоть и были несколько раз, но страну не видели...

Что ж — благородно!..

И Андреотти в такой момент не грех было бы позвонить Горбачеву, после визита Ельцина в Италию — особенно.

А Буш? Он... очень уж на все оглядывается и говорил неделю назад сухогато. И первое, что он вчера сделал — пригласил Ельцина в США.

Ну, хорошо... А что же со мной-то? Не позаботился даже о пенсии. Завтра М.С. произнесет «прощание» — и нас тут же выставят из помещений. Куда за пенсией-то идти, в какой райсобес?

М.С. — в разговоре о своей «Рэнд корпорэйшн»... говорил: всем, мол, там место будет. Размахался бодро-весело. И деньги, мол, пойдут... Не верю я в это. Да и не хочется. Хочется ощутить себя свободным. Но — на что жить? «Мне и рубля не накопили строчки»... Что это? Бессеребренник? Равнодушие к себе и к «дому»? Леня заниматься пошлыми делами? Привычка к номенклатурному сервису? Но ведь и до номенклатурности я о себе не умел заботиться... Все тут, наверное, есть...

Надо привыкать к «свободе»... Но пока есть «семья» — свободным не будешь, даже в смысле «без оглядки» выйти куда-нибудь из дому! Хватит ли силы плюнуть на все и уйти к любимой женщине... Но ведь я женщине нужен — подходящий, веселый, уверенный, с положением, интересный, а не — иждивенец и жалкий проситель ласки и утешения... А жить хочется...

23 декабря 1991 г. Понедельник.

Еще вчера вечером по телефону М.С. стал увечить свой текст Обращения — прощания. Я как мог его «облагородил»... ослабил места, которые могут вызвать только иронию или насмешку. Он упрям, а мне теперь неловко с ним резко спорить: подумает — обнаглел, когда перед ним уже не президент.

Но он и не собирался сегодня «оглашать», хотя «все» ждут — не дождутся.

С 12 до 6 — он сидел с Ельциным в «Ореховой комнате» + А.Н.Яковлев... Им с самого начала таскали коньяк «под кофе», а потом они еще и обедали.

В 18 — был назначен разговор с Мэйджором... М.С. вышел к себе для этого — был уже очень «хорош «... Соответственно и говорил с британским премьером. Это было трогательно. Тот, наверное, совсем ошеломлен был такой искренностью... Я обязательно воспроизведу этот их разговор.

А потом М.С. опять удалился к Ельцину, который пока «объяснялся» один на один с АН.

Завтра М.С. соберет «коллектив» аппарата прощаться. Сегодня собрались было: я обратил внимание, что 70% присутствующих я впервые вижу, хотя собран был лишь комсостав... М.С. — перенес выход к ним из-за встречи с Ельциным.

Сегодня меня засняла Эн-Би-Си, которая вместе с Егором Яковлевым делает фильм «Последние дни Горбачева». Полтора часа я им говорил... Яковлев и Грачев потом мне передали: те в восторге!.. Жалеют, что раньше ко мне не пристали. А я потом жалел, что не сказал им многого. Но, впрочем, заинтриговал будущей своей книгой.

Был издатель «Новостей» Эйдлин... Принес первые два заказа на будущую книгу Горбачева. Готовы прямо сейчас выложить 1,5 млн. долларов и ждать книги два года! В «Известиях» сегодня уже сообщили о будущем «Фонде Горбачева»... Вот там с «этого» и надо начать... Прежде всего, надо издать его беседы с инодеятелями 1985–91... Бесценный материал для истории. Я ему сказал. Он отмахнулся. Как всегда...

27 декабря 1991 г. Пятница.

Сегодня первый день, когда я безработный (хотя еще и не пенсионер, своевременно не позаботился).

Надо опомниться. Но прежде всего — попытаться восстановить событие этих дней.

В среду, 25-го М.С. решил выступить с последним «Обращением»... Готовилось оно сначала, как Заявление. Я уже писал о некоторых эпизодах подготовки. В конце концов он взял «за основу» да и почти «в целом», мой текст, даже вернул в последний момент кое-что из предыдущих вариантов (например, что государство надо бы распускать с народного волеизъявления)... Но и напичкал деталями, которые все равно газеты «не взяли»... Ни одна газета полностью Обращения не напечатала! Все боятся Ельцина.

Утром он попросил связать его с Бушем (на 17.00). И хоть там Рождество, Павел Палажченко нашел Буша в Кэмп-Дэвиде... И тот согласился.

Разговор М.С. вел на грани фамильярности — «по-русски»... «как друзья»... Но и Буш впервые «ушел» от сдержанности, наговорил много хвалебных слов, многие из которых потом попали в его выступление — о конце СССР и о значении Горбачева.

Запросился на телефон Геншер, а до этого Блех принес мне письмо от него. С Блехом был разговор интереснее, чем у М.С. с Геншером... Но это уже было буквально за полчаса перед последним выступлением «Президента СССР».

В комнате № 41 (рядом с кабинетом), где он обычно выступал перед телекамерами, собралось много корреспондентов... Вообще... если б Егор Яковлев не притянул в эти последние дни Эн-Би-Си, которая буквально дневала в коридорах, снимая все, что попало, все, что так или иначе касалось М.С., — если б не это -остался бы М.С. в информационной блокаде до самого своего конца в Кремле. Но — и это симптоматично — позорно для нас, что только западные ТВ-журналисты вертелись вокруг него, олицетворяя ту значимость Горбачева для всего мира, которую западная общественность ему справедливо придает.

Итак... Я стоял сбоку, метрах в 8–10 от него. Прямой эфир. Он был спокоен. Не стеснялся заглядывать в текст. И получилось «с ходу» хорошо. И потом — сколько ни слышал «домашних» опросов -оценки сходились: достоинство и благородство.

Действительно, трагическая фигура, хотя мне, который привык его видеть «в обыденности», трудно прилеплять к нему этот термин, с которым он, конечно, войдет в историю... «Известия» все-таки дали «цитаты» из оценок «выдающихся государственных деятелей Запада».

Он вернулся в кабинет. Я остался в приемной. На диванчике в уголке сидели неприметно двое в штатском. Лицо одного мне показалось знакомым (потом протокольник Шевченко мне «разъяснил»: он же с нами во все поездки за границу ездил... Сидел в самолете в заднем отсеке и не «возникал»). Рядом стоял «чемоданчик» и что-то похожее на переносной телефонный аппарат. А у М.С., оказывается, еще до того, как я вошел, находился Шапошников. Минут через 15 этих двоих позвали в кабинет... Один из них вскоре вышел. Но пришли двое других, незнакомые, их тоже провели в кабинет. Потом вышли все. И через минут 10 вышел Шапошников, как всегда «улыбающийся», поздоровался. Но был (видно!) и смущен.

Мы с двумя Яковлевыми пошли к М.С. Он был явно возбужден, красный. Сели за овальный стол. Рассказал: Ельцину очень не понравилось его выступление. Прослушав минуту, он отключил ТВ и велел Бурбулису доставить ему «полный текст». М.С. велел Андрею послать...

Потом стало известно, что «раз так», он, Ельцин, не придет получать «кнопку», пусть Горбачев сам ее принесет. Горбачев отказался. Тогда Ельцин прислал к нему Шапошникова... И это состоялось, о чем, как говорится, см. выше!

Но хамить Ельцин начал раньше. Еще до разговора с Бушем мы сидели с Андреем у М.С... Он «наносил» последние штрихи на свое последнее выступление. Вдруг позвонила Р.М. в панике: явились люди и потребовали, чтоб она со всеми пожитками за 2 часа убралась из квартиры (на проспекте Косыгина). М.С. расвирепел, весь пошел пятнами, позвонил одному, другому... крыл матом. Вроде остановил разбой. Но вчера, 26-го их все-таки выставили. Причем долго отказывались подать грузовик, чтоб вещи отвезти!

Вчера утром (забегаю вперед)... охране едва удалось добиться того, чтоб выслали на дачу «ЗИЛ» за М.С., который ему «снисходительно» оставил Ельцин...

Утром 25-го М.С. еще не знал (мы с Грачевым ему рассказали), что во многих газетах напечатано: Ельцин сказал редакторам газет (на Старой площади!) об «итогах» 8-часовой его встречи накануне с Горбачевым и Яковлевым: я, мол, ему в 10 раз урезал охрану (вранье — Горбачев не просил 200 человек), дачу дал «поменьше», чем сейчас, минус — городская квартира... О неприкосновенности не может быть и речи: если есть вина, пусть признается сейчас, пока он еще Президент, положил ему 4000 руб. пенсии. И еще что-то в таком же гнусном стиле.

Между тем, иллюзионисты Горбачев и Яковлев рассказывали об этой встрече, которая длилась с 12 до 21 часа (с перерывом только на разговор М.С. с Мэйджором) в благостных тонах: мол, поговорили нормально, по-товарищески, как ни в чем не бывало. Вот тебе и не бывало!

После передачи «кнопки» выпили коньяку (я — два Яковлевых и М.С.), потом перешли в Ореховую, присоединился Грачев... И до 12 ночи «гужевались». Запомнить всего невозможно, а жаль... Между делом были сказаны вещи, достойные скрижалей. Впрочем, больше речь шла о прошлом, даже о Сулове... и о том, как М.С., приехав в 1978 г. в Москву, ужаснулся политическим и прочим нравам... и тому, как, оказывается, «делают в Москве

политику»... Кое-что из этого я не раз от него слышал. Между прочим, он сказал, что первую книгу в Фонде, которую он хотел бы написать, это — как и почему родилась в мозгу идея перестройки.

Дал мне «по ходу» два задания: сосватать Грачева в ЮНЕСКО и сказать Тельчику, чтоб деньги (за книжку «Августовский путч») в Москву не высылал.

Кстати, вчера... Грачев устроил «гусарство», собрал всю прессу в гостинице «Октябрьская» на ул. Димитрова. Прощальное. На Горбачеве два часа висят корреспонденты, не давая ему рюмки выпить... Это был — порыв... уже не к главе государства, за встречу с которым бывает журналистам большой гонорар и слава, а человеческое... Он выговорился до конца. И нас там грешных порядком попытали.

Между прочим, Крепостной (это фамилия), директор гостиницы, ставленник покойного Кручины, долго не давал разрешения устроить эту встречу, ссылаясь, что счета у президентской службы «закрыты». Но ему сунули в нос живые деньги, которые М.С. дал из своих. Тот тем не менее побежал к российским своим начальникам и опять стал отнекиваться. Но так как гостиница теперь не государственная, а частная лавочка, пришлось уступить... Хоть такая польза от приватизации!

Вчера я принял двух послов: испанского и норвежского. Принесли письма от своих глав. Первому — Куэнке я сказал о Грачеве (насчет устройства его в ЮНЕСКО). Он, несмотря на то, что знает Грачева довольно близко и дружит с Майером (директором ЮНЕСКО) — изменился в лице... «Это — невозможно, говорит, не принято» (чтоб посол за кого-то ходатайствовал). Ладно, не принято... Сам знаю, но чего испугался-то? Козырева боишься, прогонит??

Надо устраивать его к Аттали — в ЕБРР в Лондон. Песику позвонить (советник французского посольства).

Второе задание — буду выполнять через Саню (Безыменскую). Она на днях полетит в Германию. Сказал ей уже вчера об этом, заехав (уже на метро) утром. Она мне изложила всю механику банковского сервиса... с большим знанием дела. У нее, оказывается, большой счет там... Но она не платила налогов... и поэтому «кандидат в тюрьму». Да... У папы Левы свой счет. У мамы Рони — свой. У Сани — свой.

Сейчас позвонил Гусенков, говорит: М.С. к одиннадцати приехал к себе в кабинет в Кремль, чтоб встретиться с японскими журналистами... Но за час до этого в его кабинете водворился Ельцин. И М.С... стал принимать японцев в кабинете Ревенко!! Зачем унижаться так, зачем он «ходит» в Кремль... и флаг уже сменен над куполом Свердловского зала, и не президент он уже!

Кошмар!.. А тот хамит, еще больше и больше. Топчет все наглее... Мстит, наверное, и за вчерашнюю встречу с прессой!

В 8.15 утра Ельцин со свитой появился в приемной Горбачевского кабинета. Секретарю-дежурному скомандовал: «Ну, показывай!» И пошел в кабинет...

А вот тут на столе стоял мраморный прибор... Где он?

Секретарь объясняет дрожа: «Не было прибора... Михаил Сергеевич, мол, никогда не пользовался такими ручками. Мы ему набор фломастеров выкладывали на стол»...

— Ну ладно... А там что? — и двинулся в заднюю комнату (комната «отдыха»). Стал выдвигать ящики стола. Один оказался закрытый.

Почему заперт?! Позвать коменданта...

Прибежал кто-то с ключом, отпер — там пусто.

— Ну, ладно...

Вернулись в кабинет, расселись за овальным столом... Он, Бурбулис, Силаев (?), еще кто-то.

— Давай сюда стакан!

Мгновенно явился человек с бутылкой виски и стаканами. «Основные» опрокинули по стакану.

— Вот так-то ладно. А «ореховую» не буду смотреть и помещение Госсовета тоже — там Политбюро раньше заседало... Бывал, бывал...

Гурьбой хохоча пошли из кабинета. Секретарю бросил напоследок: «Смотри у меня! Я сегодня же вернусь!!».

28 декабря 1991 г. Суббота.

Вчера отговорил М.С. давать интервью Эн-Эйч-Кей (Япония) — постыдно ездить в Кремль, где «веселился» в его кабинете Ельцин... Еще постыднее (пока) искать какое-то другое место. Ревенко потом корил: за это интервью японцы обещали 1 млн. долларов.

Послал Горбачеву письмо Мэйджора (его передал мне Брейтвейт), сам перевел — от руки; письмо Миядзавы (Тамара съездила в посольство); книгу, исписанную вахтанговцами — передала мне Юлия Хрущева. М.С. мне отзвонил. Взволнован. Такие знаки внимания для него -бальзам сейчас. Сказал мне, что заболевает — грипп, наверное. Но дали всего три дня, чтоб убраться с дачи... Приходится разбирать книги и барахло... Сказал, что, давай, мол, начинай делать «хронику нового мышления» из записей его бесед с 85 по 91 гг.

Вебер и Ермонский вроде отчаливают...

Сам начал сегодня разбор книг, два чемодана уже вывез на свалку... Кое-что и годится только в макулатуру, хотя жалко, с ними, с каждой всегда что-то связано, но читать их уже никто не будет, ни я, ни внук. Тяжелая работа. И долгая.

30 декабря 1991 г. Понедельник.

Вчера Ельцин произнес новогоднюю речь. Можно бы и согласиться, если бы «сообщил», кому он обязан тем, что может именно так выступать и так «вести дело»... Но — ни слова... Напротив, оставили, мол, мне Россию, будто в ней 70 лет хозяйничал враг...

А в Минске — все гладко, но ничего не получается из Содружества, которое лишь ширма для развала Союза.

Итог 1991³⁷.

6 ноября 93 года Любимов в «Красном квадрате» по ТВ брал интервью у Ненашева (при Горбачеве он был председателем Комитета по радио и телевидению, до того — замзавотделом в ЦК и всякое другое)... Из весьма «прогрессивных» аппаратчиков, умен и с характером.

Мы сидим с любимой женщиной перед экраном, реагируем наперебой на оценки, которые Ненашев «отвешивает» бывшему президенту страны.

Нарциссизм — среди главных качеств. Он, мол, лишь делает вежливый вид, будто слушает. Даже тогда, когда собирает людей специально, чтобы узнать их мнение. Но нетерпеливо по ходу «включается» и говорит то, что «они должны ему сказать, что бы он хотел, чтобы они ему сказали». А что они на самом деле говорят — его не интересует. Он знает наперед.

Да, говорю я, «имело место быть». Но это — не нарциссизм. Это уверенность в своем политическом превосходстве. И, кстати, Горбачев имел для этого основания — и перед «коллегами», и перед «приглашаемыми» интеллигентами. К тому же нельзя забывать, что, в отличие от «предыдущих ораторов» (так Бовин обозначал предшественников каждого следующего генсека), Горбачеву можно было сказать ВСЕ, не оглядываясь на идеологию и прочие советско-партийные табу...

Другое качество, по Ненашеву: он проповедник, а не государственный деятель. Тоже «имело место». Однако, именно он «столкнул» на наклонную тоталитарный строй. И сделал это ОДИН. Правда, личный риск был от него скрыт до поры до времени непомерным самомнением. Тем не менее, когда он уже понял опасность, он не сдался, не отступил.

Неверно утверждение Ненашева, будто М.С. «не умеет держать удар». Ссылка на «жалкий вид» на трапе самолета из Фороса, некорректна. А как он повел себя, вернувшись после ГКЧП, на Верховном Совете, на съезде народных депутатов?! Как он держался во время и после Беловежской пуши?! Другое дело, что все уже тогда пропало. Но он бился до конца. Ему можно посочувствовать и можно не соглашаться (ему надо было громко уйти осенью!). Но слабаком он не выглядел. Он держал удар до конца, зная уже, что удары «смертельные».

Женщина «заключила» наши впечатления как всегда лапидарно (она, кстати, не симпатизирует Горбачеву)... Государственного деятеля, сказала, надо оценивать по результатам. Однако эта оценка никогда не будет справедливой к любому из них. Поэтому обязательно оценивать и «по-человечески».

Горбачев нанес смертельный удар «вождизму», тем самым и вековой царистской традиции в нашем народе. Это — бесценный и необратимый вклад в демократию, в демократическое будущее России. Не исчезли, конечно, претенденты в «вожди». Но они уже перестали быть «неприкасаемыми». А это имеет решающее значение для статуса «вождя».

³⁷ Это написано для книги «1991 год. Дневник помощника Президента СССР», вышедшей в Москве в 1997 году. — А. Ч.

Горбачев признал необходимость и установил довольно высоко моральную планку для политики и политиков. Он оставил в народной почве семена таких критериев оценки действий, заявлений и вообще поведения власти, которые основываются на общечеловеческих (а не идеологических) нравственных ценностях. Стремясь сбросить эту планку, убрать это опасное для себя бремя, нынешняя власть пытается дискредитировать Горбачева в моральном плане. Но в открытом обществе и перед лицом внешнего мира, который высоко оценил также и эту заслугу Горбачева, избавиться от моральных критериев в политике уже не удастся. И в этом — главная надежда российской демократии.

Послесловие к 1991 году.

Это — год разложения государства, разрушения экономики, социального хаоса, утраты Горбачевым и вообще Центром авторитета и власти над страной.

Год «Вильнюса» и последовавших отчаянных попыток спасти Союз — с помощью референдума, Новоогаревского процесса, нового Союзного договора и, увы!, реанимации на «демократической основе» КПСС, несмотря на то, что без политической и идеологической монополии, которой ее лишил сам Горбачев, она уже ни на что была не способна, кроме крикливой, разрушительной оппозиции.

Это был год путча, сделавшего процесс самоликвидации советской империи обвальным, с финалом в Беловежской пуще, где Ельцин, Кравчук и Шушкевич, узурпировав все права всех институтов власти, подписали Советскому Союзу смертный приговор.

С СССР в этот год происходило в сущности то, что случилось «в свое время» с другими империями, когда истощался отведенный им историей потенциал.

Появление Горбачева было неизбежно в Советском Союзе в 80–х годах. Он стал «орудием истории». Но не сразу понял, что она хочет от него совсем не того, чего он от нее хотел получить. В этом его трагедия как государственного деятеля и как выдающейся личности.

Исчезновение империи разворачивалось в уникально–своеобразной форме. И то, как это объективно–неумолимое сказывалось на деятельности Горбачева, как отражались непредсказуемые во многом перемены в его мыслях, размышлениях, переживаниях, в поведении, в отношениях с людьми и т.д., представляет интерес не только как исторический источник. Это вместе с тем редкая возможность наблюдать в живой конкретике роль крупного деятеля в истории, когда он инициирует процессы и события, а потом теряет над ними контроль.

Такова, впрочем, судьба всех великих деятелей, революционеров и реформаторов в особенности, какими бы возможностями поначалу они ни располагали, даже если диктаторскими.

Мысли таких людей о самих себе и других, о своем предназначении, о своей стране и мире, даже их реакция на вроде бы частности и мелочи, всегда имеют самостоятельное значение, вне зависимости от результатов их деятельности. К Горбачеву это относится едва ли не больше, чем к кому другому

из ему подобных. Ибо с ним связан эпохальный поворот в ходе мировых событий.

В международном аспекте горбачевская перестройка еще раз воспроизвела российский парадокс: крутые перемены в этой стране, как правило, приносили больше пользы (пусть — через негативный опыт) вовне, чем ей самой, ее народу. 1991 год это выявил со всей очевидностью: приближение Советского Союза к катастрофе не подорвало авторитета Горбачева как лидера мирового масштаба, продолжавшего вносить оригинальный, долговременный и благотворный вклад в развитие мировой ситуации.

Однако использование внешней политики для так называемых «национальных интересов» не принесло того, на что рассчитывал Горбачев: «новое мышление» слишком опередило время, не готовое для его восприятия в качестве основополагающего руководства в международных отношениях. Компенсацией за это может служить убежденность в том, что основные принципы и фундаментальные идеи политической философии Горбачева все равно когда-то станут нормой существования и его собственной страны, и международного сообщества в целом. Иначе им не выжить.

Что касается конкретики отраженных в сборнике событий года, то автор записок и сейчас считает, что во многих своих опасениях и предчувствиях, высказанных или невысказанных, относительно возможностей и последствий перестройки он был прав.

Однако должен теперь признать, что как помощник и соратник, да и по-человечески, я был временами жестко несправедлив в оценке поведения, суждений и образа действий Горбачева, считая их недостойными или неадекватными положению и заслуженному величию такого деятеля. Тем более, что, хотя в практическом плане цели, выдвинутые перед собой Горбачевым, оказались неосуществимыми или заведомо иллюзорными, в плане исторической перспективы его миссия объективно была необходима, и многое в ней приобрело необратимый характер. Он прав, опровергая недругов, утверждающих, будто «эпоха Горбачева» кончилась. Нет, он в самом деле положил начало новой эпохе.